Избраніе александрійскихъ патріарховъ въ XVIII и XIX столѣтіяхъ.

Историческій очеркъ *).

ИЗЛОЖЕННЫЙ протоколъ избранія александрійскаго патріарха Косьмы III представляется важнымъ въ разныхъ отношеніяхъ.

Прежде всего, имѣетъ значеніе вступительная часть документа, выясняющая необходимость церковной власти и обязательность каноническаго ея преемства безъ малѣйшаго моральнаго ущерба для духовной паствы. Въ частности, здѣсь заслуживаетъ особаго вниманія указаніе на каноническое узаконеніе святыхъ отцовъ, епистимонарховъ церкви, о томъ, чтобы «церковь на продолжительное время не оставалась безъ пастыря». Очевидно, константинопольскій патріархъ Неофитъ VI и соборъ, совершившіе избраніе александрійскаго патріарха Косьмы III, въ данномъ случаѣ имѣли въ виду 25 правило IV вселенскаго собора, которымъ узаконено, «чтобы поставленія епископовъ совершаемы были въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ» отъ начала вдовства той или другой епархіи или церкви,—«развѣ неизбѣжная нужда заставитъ продлить время отлагательства». Византійскій канонистъ Ѳеодоръ Вальсамонъ въ своемъ толкованіи на это правило говоритъ, что трехмѣсячный срокъ для избранія епископа назначенъ съ тою цѣлью, чтобы, въ противномъ случаѣ, отъ промедленія не пострадали дѣла епископій и наставленіе народа не оказалось

*) Продолженіе. См. сентябрь.

въ небреженіи [47]). Въ такомъ же родѣ мотивируется и въ изложенномъ протоколѣ незамедлительное избраніе константинопольскимъ соборомъ александрійскаго патріарха Косьмы III. Преемство избирательной традиціи, ведущей свое происхожденіе отъ византійской эпохи, можно усматривать и въ томъ, что тотъ же трехмѣсячный срокъ, который константинопольскій соборъ 1737 года имѣлъ въ виду при избраніи преемника почившему александрійскому патріарху Косьмѣ, опредѣленъ былъ для каждаго избранія новаго епископа и государственными законами Византіи [48]), такъ что для Константинопольской церкви было двойное основаніе избѣгать опасной отсрочки въ новомъ избирательномъ актѣ.

Затѣмъ, документъ констатируетъ, что константинопольскій патріаршій престолъ не по собственному почину и рѣшенію приступилъ къ избранію новаго александрійскаго патріарха, но по просьбѣ клира и народа православной церкви въ Египтѣ. Послѣдніе же находились въ затруднительномъ положеніи, были не въ состояніи уврачевать собственными силами и средствами то моральное страданіе, которое испытывали, имѣли несомнѣнную потребность въ посторонней помощи и въ человѣколюбивомъ содѣйствіи иного патріаршаго престола, который могъ бы оказать имъ необходимую помощь. Такимъ престоломъ и былъ, по сужденію клира и народа Александрійской церкви, престолъ вселенскій, который являлся общею для всѣхъ матерію, каоолическою властью и какъ бы главою, съ прономіею оказывать попечительность и помощь всѣмъ автокефальнымъ православнымъ церквамъ, когда онѣ оказываются въ нуждѣ и затрудненіи. Но въ этой прономіи вселенскаго патріаршаго престола не было, по мнѣнію александрійскаго клира и народа, никакой папистической тенденціи, такъ какъ помощь, которую вселенская церковь оказывала инымъ автокефальнымъ церквамъ, во-первыхъ, обусловливалась просьбою послѣднихъ, во-вторыхъ, мотивировалась *материнскою* его попечительностью о благѣ находившейся въ затрудненіи церкви, и въ третьихъ, шла навстрѣчу назрѣвшей нуждѣ и потребности. Коль же скоро внутренняя жизнь той или другой автокефальной церкви проходила вполнѣ правильно и не вызывала никакой опасности

[47]) Ράλλης καὶ Ποτλῆς, Σύνταγμα τῶν θείων καὶ ἱερῶν κανόνων, II, 274–275. Ἀθῆναι 1852. Сравн. ibid., I, 49 (Νομοκάνων Φωτίου, πατριάρχου Κωνστ-πόλεως. τ. Λ', κ. θ').

[48]) *Basilica*, l. III, t. 1, c. 8. Ed. *Heimbach*, tom. I, p. 93—94. Lipsiae 1833.

для общецерковнаго блага и мира, коль скоро не раздавались совнѣ просьба о помощи и приглашеніе явиться съ содѣйствіемъ, то вселенскій патріаршій престолъ не считалъ возможнымъ и нужнымъ вмѣшиваться въ дѣла иной церкви и спѣшить съ своею попечительностью и помощью. При такомъ взаимоотношеніи вселенскаго и иныхъ патріаршихъ престоловъ православнаго Востока, со стороны послѣднихъ не было никакого опасенія относительно своей автокефальности, когда константинопольскій престолъ простиралъ имъ руку братской помощи. Напротивъ, восточныя церкви съ полнымъ довѣріемъ относились къ вселенскому престолу, сами искали его помощи въ затруднительномъ положеніи и взирали на его содѣйствіе, какъ на материнскую попечительность, направленную только ко благу нуждавшейся церкви, вызываемую мотивами взаимнаго братства, единенія, любви. Такъ именно и оцѣнивали александрійскій клиръ и народъ помощь вселенскаго престола, которой они искали: затрудняясь сами найти достойнаго кандидата патріаршей власти въ Египтѣ, они просили и даже умоляли Константинопольскую церковь озаботиться избраніемъ для нихъ соотвѣтствующаго іерарха, будучи вполнѣ увѣрены, что отъ такой помощи не будетъ ни малѣйшаго вреда или опасности для автокефальной Александрійской церкви, но произойдетъ одна только польза. Такова была *субъективная* оцѣнка факта избранія александрійскаго патріарха въ Константинополѣ, принадлежавшая православному духовенству и народу въ Египтѣ.

Что касается вселенскаго патріарха Неофита VI, къ которому была обращена просьба со стороны клира и народа Александрійской церкви, то и его святѣйшество оцѣнилъ ее вполнѣ согласно съ установившимся пониманіемъ традиціонныхъ взаимоотношеній константинопольскаго и иныхъ патріаршихъ престоловъ. Патріархъ Неофитъ съ готовностью пошелъ на встрѣчу нуждѣ александрійскаго престола и взялъ на себя заботу о благоустройствѣ его дѣлъ, въ интересахъ духовной паствы престола. Въ своемъ содѣйствіи патріархъ руководился, во-первыхъ, просьбою клира и народа Александрійской церкви и, во-вторыхъ, канонической прономіей вселенскаго престола—сочувственно, человѣколюбиво и съ полнымъ расположеніемъ простирать руку помощи другимъ церквамъ, когда онѣ въ ней нуждаются. Отмѣченная прономія вселенскаго престола оправдывается въ документѣ узаконеніями

соборными и царскими, или церковными и гражданскими. Синтезъ тѣхъ и другихъ содержится, напримѣръ, въ Синтагмѣ Матѳея Властаря (1335 г,), сохранившей и нынѣ на православномъ Востокѣ значеніе дѣйствующаго права. Въ главѣ «о патріархѣ» (π. 8) здѣсь содержатся и слѣдующія узаконенія: «Константинопольскій престолъ, украшенный царскою властью, провозглашенъ соборными опредѣленіями первымъ [среди другихъ престоловъ: срав. 3 пр. II вс. собора, 28 пр. IV вс. с., 36 пр. VI вс. с.]; слѣдуя имъ, божественные законы повелѣваютъ, чтобы на его разслѣдованіе и судъ представлялись разногласія, возникающія и въ другихъ престолахъ [ср. 9 и 17 пр. IV вс. с.]. Забота и попеченіе о всѣхъ митрополіяхъ, епископіяхъ, монастыряхъ и церквахъ, а также и судъ, осужденіе и оправданіе принадлежатъ мѣстному патріарху, а предстоятелю Константинополя позволительно не только учреждать ставропигіи въ предѣлахъ и остальныхъ престоловъ, гдѣ въ прежнее время не было освященія храма, но и наблюдать и исправлять разногласія, происходящія и въ прочихъ престолахъ, и полагать конецъ судамъ» и пр. [49]). Нѣтъ нужды распространяться о томъ, что отмѣченная прономія Константинопольскаго престола, въ связи съ другимъ условіемъ фактическаго ея примѣненія, именно—съ починомъ стороны, нуждающейся въ его помощи, оказывается совершенно чуждою папистической тенденціи, безопасною для автокефаліи иныхъ патріаршихъ престоловъ. А что константинопольскій патріархъ Неофитъ VI въ своихъ отношеніяхъ къ вдовствовавшей Александрійской церкви, дѣйствительно, былъ далекъ отъ какого-либо нарушенія автокефальныхъ правъ послѣдней,—объ этомъ свидѣтельствуютъ и нѣкоторыя детали въ содержаніи протокола объ избраніи патріарха Косьмы III. Именно, въ Константинополѣ было рѣшено, что избраніе новаго александрійскаго патріарха должно состояться на соборѣ, послѣ предварительнаго всесторонняго разслѣдованія вопроса, путемъ общаго и единогласнаго опредѣленія, на основаніи *богобоязненнаго* отношенія къ важному церковному дѣлу. Самый характеръ изложеннаго постановленія константинопольскаго престола говоритъ въ пользу сочувствія, расположенія и братства въ его отношеніяхъ къ Александрійской церкви, ока-

[49]) Ματθαῖος ὁ Βλάσταρις, Σύνταγμα κατὰ στοιχεῖον κτλ. Ράλλης καὶ Ποτλῆς, Σύνταγμα, VI, 429. Ἀθῆναι 1859. См. также выше, прим. 41.

завшейся въ нуждѣ и просившей помощи, и исключаетъ всякую мысль касательно властолюбивыхъ притязаній вселенскаго патріарха къ александрійскому престолу. Такимъ образомъ, и *объективная* оцѣнка факта избранія александрійскаго патріарха Косьмы III, принадлежавшая дѣятелямъ вселенскаго престола, была согласна съ традиціонной византійской теоріей о пентархіи въ православной церкви и совершенно чужда принципіально несвойственнаго Востоку папистическаго духа въ области взаимныхъ отношеній мѣстныхъ автокефальныхъ церквей.

Въ виду состоявшагося предварительнаго рѣшенія, въ Константинополѣ былъ устроенъ соборъ для избранія новаго александрійскаго патріарха. Соборъ происходилъ подъ предсѣдательствомъ святѣйшаго патріарха Неофита VI. Онъ имѣлъ три засѣданія. На первомъ и второмъ засѣданіяхъ собора присутствовали іерусалимскій патріархъ Мелетій, архіереи константинопольскаго престола, находившіеся въ столицѣ, почетные клирики Константинополя и, наконецъ, міряне—представители цеха мѣховщиковъ, состоявшіе попечителями и уполномоченными христіанъ Александрійской церкви. Значитъ, на соборѣ присутствовали представители трехъ патріаршихъ престоловъ православнаго Востока. Важнымъ нужно признать участіе на соборѣ антипросоповъ церкви Александрійской. Обратившись къ вселенскому престолу съ просьбою объ избраніи достойнаго предстоятеля Александрійской церкви, мѣстное духовенство и народъ не безучастно отнеслись къ самому процессу патріаршихъ выборовъ, но уполномочили присутствовать на соборѣ своихъ представителей—въ лицѣ почетнѣйшихъ членовъ столичнаго цеха мѣховщиковъ, находившихся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ христіанами Александріи и оказывавшихъ послѣднимъ различныя услуги даже въ области церковно-общественной жизни. Чрезъ посредство этихъ епитроповъ и епитритовъ христіане Египта и имѣли возможность заявить на соборѣ о своемъ отношеніи къ тому или другому кандидату патріаршества и вообще представить членамъ собора свое мнѣніе по обсуждавшемуся вопросу. И несомнѣнно, александрійскіе представители подавали свой голосъ на соборѣ. Изъ протокола объ избраніи патріарха Косьмы видно, что на *первомъ* засѣданіи константинопольскаго собора 1737 года, послѣ предложенія на обсужденіе вопроса (ὑπόθεσις или πρόβλημα),—которое было сдѣлано, конечно, патріархомъ

Неофитомъ,—происходило достаточное совмѣстное его обсужденіе съ надлежащею внимательностью и божественною ревностью. Въ этомъ совмѣстномъ обсужденіи вопроса, завершившемся общимъ и единогласнымъ мнѣніемъ и рѣшеніемъ. принимали участіе всѣ безъ исключенія члены собора—патріархи и архіереи, клирики и міряне—александрійскіе епитропы. И на первомъ засѣданіи собора было рѣшено—произвести избраніе новаго александрійскаго патріарха посредствомъ каноническаго голосованія. По установившемуся на Востокѣ обычаю, на первомъ засѣданіи намѣчались лишь кандидаты патріаршества, указывались ихъ достоинства и происходила общая ихъ оцѣнка примѣнительно къ традиціонному τύπος'у патріарха. На *второмъ* же засѣданіи избирательнаго собора, происходившемъ въ томъ же составѣ участниковъ, состоялся выборъ трехъ кандидатовъ изъ числа всѣхъ, намѣчавшихся къ избранію лицъ. Этотъ выборъ отличался общимъ единодушіемъ и согласіемъ (καὶ δὴ τῆς ἐκλογῆς γενομένης κοινῇ συγκατανεύσει τε καὶ συμπνοίᾳ) [50]). Но въ протоколѣ не названы имена двухъ другихъ кандидатовъ, которые вмѣстѣ съ бывшимъ писсидійскимъ митрополитомъ Косьмою были намѣчены въ качествѣ достойныхъ претендентовъ на александрійскій патріаршій престолъ.

Наконецъ, *третье* засѣданіе избирательнаго собора 1737 г. состоялось въ патріаршемъ храмѣ св. великомученика Георгія. Оно происходило при участіи только однихъ архіереевъ константинопольскаго престола, въ отсутствіе и самого вселенскаго патріарха. Получивши отъ его святѣйшества согласіе и разрѣщеніе произвести избраніе изъ трехъ намѣченныхъ кандидатовъ лишь одного, который и долженъ занять александрійскій патріаршій престолъ, находившіеся въ патріархіи архіереи-члены собора, явившись въ храмъ и совершивъ обычное чинопослѣдованіе съ призываніемъ Духа Святаго, произвели каноническое голосованіе, при чемъ первымъ по числу голосовъ оказался бывшій писсидійскій митрополитъ Косьма, который и былъ провозглашенъ александрійскимъ патріархомъ.

Патріархъ Косьма III извѣстенъ въ исторіи съ эпитетомъ «Καλοκάγαθος», такъ какъ заявилъ себя ревностью о православіи, добродѣтельною жизнью и заботами о благоустройствѣ церковныхъ дѣлъ въ Египтѣ [51]). Но почти все его патріар-

[50]) Ἀρχιμ. Καλλίνικος Δελικάνης, II, 35 28—29.

[51]) Въ „Діонисіевскомъ каталогѣ александрійскихъ патріарховъ" (Епископъ *Порфирій Успенскій*, Александрійская патріархія, I, 10) Косьма III

шество прошло въ крайней бѣдности и среди большихъ матеріальныхъ затрудненій [52]). Онъ скончался въ Пилусіи 3-го іюня 1746 года [53]).

характеризуется слѣдующимъ образомъ: „ὁ καλοκἀγαθος, ἀνὴρ λίαν θεοφιλὴς, τεκμήρια φέρων τῆς ἀρετῆς τῶν παλαιῶν ἁγίων πατριαρχῶν". Эпитетъ „Καλοκἀγαθος" сохранился за Косьмою III и въ исторіи (Δημήτριος Παχάλης, Ματθαῖος ὁ Ἄνδριος πάπας καὶ πατριάρχης Ἀλεξανδρείας καὶ πάσης γῆς Αἰγύπτου. Βιογραφικὸν σχεδιάριον, σ. 12, 23. Ἀθῆναι 1901). Впрочемъ, о моральномъ обликѣ Косьмы имѣются данныя и иного рода (Епископъ *Порфирій Успенскій*, Александрійская патріархія, I, 343).

[52]) Ἀθανάσιος Κομνηνὸς Ὑψηλάντης, 343, 352.

[53]) Въ „Большомъ кодексѣ" Александрійской патріархіи относительно этого сказано слѣдующее: „Κοσμᾶ τοῦ Καλοκἀγάθου, ἐφ' οὗ καὶ πίναξ γέγραπται, τελευτήσαντος ἐν Πηλουσίῳ τῇ γ' ἰουνίου τοῦ ἔτους ἀφμς'" и т. д. Значитъ, неправъ историкъ Аѳанасій Комнинъ Ипсиланти (с. 343), а за нимъ—и русскій ученый Х. М. Лопаревъ („Александрійская патріархія", I, С), датировавшіе кончину патріарха Косьмы „7-мъ іюня" 1746 года. Комнинъ Ипсиланти неправильно указываетъ и время вступленія Косьмы III на александрійскій патріаршій престолъ, относя его къ „5 марта 1738 (?) года" (с. 343). Не говоря уже объ очевидной ошибкѣ въ указаніи года, нельзя считать правильнымъ въ этой датѣ и мѣсяцъ („мартъ" 1737 г.). Епископъ Порфирій Успенскій (I, 37) и Х. М. Лопаревъ (I, С) относятъ избраніе Косьмы III къ октябрю 1737 г. Этой даты держится и греческій ученый—архимандритъ Хрисостомъ Пападопулъ („Ἀλεξανδρινὰ σημειώματα". Ἐκκλησιαστικὸς Φάρος, 1910, VI, 18). Основаніемъ для такого мнѣнія ученыхъ служитъ упомянутое выше поздравительное письмо къ патріарху кипрскаго архіепископа Филоѳея, датированное 18 октября 1737 года (Епископъ *Порфирій Успенскій*, Александрійская патріархія, I, 37-38). Но текстъ этого письма не содержитъ безспорныхъ данныхъ для упомянутаго заключенія ученыхъ. Въ письмѣ ясно говорится, что архіепископъ Филоѳей, вслѣдствіе политическихъ и иныхъ затрудненій, *запоздалъ* съ своимъ привѣтствіемъ и поздравленіемъ новоизбраннаго александрійскаго патріарха Косьмы (ἐξ οὗ καὶ τὰ αἴτια ὁποῦ ἐβραδύναμεν νὰ τὴν προσκυνήσωμεν καὶ νὰ τὴν συγχαρῶμεν διὰ τῶν παρ' ἡμῶν γραμμάτων· ἡ ἀποτυχία μάλιστα τῶν κοριστῶν и т. д.): объ избраніи Косьмы архіепископъ Филоѳей узналъ изъ письма этого патріарха, присланнаго изъ Константинополя, немедленно послалъ ему первое привѣтствіе при посредствѣ общаго дидаскола Критія, но оно не достигло цѣли, такъ что письмо Филоѳея отъ 18 октября 1737 года было уже вторымъ, значительно запоздавшимъ поздравительнымъ посланіемъ патріарху Косьмѣ. Поэтому мы и отодвигаемъ актъ избранія патріарха Косьмы къ сентябрю или даже къ августу 1737 года.

Кстати, въ дополненіе къ справкамъ о. архимандрита Хрисостома Пападопула относительно того, что Косьма въ время избранія на александрійскій патріаршій престолъ уже не состоялъ митрополитомъ Писсиціи (Ἐκκλησιαστικὸς Φάρος, 1910, VI, 18—19), можно указать на безспорное свидѣтельство протокола о его избраніи, гдѣ прямо сказано: „πρῶτον ἐθέμεθα τὸν πανιερώτατον μητροπλίτην πρώην Πισσιδείας κὺρ Κοσμᾶ" (Ἀρχιμ. Καλλίνικος Δελικάνης, II, 36. Κωνσταντινούπολις 1904).

IV.

Послѣ Косьмы III патріаршій престолъ въ Александріи занималъ блаженнѣйшій *Матѳей* (1746—1766 г.), по фамиліи Псалтисъ, бывшій ливійскій митрополитъ. Въ одномъ «Каталогѣ александрійскихъ патріарховъ» объ избраніи Матѳея на патріаршій престолъ говорится, что его «оставилъ (κατέλιπε) своимъ преемникомъ» блаженнѣйшій Косьма III, предшественникъ его по каѳедрѣ св. апостола Марка [54]). Въ «Діонисіевскомъ каталогѣ александрійскихъ патріарховъ» лишь отмѣчается, что Матѳей былъ «перемѣщенъ» (μετετέθη) на александрійскую патріаршую каѳедру «3 сентября» 1746 года [55]). Историкъ Аѳанасій Компинъ Ипсиланти говоритъ объ избраніи Матѳея слѣдующее: «Послѣ смерти александрійскаго патріарха Косьмы III, ливійскій митрополитъ Матѳей, родомъ съ острова Андроса, находившійся въ Бухарестѣ для наблюденія за монастыремъ Златари, преклоненнымъ александрійскому престолу, былъ избранъ вселенскимъ патріархомъ Паисіемъ и синодомъ въ патріарха Александріи, какъ первый архіерей престола, и, прибывши въ Константинополь, былъ перемѣщенъ въ третій день сентября (1747 года)» [56]). Другой историкъ-Кесарій Дапонте разсказываетъ, что Матѳей, состоявшій духовникомъ молдавлахійскаго воеводы Константина, при содѣйствіи послѣдняго былъ избранъ и патріархомъ, при чемъ перемѣщеніе (μετάθεσις) его совершилось въ Бухарестѣ [57]). Русскій ученый Х. М. Лопаревъ о вступленіи Матѳея на александрійскій патріаршій престолъ сообщаетъ слѣдующее: «[Косьма III] оставилъ своимъ преемникамъ Матѳея... 3 сентября [1746 года послѣдній] былъ избранъ вселенскимъ патріархомъ Паисіемъ и синодомъ въ патріархи Александріи» [58]). Авторъ спеціальной греческой монографіи о патріархѣ Матѳеѣ—Димитрій Пасхали не призналъ нужнымъ подробно изложить процессъ избранія его на александрійскій престолъ, хотя

---

[54]) Епископъ *Порфирій Успенскій*, Александрійская патріархія I, 14 19.

[55]) Тамъ же, 10 31—32.

[56]) Τὰ μετὰ τὴν ἅλωσιν, 355.

[57]) Καισάριος Δαπόντε, Ἱστορικὸς καταλογος, 87 (Σάθας, Μεσαιωνικὴ Βιβλιοθήκη, III. Ἐν Βενετίᾳ 1872).

[58]) Епископъ *Порфирій Успенскій*, Александрійская патріархія, I, стр. C—CI.

и располагалъ достаточными данными для этого,—но ограничился лишь замѣчаніемъ, что Матѳей «былъ избранъ въ Константинополѣ священнымъ синодомъ великой церкви при вселенскомъ патріархѣ Паисіи II, и именно 26 іюля 1746 года»; при этомъ авторъ указалъ на ошибочность хронологіи факта избранія, отмѣченной историкомъ А. Компиномъ Ипсиланти, именно—3-го сентября 1747 года [59]). Архимандритъ Хрисостомъ Пападопулъ установилъ слѣдующую хронологію патріаршества Матѳея: 26-го іюля 1746 года синодомъ константинопольской церкви было составлено опредѣленіе объ избраніи Матѳея на александрійскій патріаршій престолъ, 18 августа состоялся оффиціальный канонический актъ объ этомъ избраніи и 3 сентября 1746 года былъ совершенъ церковный актъ возведенія Матѳея на патріаршій престолъ; въ іюлѣ 1766 года Матоей отрекся отъ патріаршаго престола и удалился въ Кутлумушскій монастырь на Аѳонѣ, гдѣ и скончался 23 апрѣля 1771 года [60]). Наконецъ, ученый г. Мануилъ Гедеонъ, на основаніи надписи, находящейся на гробѣ патріарха Матѳея въ Кутлумушскомъ монастырѣ, датируетъ его кончину 25 апрѣля 1775 года [61]) и, значитъ, расходится не только съ мнѣніемъ о. архимандрита Хрисостома Пападопула, но и съ хронологіей «Большого кодекса» александрійской патріархіи, гдѣ сообщается, что патріархъ Матѳей скончался въ Кутлумушскомъ монастырѣ 23 апрѣля 1775 года [62]).

Такимъ образомъ, о порядкѣ и времени избранія Матѳея на александрійскій престолъ въ относящейся къ вопросу литературѣ высказываются различныя мнѣнія, несвободныя отъ тѣхъ или иныхъ недочетовъ,—за исключеніемъ почти во всемъ справедливаго опредѣленія хронологіи патріаршества Матѳея въ краткой статьѣ о. архимандрита Хрисостома Пападопула. Но вновь опубликованные оффиціальные документы, касающіеся избранія патріарха Матѳея, даютъ возможность подробно и правильно описать этотъ историческій фактъ.

---

[59]) Δ. Παπαχάλης, Ματθαῖος ὁ Ἀνδρίος, 12—13.

[60]) Ἀρχιμ. Χρυσόστομος Παπαδόπουλος, Ἀλεξανδρινὰ σημειώματα. Ἐκκλησιαστικὸς Φάρος, 1911, μάϊος, σ. 406.

[61]) Μανουὴλ Γεδεών, Ἡ ἀλληλογραφία τοῦ Ματθαίου πατριάρχου τῆς Ἀλεξανδρείας (Ἑλληνικὸς Φιλολογικὸς Σύλλογος, σύγγραμμα περιοδικόν, τόμος ΚΔ′ [1895], σ. 36, 40); Ἀλεξανδρειανὰ σημειώματα (Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια, 1911, № 35, σ. 278).

[62]) Δ Παπαχάλης, 81.

На разсматриваемый вопросъ проливаетъ свѣтъ, прежде всего, посланіе константинопольскаго патріарха Паисія II и синода, отправленное 26 іюля 1746 года ливійскому митрополиту Матѳею, который проживалъ въ Бухарестѣ въ званіи епитропа мѣстнаго метоха александрійскаго престола, монастыря Златари.

Послѣ обычнаго привѣтствія, въ которомъ ливійскій митрополитъ Матѳей именуется «во Святомъ Духѣ возлюбленнымъ братомъ и сослужителемъ нашей (патріарха) мѣрности», патріаршее и синодальное посланіе извѣщаетъ этого іерарха, что патріархъ и синодъ получили общее подписанное прошеніе египетскихъ христіанъ святѣйшаго патріаршаго престола великаго города Александріи, въ которомъ сообщается о смерти патріарха киръ Косьмы, а вмѣстѣ съ тѣмъ содержится горячая—на основаніи общаго мнѣнія и рѣшенія—просьба ихъ къ патріарху Паисію и синоду о томъ, чтобы посредствомъ общаго ихъ избранія и каноническаго рѣшенія было избрано достойное и соотвѣтствующее лицо для возведенія на вдовствующій патріаршій александрійскій престолъ. Вслѣдъ за полученіемъ этого прошенія патріархъ и синодъ имѣли общее для указанной цѣли собраніе. И когда состоялось тщательное синодальное разсужденіе съ цѣлью отысканія и избранія достойнаго и надлежащаго лица, которое должно предстоятельствовать на патріаршемъ престолѣ Александріи, то по общему мнѣнію и рѣшенію выше прочихъ (кандидатовъ) былъ оцѣненъ и всѣмъ предпочтенъ митрополитъ Матоей, который и былъ избранъ достойнымъ и заслуживающимъ патріаршаго александрійскаго престола, какъ почтенный и благочестивый, благоприличный и благоговѣйный въ дѣлахъ божественныхъ и церковныхъ, какъ благоразумный и разсудительный, любитель дисциплины, образованный, украшенный добродѣтелями, издавна выдававшійся въ сонмѣ архіереевъ, могущій, при Божіей помощи, упасти принадлежащихъ къ этому престолу христіанъ, согласно съ святою волею Божіей, и принести пользу ихъ душѣ, какъ отличающійся и жизнью, и словомъ. О таковомъ рѣшеніи своемъ патріархъ Паисій и синодъ особымъ посланіемъ сообщили и молдавлахійскому воеводѣ Іоанну-Константину Николаю Маврокордато, какъ возлюбленному по духу сыну патріарха, отечески прося его, чтобы онъ благосклонно согласился отпустить Матоея изъ Бухареста по владычнему своему разрѣшенію, дабы послѣдній отправился съ

Богомъ и возможно скорѣе прибылъ въ Константинополь, гдѣ должно состояться узаконенное чинопослѣдованіе и Матоей, согласно древнему церковному чину и каноническому установленію, долженъ быть избранъ и объявленъ духовнымъ отцемъ, предстоятелемъ и патріархомъ Александріи. Въ свою очередь и киръ-Матоей, побуждаемый Божественною ревностью, долженъ приготовиться къ этому и возможно скорѣе прибыть въ Константинополь. Вѣдь вселенскій патріархъ и синодъ, имѣя въ виду, чтобы изъ-за промедленія не случились какое-либо затрудненіе, безпокойство и вредъ, совершенно не допустили отсрочки, но тотчасъ же издали патріаршее объ этомъ распоряженіе и оффиціально сообщили мѣстнымъ архонтамъ и капукехагья, что патріаршій александрійскій престолъ окончательно зачисленъ за митрополитомъ Матоеемъ. Вообще, киръ Матоей приглашается—въ заключеніи посланія—поступить такъ, какъ именно указывается патріархомъ и синодомъ.

Посланіе подписали: константинопольскій патріархъ Паисій II, митрополиты: Іоакимъ ефесскій, Герасимъ ираклійскій, Кириллъ никомидійскій, Каллиникъ никейскій, Гавріилъ халкидонскій, Діонисій адріанопольскій, Діонисій неоксарійскій, Косьма писидійскій, Герасимъ древне-патрскій, Іаковъ ларисскій, Неофитъ митилинскій, Діонисій хіосскій и Самуилъ деркоискій [63]).

Второй документъ представляетъ синодальный протоколъ объ избраніи Матоея на александрійскій престолъ, совершенномъ въ августѣ 1746 года въ Константинополѣ, при вселенскомъ патріархѣ Паисіи II.

Святая Христова великая церковь, — говорится въ этомъ протоколѣ, — имѣя кромѣ прочихъ пропомій, самою первою своею пропоміею попеченіе о всѣхъ церквахъ, мудро и рачительно, какъ общая любвеобильная мать и глава, заботясь не только о ближнихъ, но и о дальнихъ своихъ членахъ и частяхъ, одинаково всѣмъ раскрывая материнскія свои объятія и соотвѣтственно раздавая свои дары и благодѣянія, обыкновенно пользуется для этого различными цѣлесообразными способами, такъ что не лишается ни одной изъ своихъ обязанностей: вѣдь у ней—церкви—нѣтъ ничего непредвидѣннаго и оставленнаго безъ попеченія. И вотъ, когда святѣйшій и патріар-

---

[63]) Δ. Πασχάλης, Ματθαῖος ὁ Ἀνδρίου, σ. 74—76.

шій престолъ великаго города Александріи остался безъ предстоятеля и безъ законнаго пастыря и патріарха, потому что состоявшій здѣсь патріархомъ блаженнѣйшій киръ Косьма переселился ко Господу и достигъ лучшей участи,—то находившіеся въ Египтѣ честнѣйшіе клирики этого патріаршаго престола и остальные избранные христіане—посвященные и міряне посредствомъ общаго своего и подписаннаго прошенія сообщили въ Константинополь святѣйшему владыкѣ и господину, вселенскому патріарху киръ Паисію, и находящемуся при немъ собору архіереевъ о состоявшемся вдовствѣ александрійскаго престола, при чемъ просили и горячо умоляли ихъ, чтобы они посредствомъ общаго синодальнаго избранія и каноническаго голосованія возвели и возстановили пастыремъ и патріархомъ на патріаршемъ этомъ престолѣ достойное, почтенное и соотвѣтствующее лицо. Посему мы, пребывающіе въ Константинополѣ собратія архіереи, — говорится далѣе въ протоколѣ, — согласно такой общей благословной просьбѣ тамошнихъ христіанъ, собравшись, съ одобренія и разрѣшенія его святѣйшества, во всечестномъ патріаршемъ храмѣ святого славнаго великомученика Георгія Побѣдоносца и подавши каноническіе голоса для отысканія и избранія достойнаго и соотвѣтствующаго лица, которое должно быть возведено на святѣйшій и патріаршій престолъ великаго города Александріи, первымъ поставили высокопреосвященнаго и богоизбраннаго митрополита Ливіи и возлюбленнаго нашего собрата киръ Матѳея, вторымъ преосвященнаго епископа Милеи киръ Неофита и третьимъ преподобнѣйшаго іерокирикса киръ Іоанникія, имена которыхъ были записаны въ этомъ священномъ кодексѣ святой великой Христовой церкви. Въ мѣсяцѣ августѣ 1746 года, индикта девятаго [64]).

Затѣмъ, 18 августа 1746 года вселенскій патріархъ Паисій отправилъ митрополиту Ливіи и нареченному кандидату (ὑποψήφιος) святѣйшаго патріаршаго престола великаго города Александріи, возлюбленному во Святомъ Духѣ брату и сослужителю, киръ Матѳею особое патріаршее письмо, также содержащее данныя по вопросу объ его избраніи. Въ этомъ письмѣ патріархъ извѣщалъ киръ Матѳея, что согласно просьбѣ воеводы Іоанна—Константина Николая Маврокордато, возлюбленнаго и превожделѣннаго по духу сына его святѣйше-

[64]) Ἀρχιμ. Καλλίνικος Δελικάνος, II, 39—40.

ства. и соотвѣтственно древнему церковному порядку и каноническому уставу, въ Константинополѣ со стороны мѣстныхъ архіереевъ, преосвященныхъ собратій и всечестныхъ, состоялось каноническое голосованіе относительно возведенія киръ Матѳея на александрійскій патріаршій престолъ, о чемъ и былъ составленъ синодальный протоколъ, который и препровождается въ Бухарестъ. Вслѣдъ затѣмъ было издано, — по дальнѣйшему сообщенію патріарха, — особое патріаршее разрѣшеніе относительно возведенія киръ Матѳея тамъ, въ Бухарестѣ, по чину перемѣщенія (λόγῳ μεταθέσεως), на святѣйшій патріаршій александрійскій престолъ и поставленія его законнымъ, каноническимъ и истиннымъ духовнымъ предстоятелемъ этого патріаршаго престола, пастыреначальникомъ, патріархомъ и владыкою. Въ заключеніе письма патріархъ выразилъ пожеланіе, чтобы Господь божественнымъ Своимъ руководительствомъ и помощью даровалъ ему благочестиво и богоугодно упасти ввѣренную ему свыше разумную Христову паству, угодить во всемъ и заслужить похвалу отъ Бога и людей въ томъ, что любезно и желательно его преосвященству, годы котораго да будутъ отъ Бога весьма многочисленны и счастливы [65]).

Наконецъ, того же 18 августа 1746 года патріархъ отправилъ угровлахійскому митрополиту Неофиту слѣдующую грамоту.

«Мѣрность наша посредствомъ настоящаго своего патріаршаго указа повелѣваетъ и даетъ разрѣшеніе тебѣ, преосвященному митрополиту Угровлахіи, всечестному и экзарху Плагинопъ, во Святомъ Духѣ возлюбленному своему брату и сослужителю киръ Неофиту, и прочимъ, находящимся въ Бухарестѣ, собратіямъ своимъ архіереямъ, чтобы вы, собравшись въ одномъ изъ тамошнихъ честныхъ храмовъ, возвели, по чину перемѣщенія, преосвященнаго митрополита Ливіи и нареченнаго кандидата великаго города Александріи и объявили его и поставили законнымъ, каноническимъ и истиннымъ предстоятелемъ того же самаго патріаршаго престола, пастыремъ, патріархомъ и господиномъ, согласно древнему священному чину церкви и каноническому уставу, такъ какъ установленное относительно этого возведенія каноническое голосованіе состоялось по мѣстному порядку со стороны находящихся въ

[65]) Δ. Παπαδόπουλος, 76—77.

Константинополѣ преосвященныхъ собратьевъ нашихъ архіереевъ и пречестныхъ, по нашему патріаршему почину и разрѣшенію, по смыслу уже изданнаго, записаннаго въ священномъ кодексѣ нашей Христовой великой церкви и посланнаго въ Бухарестъ синодальнаго протокола. Относительно этого и изданъ вамъ настоящій нашъ патріаршій указъ». Документъ былъ подписанъ константинопольскимъ патріархомъ Паисіемъ [66]).

Представленные документы даютъ довольно полную картину избранія блаженнѣйшаго Матоея на александрійскій патріаршій престолъ.

Прежде всего, избраніе Матѳея, состоявшееся въ Константинополѣ, произошло по почину христіанъ александрійскаго патріаршаго престола. Послѣ смерти блаженнѣйшаго патріарха Косьмы III, мѣстные клирики и міряне обратились къ вселенскому патріарху Паисію II и его синоду съ общимъ прошеніемъ, подписаннымъ всѣми,—въ которомъ, извѣстивши о кончинѣ своего первоіерарха, горячо просили и умоляли великую Христову церковь оказать имъ материнское свое содѣйствіе путемъ канонническаго избранія новаго александрійскаго патріарха. Въ документахъ отмѣчается, что христіане александрійскаго престола проявили въ указанной просьбѣ общее согласіе и единодушіе. Это обусловливалось тѣмъ, что, по общему сознанію клира и мірянъ александрійскаго престола, они собственными силами и средствами не могли выйти изъ создавшагося затрудненія и сами не могли избрать на александрійскій престолъ достойное и соотвѣтствующее лицо.

Просьба клира и мірянъ александрійскаго патріаршаго престола была благосклонно принята великою Христовою церковью. Послѣдняя, какъ видно изъ протокола избранія патріарха Матоея, взирала на помощь нуждавшейся Александрійской церкви, какъ на прямой свой долгъ, какъ на самую первую свою обязанность, обусловливаемую прономіею чести, которая издавна принадлежала великой Христовой церкви, въ сравненіи и въ отношеніи къ инымъ автокефальнымъ церквамъ. Вѣдь великая Христова церковь была общею любвеобильною матерію для остальныхъ восточныхъ церквей и какъ бы главою ихъ. Но полномочія ея, вытекавшія изъ прономіи

[66]) Ibid., 77—78.

материнства и какъ бы главенства, были совершенно чужды папистической тенденціи и не заключали въ своемъ содержаніи ни стремленія подчинить себѣ иныя восточныя церкви, ни попытки подорвать ихъ самостоятельность, или лишить ихъ правъ автокефальности. Они выражались лишь въ мудрой и попечительной предусмотрительности, направленной ко благу церкви каѳолической, членами которой являются отдѣльныя восточныя церкви, заключались въ материнской заботливости о томъ, чтобы всѣ и каждый члены той или иной автокефальной церкви были согрѣты ея любовью и покровительствомъ,—состояли въ раздаяніи духовныхъ даровъ и милостей соотвѣтственно потребностямъ каждой церкви и примѣнительно къ наличнымъ ея запросамъ, въ отвѣтъ на которые великая церковь примѣняла и соотвѣтствующія средства. Но при такомъ отношеніи къ прочимъ восточнымъ церквамъ великая Христова церковь хранила свое достоинство, не принижалась въ своей канонической чести и не нарушала своихъ историческихъ прономій и обязанностей, такъ какъ всегда стремилась соблюдать необходимую предусмотрительность и осторожность и дѣйствовала въ строгомъ согласіи съ законными своими полномочіями. Это было важно какъ для самой великой Христовой церкви, которая въ своихъ отношеніяхъ къ инымъ церквамъ стремилась не нарушать установившейся правовой нормы, опредѣлявшей лишь первенство чести, но не власти, константинопольскаго патріарха, такъ необходимо было и для другихъ восточныхъ престоловъ, потому что обезпечивало имъ внутреннюю свободу и сохраняло автокефальныя ихъ права. Исторически создавшійся типъ взаимоотношеній Константинопольской и иныхъ восточныхъ церквей въ точности отразился и въ фактѣ избранія александрійскаго патріарха Матѳея: оно состоялось по почину клира и народа Александрійской церкви и было, со стороны Константинопольской церкви, актомъ материнской помощи въ нуждѣ и содѣйствія въ затруднительномъ положеніи, въ интересахъ духовнаго блага александрійской паствы, безъ всякихъ неблагопріятныхъ послѣдствій для автокефальнаго достоинства александрійскаго патріаршаго престола.

Опираясь на единогласную просьбу христіанъ александрійскаго престола и на каноническую и историческую свою прономію—простирать руку материнской попечительности находившимся въ затрудненіи восточнымъ церквамъ, великая Хрис-

това церковь, въ лицѣ вселенскаго патріарха Паисія и священнаго синода, совершила актъ избранія новаго александрійскаго патріарха. Въ анализируемыхъ документахъ содержатся данныя о нѣкоторыхъ подробностяхъ этого важнаго и сложнаго процесса.

Такъ, изъ патріаршаго и синодальнаго посланія на имя киръ Матѳея отъ 26 іюля 1746 года видно, что на *первомъ* засѣданіи собора Константинопольской церкви, состоявшемся подъ предсѣдательствомъ патріарха Паисія II и въ присутствіи тринадцати митрополитовъ, было тщательное обсужденіе вопроса съ цѣлью найти и избрать достойнаго предстоятеля Александрійской церкви (ἀκριβοῦς συνοδικῆς σκέψεως παρ' ἡμῶν γενομένης εἰς εὕρεσιν καὶ ἐκλογὴν ἀξίου καὶ προσήκοντος προσώπου). По существовавшему въ избирательной практикѣ Востока обычаю, на этомъ засѣданіи указывались кандидаты патріаршества и происходила оцѣнка ихъ достоинствъ. Изъ протокола избранія киръ Матѳея видно, что, кромѣ него, въ числѣ претендентовъ на александрійскій патріаршій престолъ были названы милейскій епископъ Неофитъ и іерокириксъ Іоанникій. Вѣроятно, на засѣданіи были указаны и другіе претенденты патріаршей власти. Наименованіемъ и оцѣнкою кандидатовъ патріаршества и должно было закончиться первое засѣданіе избирательнаго собора. На *второмъ* засѣданіи, по установившемуся обычаю, долженъ былъ состояться выборъ трехъ кандидатовъ изъ среды всѣхъ, ранѣе намѣченныхъ и одобренныхъ соборомъ, лицъ. Хотя изъ документовъ съ отчетливостью не усматривается ходъ занятій второго засѣданія избирательнаго собора, но результатъ его отмѣченъ въ протоколѣ избранія киръ-Матѳея, гдѣ поименованы и два другіе кандидата. Возможно даже допустить, что фактически не было точнаго разграниченія между первымъ и вторымъ засѣданіемъ собора, но занятія его слѣдовали непосредственно и строго-преемственно, слившись въ одинъ сложный процессъ, потому что константинопольскій соборъ очень спѣшилъ съ избраніемъ александрійскаго патріарха, дабы избѣжать нежелательныхъ коллизій. Мало того, на первовторомъ засѣданіи собора вполнѣ точно опредѣлился и наиболѣе достойный и желательный кандидатъ патріаршества—ливійскій митрополитъ Матѳей. Въ посланіи на его имя отъ 26 іюля 1746 года прямо сказано, что на основаніи общаго мнѣнія и рѣшенія патріарха и митрополитовъ Константинопольской церкви, выше всѣхъ кандидатовъ былъ поставленъ,

всѣмъ предпочтенъ и избранъ достойнымъ патріаршества ливійскій митрополитъ Матѳей (προεχρίθης κοινῇ ἡμῶν γνώμῃ τε καὶ ψήφῳ καί προετιμήθης καὶ ἐξελέγης τῶν ἄλλων ἡ ἀρχιεροσύνη σου) [67]). Конечно, съ точки зрѣнія акривіи избирательнаго регламента такое рѣшеніе собора было преждевременнымъ и являлось отступленіемъ отъ установившейся нормы. Но, съ другой стороны, то избраніе киръ Матѳея, о которомъ говорится въ патріаршемъ и синодальномъ посланіи отъ 26 іюля 1746 года, было лишь начальнымъ актомъ сложнаго процесса, для завершенія котораго необходимы были и другія дѣйствія. Въ частности, необходимо было получить согласіе намѣченнаго лица для замѣщенія патріаршей каѳедры, послѣ чего должно было состояться окончательное избраніе въ храмѣ, съ призываніемъ Духа Святаго. Затѣмъ, къ акту избранія александрійскаго патріарха небезучастно относился молдавлахійскій воевода Іоаннъ Константинъ Маврокордато, духовникомъ котораго состоялъ Матѳей, а въ виду громаднаго вліянія на церковныя дѣла, которое въ разсматриваемое время принадлежало молдавлахійскимъ воеводамъ, патріарху Паисію и вообще было не излишне снестись съ К. Маврокордато по дѣлу объ избраніи Матѳея. По этимъ основаніямъ состоялась нѣкоторая отстрочка въ окончательномъ выборѣ Матѳея, и хотя патріархъ и синодъ въ спеціальномъ посланіи отъ 26 іюля и извѣстили Матѳея о предъизбраніи и приглашали его прибыть въ Константинополь, но самый важный актъ избирательнаго процесса былъ еще впереди. Поэтому патріаршее и синодальное посланіе отъ 26 іюля было какъ бы оффиціальнымъ малымъ извѣщеніемъ (μικρὸν μήνυμα) митрополита Матѳея, предварительно избраннаго на александрійскій патріаршій престолъ. Затѣмъ, допуская согласіе Матѳея на избраніе, вселенскій патріархъ и синодъ, во избѣжаніе какихъ-либо затрудненій и замѣшательствъ, которыя нерѣдко омрачали на Востокѣ патріаршіе выборы, приняли мѣры къ тому, чтобы александрійскій престолъ былъ сохраненъ именно за намѣченнымъ ими кандидатомъ. Съ этою цѣлью важнѣйшимъ архонтамъ Порты и капукехагья, которые были посредниками въ дѣлахъ между церковью и государствомъ, со стороны патріархіи было оффиціально сообщено, что великая Христова церковь уже имѣетъ достойнаго кандидата для замѣщенія александрійскаго престола—въ лицѣ ливійскаго митрополита Матѳея. Любопытно, что патріархъ и

[67]) Ibid., 75.

митрополиты Константинопольской церкви приглашали Матѳея какъ можно скорѣе пріѣхать въ столицу имперіи, дабы каноническимъ порядкомъ завершить актъ его избранія. О томъ же они просили и воеводу Константина Маврокордато. Но нареченный (ὑποψήφιος) патріархъ не пріѣхалъ въ Константинополь, повидимому, по желанію своего духовнаго сына Константина Маврокордато, который, въ свою очередь, обратился къ константинопольскому патріарху съ просьбою о томъ, чтобы актъ перемѣщенія Матѳея былъ совершенъ въ Бухарестѣ. Эта просьба Маврокордато была въ Константинополѣ уважена [68]).

Тѣмъ временемъ въ Константинополѣ состоялось *третье* засѣданіе избирательнаго собора, завершившееся окончательнымъ избраніемъ Матоея на александрійскій престолъ. Объ этомъ засѣданіи говоритъ сохранившійся протоколъ избранія Матѳея. Засѣданіе происходило въ августѣ 1746 года, вѣроятно,—18 числа, къ которому относятся два другіе документа, касающіеся избранія Матѳея. Оно состоялось въ патріаршемъ храмѣ св. великомученика Георгія, при участіи однихъ только архіереевъ константинопольскаго престола и въ отсутствіе святѣйшаго патріарха Паисія. Получивъ отъ послѣдняго согласіе и разрѣшеніе, архіереи явились въ храмъ, совершили установленное чинопослѣдованіе и подали каноническіе свои голоса относительно трехъ, намѣченныхъ къ избранію, кандидатовъ патріаршества, при чемъ первымъ, по большинству голосовъ, былъ поставленъ ливійскій митрополитъ Матѳей, который и былъ провозглашенъ законнымъ, каноническимъ и истиннымъ патріархомъ Александріи и всей земли Египетской.

Послѣ избранія киръ Матѳея на александрійскій патріаршій престолъ, должно было состояться великое наречепіе или извѣщеніе его (μέγα μήνυμα), которое обыкновенно происходило въ храмѣ, по опредѣленному богослужебному чину и составляло особый церковный актъ [69]). Но киръ Матѳей находился въ Бухарестѣ, куда, по просьбѣ воеводы Константина Маврокордато, былъ отправлено и извѣщеніе относительно его избранія. Здѣсь же, въ Бухарестѣ, по просьбѣ того же воеводы и съ согласія вселенскаго патріарха Паисія II имѣло состояться и великое наречепіе Матѳея. Объ этомъ именно актѣ ведется рѣчь въ двухъ грамотахъ вселенскаго патріарха отъ 18 августа

[68]) Δ. Παπαχάλης, 76.

[69]) *И. И. Соколовъ*, Избраніе патріарховъ въ Византіи и пр., стр. 110 и д.

1746 года, изъ которыхъ одна была отправлена киръ Матѳею, а другая угровлахійскому митрополиту Неофиту. Любопытно отмѣтить, что въ первой грамотѣ Матоей именуется еще «митрополитомъ Ливіи и нареченнымъ кандидатомъ (ὑποψήφιος) патріаршаго престола великаго города Александріи». Во второй грамотѣ повелѣвается митрополиту Неофиту, чтобы великое нареченіе Матѳея было совершено въ одномъ ихъ храмовъ Бухареста, при участіи митрополита Неофита и другихъ, находящихся въ Бухарестѣ, архіереевъ, по издревне установленному церковному чину и каноническому порядку, при чемъ самый актъ возведенія Матоея долженъ былъ совершится по типу перемѣщенія (προβιβασμὸς λόγῳ μεταθέσεως) съ низшей—митрополичьей каѳедрѣ на высшую—патріаршую [70]). Послѣднее добавленіе въ документѣ даетъ основаніе полагать, что вмѣстѣ съ великимъ нареченіемъ въ Бухарестѣ долженъ былъ состояться и актъ интронизаціи киръ Матѳея, или торжественнаго посажденія его на тронѣ [71]). Разумѣется, этотъ актъ интронизаціи не исключалъ повторенія его въ Александріи или Каирѣ, послѣ прибытія сюда новоизбраннаго патріарха, гдѣ онъ долженъ былъ совершиться въ патріаршемъ храмѣ, въ присутствіи духовенства и народа Александрійской церкви и согласно мѣстному церковному уставу. Что же касается торжества «перемѣщенія» киръ Матѳея, состоявшагося въ Бухарестѣ, то оно происходило 3 сентября 1746 года, въ одномъ изъ мѣстныхъ храмовъ, посредствомъ совершенія особаго церковнаго чина, съ провозглашеніемъ киръ Матѳея духовнымъ предстоятелемъ александрійскаго патріаршаго престола, пастыремъ, патріархомъ и владыкою [72]).

Такимъ образомъ, избраніе александрійскаго патріарха Матѳея состоялось въ Константинополѣ, по почину паствы Александрійской церкви, по голосу и рѣшенію вселенскаго патріарха Паисія II и его священнаго синода, при содѣйствіи молдавлахійскаго воеводы Іоанна Константина Маврокордато. 26 іюля 1746 года произошло предварительное постановленіе объ избраніи Матѳея, въ августѣ, вѣроятно, 18 числа, состоялось окончательное каноническое его избраніе соборомъ іерар-

---

[70]) Δ. Παπαδόπουλος, 77.

[71]) *И. И. Соколовъ*, Избраніе патріарховъ въ Византіи, стр. 158 и д. Срав. Константинопольская церковь въ XIX вѣкѣ, I, 760. Спб. 1904.

[72]) Епископъ *Порфирій Успенскій*, Александрійская патріархія, I, 10.

ховъ Константинопольской церкви, а 3 сентября того же года въ Бухарестѣ былъ совершенъ церковный актъ перемѣщенія киръ Матѳея съ ливійской митрополичьей каѳедры на александрійскій патріаршій престолъ, заключавшій въ своемъ составѣ и великое извѣщеніе или нареченіе, и обрядъ интронизаціи. Значитъ, при свѣтѣ оффиціальныхъ документовъ, относящихся къ разсматриваемому вопросу, не можетъ быть рѣчи ни объ «оставленіи» со стороны александрійскаго патріарха Косьмы III своимъ преемникомъ по престолу ливійскаго митрополита Матѳея, вопреки сообщенію «Каталога александрійскихъ патріарховъ» и мнѣнію русскаго ученаго Х. М. Лопарева,—ни о фактѣ перемѣщенія киръ Матѳея «въ Константинополѣ», къ тому же «въ 1747 году» (3 сентября), какъ сообщаетъ греческій историкъ А. Комнинъ Ипсиланти,—ни о датированіи избранія Матѳея «26 іюля» 1746 года,—какъ дѣлаетъ авторъ спеціальной греческой монографіи объ этомъ патріархѣ, и т. д. [73]).

Патріаршество блаженнѣйшаго Матѳея продолжалось до іюля 1766 года, когда онъ добровольно отказался отъ каѳедры, удалился въ Кутлумушскій монастырь на Аѳонѣ, гдѣ и скончался 25 апрѣля 1775 года [74]).

V.

Преемникомъ Матѳея на александрійскомъ патріаршемъ престолѣ былъ блаженнѣйшій *Кипріанъ* (1766—1783 г.), объ избраніи котораго также имѣются достаточныя историческія данныя.

Въ началѣ 1766 года патріархъ Матѳей, по дѣламъ своего престола, находился въ Константинополѣ. Здѣсь онъ, между прочимъ, участвовалъ въ избраніи новаго патріарха Антіохійской церкви киръ Филимона, которое состоялось на со-

---

[73]) См. выше, примѣчанія 54—59.

[74]) Δ. Π α σ χ ά λ η ς, написавшій спеціальный очеркъ жизни и дѣятельности патріарха Матѳея (Аѳины 1901), не былъ знакомъ съ капитальнымъ трудомъ русскаго ученаго, епископа Порфирія Успенскаго („Александрійская патріархія", I. Спб. 1898), поэтому и не воспользовался находящимся здѣсь важнымъ историческимъ матеріаломъ. Между прочимъ, въ трудѣ незабвеннаго русскаго византолога помѣщенъ въ греческомъ текстѣ съ русскимъ переводомъ б е р а т ъ патріарха Матѳея (стр. 39—50), полученный имъ отъ турецкаго султана Мустафы III, въ обмѣнъ на старый документъ, выданный ему послѣ занятія александрійскаго престола. Бератъ имѣетъ весьма важное научное значеніе.

борѣ въ присутствіи патріарховъ—вселенскаго Самуила и іерусалимскаго Парѳенія и іерарховъ Константинопольской церкви[75]), и, въ свою очередь, отправилъ антіохійцамъ особое посланіе о признаніи новоизбраннаго патріарха,—датированное 29 апрѣля 1766 года [76]). Около того же времени патріархъ Матѳей получилъ изъ Александріи трогательное письмо мѣстнаго духовенства и народа, въ которомъ выражалась общая глубокая скорбь по поводу ихъ разлуки съ любимымъ архипастыремъ и содержалась горячая просьба всѣхъ о томъ, чтобы киръ Матѳей возможно скорѣе возвратился къ своей паствѣ. На это письмо патріархъ Матѳей отвѣтилъ посланіемъ отъ 1 мая 1766 года, въ которомъ имѣются нѣкоторыя данныя и по вопросу объ избраніи на александрійскій престолъ его преемника.

Патріаршее посланіе обращено было къ архимандритамъ и протосинкелламъ апостольскаго и патріаршаго александрійскаго престола, клирикамъ, купцамъ, представителямъ ремесленныхъ цеховъ, собственникамъ и капитанамъ судовъ, морякамъ и всѣмъ вообще благословеннымъ христіанамъ, какъ живущимъ въ Египтѣ, такъ и находящимся въ путешествіи, которымъ патріархъ, какъ возлюбленнымъ и вожделѣннымъ чадамъ своимъ о Господѣ, испрашивалъ благодать, милость и миръ отъ Господа нашего Іисуса Христа, а отъ себя послалъ благословеніе, благопожеланіе и прощеніе.

Мы получили,—писалъ киръ Матѳей,—посланное изъ Александріи, подписанное вами общее ваше прошеніе, въ которомъ вы со слезами пишете намъ о пастырскомъ сиротствѣ вашемъ и приглашаете насъ возвратиться на престолъ нашъ, потому что вы болѣе не можете переносить, какъ совершенно невыносимое и весьма трудное, бѣдствіе отсутствія насъ, отца вашего. Посему мы не только обрадовались, но и восхвалили васъ и потомъ отечески, отъ всего сердца помолились о васъ за то благоговѣйное расположеніе, которое вы храните въ отношеніи къ намъ, и за горячую сыновнюю любовь. Вѣдь и мы, побуждаемые отеческимъ нашимъ сожалѣніемъ и духовнымъ долгомъ, которое имѣемъ къ вамъ, нисколько не оставляли заботиться о будущемъ покровительствѣ и попечи-

---

[75]) Ἀρχιμ. Κλεινικος Δελικάνης. II, 207—208.

[76]) Епископъ *Порфирій Успенскій*, Александрійская патріархія, I, 56—58.

тельствѣ относительно васъ, и при томъ не соотвѣтственно вашему стремленію, но такъ, какъ требуетъ необходимость и какъ поучаетъ насъ время. Именно, прибыть къ вамъ, какъ вы пишете и просите и какъ насъ немало побуждалъ и нашъ архимандритъ киръ Мелетій, не позволяетъ намъ крайняя слабость, происходящая отъ постояннаго тѣлеснаго недомоганія нашего,—какъ объ этомъ извѣстно всѣмъ; но однако мы никогда и нисколько не забываемъ о васъ, и хотя тѣлесно мы отсутствуемъ, но духовно не отдѣлены отъ васъ. Посему, дабы намъ не оставить васъ въ печали вслѣдствіе лишенія васъ пастырскаго предстоятельства, мы, обсудивъ положеніе святѣйшаго александрійскаго престола и имѣя въ виду большіе расходы, соединенные съ патріаршимъ достоинствомъ, пишемъ вамъ и посредствомъ настоящаго посланія доводимъ до вашего свѣдѣнія, что мы, соотвѣтственно доброму намѣренію, которое питали издавна, *рѣшили отречься отъ престола въ пользу человѣка, извѣстнаго вамъ и вами одобреннаго*, дабы на эту апостольскую каѳедру не былъ возведенъ кто-либо чужой и неизвѣстный и дабы онъ не обременилъ ее долгами и обязательствами во много пунговъ [77]). И такъ, мы приложили тщательную заботу и попеченіе для отысканія и избранія [своего преемника] изъ среды окружающихъ насъ лицъ и предрѣшили, что для возведенія на величайшую высоту патріаршаго достоинства больше всѣхъ достоинъ высокопреподобнѣйшій нашъ архимандритъ киръ... [Кипріанъ], котораго вы знаете и о которомъ всѣмъ вамъ извѣстно, какого онъ прекраснаго поведенія и какой почтенной жизни; равнымъ образомъ и нами въ теченіе многолѣтняго наблюденія были замѣчены прекрасная его жизнь и вѣрное его служеніе святѣйшему александрійскому престолу и намъ; онъ не мало потрудился и похлопоталъ, содѣйствуя намъ для пользы святѣйшаго престола почти болѣе, чѣмъ кто-либо другой; онъ въ особенности украшенъ и правами и любовію къ наукамъ,—какъ это извѣстно и вамъ. И вотъ мы посылаемъ съ нашимъ архимандритомъ киръ Мелетіемъ настоящую извѣстительную грамоту, равно и двѣ копіи, которыя написали съ тѣмъ, чтобы вы подписали ихъ и по общему мнѣнію и единодушному соглашенію приняли и одобрили нашъ отеческій совѣтъ всѣ

---

[77]) Пунгъ (πουγγεῖον) или кошелекъ (кисе) равняется 500 піастрамъ или гросіямъ, т. е. 40 рублямъ по современному счету.

безъ исключенія—какъ священники и клирики, такъ и весь остальной избранный народъ, ради выгоды и пользы престола (такъ какъ не будетъ ни расходовъ, ни долговъ его высокопреподобія), а равно это будетъ полезно и вообще для всего состава прочихъ лицъ престола. Если же не будетъ такъ и вы, будучи недовольны, не примете, то мы должны будемъ отречься въ пользу человѣка чужого, и вы потомъ не сѣтуйте на насъ. И объ этомъ,—говорится въ заключеніе посланія,—благожелательно сообщается вамъ ради свѣдѣнія [78]).

Въ отвѣтъ на это посланіе духовенство и народъ Александрійской церкви въ томъ же 1766 году прислали въ Константинополь свое письмо съ такимъ надписаніемъ: «Блаженнѣйшему, Божественнѣйшему и досточтимѣйшему отцу нашему, владыкѣ и господину, папѣ и патріарху великаго города Александріи и судіи вселенной, киръ-киръ Матѳею воздаемъ рабское съ совершеннымъ благоговѣніемъ и смиренное поклоненіе съ лобызаніемъ всесвятыхъ его рукъ».

Выразивъ пожеланіе, чтобы Господь защитилъ патріарха, сохранилъ его здоровымъ и благополучнымъ на многіе годы и даровалъ ему достиженіе всѣхъ благихъ и спасительныхъ его стремленій, составители посланія продолжаютъ слѣдующимъ образомъ. Такъ какъ ваше почтенное блаженство, отвѣчая на ранѣе посланное нами изъ Александріи общее прошеніе, сообщаетъ намъ о крайней своей слабости, происходящей отъ постоянной тѣлесной болѣзни, и вмѣстѣ съ тѣмъ извѣщаетъ насъ, что не можетъ прибыть для предстоятельства святѣйшаго престола и имѣть духовное о насъ попеченіе и заботу, то мы глубоко были этимъ опечалены. Посему мы всѣ, собравшись вмѣстѣ, обсудили это и съ немалымъ унынiемъ и сокрушеніемъ совмѣстно рѣшили написать настоящее наше смиренное и просительное посланіе къ вашему блаженству, въ которомъ мы умоляемъ и горячо просимъ васъ, чтобы вы, какъ любвеобильный отецъ нашъ и владыка, сжалились и помиловали насъ и *совершили свое отреченіе не въ пользу чужого лица и вамъ неизвѣстнаго, но въ пользу человѣка, близкаго апостольскому александрійскому престолу* и истиннаго сына вашего блаженства, высокопреподобнѣйшаго архимандрита.., котораго вы знаете, какъ

---

[78]) Епископъ *Порфирій Успенскій*, Александрійская патріархія, I, 58—59.

хорошаго и вѣрнаго управителя, украшеннаго добрыми и прекрасными нравами, и вообще сказать,—вы признаете его способнымъ къ тому, чтобы предстоятельствовать, какъ должно, въ дѣлахъ патріаршаго достоинства, благоустоять и управлять святѣйшимъ александрійскимъ престоломъ. И нами онъ былъ одобренъ, предпочтенъ и избранъ изъ среды прочихъ достойныхъ и способныхъ, какъ мужъ почтенный, уважаемый, благочестивый и благоприличный и въ тѣлесномъ отношеніи и въ душевныхъ своихъ качествахъ, прекрасно свѣдующій въ дѣлахъ божественныхъ, засвидѣтельствованный въ томъ, что проводитъ благоразумную жизнь, отличающійся душевными и тѣлесными доблестями, смиреніемъ и кротостью, которыми характеризуется Божій человѣкъ; кромѣ того, онъ явилъ себя и былъ признанъ нами вѣрнымъ во всѣхъ своихъ служеніяхъ для апостольскаго александрійскаго престола,—вслѣдствіе всего этого онъ и былъ предпочтенъ всѣмъ. Сообщая объ этомъ, мы, по общему мнѣнію и единодушному соглашенію, смиренно просимъ, чтобы онъ именно прибылъ къ намъ предстоятелемъ и пастыремъ, а не иной кто-либо, вслѣдствіе нужды несчастнаго александрійскаго престола, о бѣдности котораго и несчастномъ состояніи вы, ваше блаженство, на основаніи нашего доклада, очень хорошо знаете, и мы нисколько не сомнѣваемся, что именно въ силу прекраснаго—до настоящаго времени—предстоятельства [вашего блаженства] и управленія престолъ и не впалъ въ долги. Избѣгая и впредь этого, мы просимъ склониться на горячую, смиренную сыновнюю нашу просьбу, такъ какъ отъ вашего блаженства нисколько не скрыто, что несчастнѣйшій александрійскій престолъ не можетъ больше снести ни великаго, ни малаго долга, и что онъ всюду имѣетъ и носитъ слѣды паденія. По этой причинѣ мы пишемъ общее прошеніе и къ святѣйшему патріарху Константинополя и къ досточтимѣйшему нашему владыкѣ киръ-киръ Самуилу и къ святѣйшему и священному синоду, прося ихъ о томъ, чтобы мы, какъ истинныя и благопослушныя чада великой церкви Христа и Бога нашего, были услышаны въ сыновнихъ и смиренныхъ нашихъ просьбахъ. Если же этого не будетъ и мы не будемъ услышаны и дѣло не состоится такъ, какъ мы пишемъ и просимъ и какъ по необходимости требуютъ обстоятельства, то по необходимости и слѣдуетъ, что мы не примемъ долга, который долженъ будетъ сдѣлать и принести оттуда [изъ Константинополя] будущій

новый патріархъ, и слѣдовательно, онъ вынужденъ будетъ возвратиться назадъ. Такъ мы пишемъ и къ святѣйшему нашему господину [патріарху Самуилу] и къ святому и священному синоду, дабы впослѣдствіи насъ не признали и не осудили, какъ не повинующихся иному синодальному рѣшенію, т. е. избранію иного новаго патріарха, помимо упомянутаго, къ тому же—съ обычными всѣми тяжелыми расходами и долгами. И въ этомъ именно заключается просьба, а честная и богоугодная молитва вашего блаженства и благословенія да будутъ со всѣми нами въ продолженіе всей жизни, годы же вашего блаженства да будутъ отъ Бога весьма многочисленны и во всемъ счастливы [79]).

Что касается посланія, отправленнаго клиромъ и народомъ александрійскаго престола константинопольскому патріарху Самуилу, то оно имѣетъ слѣдующее надписаніе: «Святѣйшій и досточтимѣйшій владыка и архіепископъ Константинополя, новаго Рима, и вселенскій патріархъ, киръ-киръ Самуилъ со всѣмъ священнымъ синодомъ и собраніемъ высокопреосвященныхъ и богоизбранныхъ архіереевъ, ваше святѣйшество колѣнопреклоненно привѣтствуя, смиренно и рабски отъ сердца лобызаемъ священныя ваши ноги, прося Бога всѣхъ о многолѣтнемъ здоровьѣ и мирномъ вашемъ пребываніи на священнѣйшемъ вселенскомъ патріаршемъ престолѣ для управленія и устроенія великой Христовой церкви и всего о Христѣ православнаго общества».

Такъ какъ мы,—говорится далѣе въ посланіи,—нѣсколько времени тому назадъ написали блаженнѣйшему и досточтимѣйшему нашему владыкѣ, патріарху Александріи киръ-киръ Матѳею и посредствомъ общаго нашего прошенія просили о вожделѣнномъ его пребываніи здѣсь, на святѣйшемъ престолѣ, а онъ отвѣтилъ намъ, что вслѣдствіе постоянной тѣлесной болѣзни его и слабости невозможно ему прибыть, но онъ желаетъ принести отреченіе отъ патріаршаго своего предстоятельства и на будущее время остаться на покоѣ; то въ силу этого мы, съ великимъ унынiемъ и немалою печалью собравшись вмѣстѣ, всѣ разсудили и рѣшили написать просительныя грамоты его блаженству и къ вашему святѣйшеству вмѣстѣ со всѣмъ священнымъ синодомъ и собраніемъ высокопреосвященныхъ и богоизбранныхъ архіереевъ. Въ грамотѣ его бла-

[79]) Ibid., 62—63.

женству, какъ знающему о печальномъ состояніи святѣйшаго александрійскаго престола, мы горячо просили, чтобы онъ не отрекался (отъ престола) въ пользу кого-либо чужого и неизвѣстнаго намъ, дабы не увеличился долгъ, лежащій на святѣйшемъ этомъ престолѣ, такъ какъ онъ не можетъ вынести его, да это невыносимо и для насъ. Ваше же досточтимое святѣйшество мы, описавъ вамъ несчастное и бѣдственное состояніе этого престола, просимъ и сыновне умоляемъ вмѣстѣ съ священными архіереями, находящимися при васъ, не отказать, чтобы отреченіе его блаженства состоялось не въ пользу другого какого-либо лица, а именно въ пользу высокопреподобнѣйшаго архимандрита..., такъ близкаго апостольскому и святѣйшему этому престолу и вѣрнаго слуги и истиннаго и преданнаго сына его блаженства. Такъ какъ мы уже давно знаемъ его, какъ хорошаго и вѣрнаго управителя, украшеннаго добрыми и благочестивыми нравами, и вообще сказать — признаемъ его способнымъ къ тому, чтобы предстоятельствовать, какъ должно, въ дѣлахъ патріаршаго достоинства, руководить и пасти благочестиво, управлять святѣйшимъ александрійскимъ престоломъ соотвѣтственно нуждѣ и потребности, являющимся ограниченными, то нами онъ былъ одобренъ, предпочтенъ и избранъ изъ среды прочихъ достойнымъ и способнымъ, какъ мужъ почтенный, уважаемый, благочестивый и благопристойный и въ тѣлесномъ отношеніи и въ душевныхъ свойствахъ, прекрасно свѣдущій въ дѣлахъ божественныхъ, засвидѣтельствованный въ томъ, что проводитъ благоразумную жизнь, отличающійся душевными и тѣлесными доблестями, смиреніемъ и кротостью, которыми характеризуется Божій человѣкъ. Сообщая объ этомъ, мы, по общему мнѣнію и единодушному соглашенію, смиренно просимъ, чтобы именно онъ прибылъ къ намъ предстоятелемъ и пастыремъ, а не иной кто-либо, ради нужды этого несчастнаго престола, о бѣдности и несчастномъ состояніи котораго очень хорошо знаетъ, на основаніи нашего доклада, его блаженство, такъ какъ въ силу честнаго и отличнаго предстоятельства его блаженства и управленія до настоящаго времени престолъ — мы нисколько въ этомъ не сомнѣваемся—былъ сохраненъ и не впалъ въ долги. Избѣгая и впредь этого (долговъ), мы и опять просимъ, чтобы мы были услышаны въ смиренныхъ, горячихъ сыновнихъ нашихъ просьбахъ, потому что святѣйшій александрійскій престолъ не можетъ вынести ни большого, ни малаго долга, такъ

какъ онъ всюду имѣетъ и носитъ признаки паденія и едва оказывается въ состояніи, какъ это всѣмъ извѣстно, содержать патріарха и его синодію и платить царскіе налоги. Православные жители Египта—всѣ очень бѣдны, жители Даміеты и Рахити — достойны милостыни, находящіеся здѣсь купцы въ настоящее время болѣе, чѣмъ прежде, уменьшились въ числѣ и обѣднѣли. Монастырь св. Саввы въ Александріи только отъ православныхъ моряковъ имѣетъ управленіе. Арендная плата за нѣсколько домовъ, посвященныхъ святому Георгію въ древнемъ Мисири [Каирѣ], достаточна лишь для содержанія находящихся тамъ бѣдныхъ, такъ какъ самый монастырь служитъ и больницей, и убѣжищемъ для бѣдныхъ, и пріютомъ для стариковъ. Посему мы просимъ, чтобы оказана была милость этому бѣдному престолу по разумѣнію [вашему] и по божественной ревности, которую вы имѣете ко всѣмъ епархіямъ вселенскаго престола и особенно къ оказавшимся въ несчастіи патріаршимъ престоламъ, и согласно просьбѣ нашей посовѣтуйте его блаженству, чтобы отреченіе его состоялось въ пользу названнаго архимандрита, дабы не воспослѣдовалъ соблазнъ отъ кого-либо другого и бѣдный этотъ престолъ не былъ обремененъ и совершенно не запустѣлъ; и мы, какъ слѣдуетъ по необходимости и какъ требуютъ обстоятельства, не примемъ иного, и значитъ, будущій новый патріархъ, [избранный] помимо названнаго архимандрита, вынужденъ будетъ возвратиться назадъ. И вотъ мы пишемъ объ этомъ, какъ рабы и истинныя и благопослушныя чада великой церкви Христа и Бога нашего, дабы впослѣдствіи вы не признали насъ и не осудили, какъ не повинующихся синодальному вашему рѣшенію и избранію другого новаго патріарха, съ обычными весьма тяжелыми расходами и долгами. О томъ же самомъ мы пишемъ и его блаженству. И это сообщается для свѣдѣнія и какъ просьба къ вашему досточтимѣйшему святѣйшеству, коего и почтенные годы да будутъ отъ Бога весьма многочисленны и во всемъ счастливы, а всесвятыя и богоугодныя ваши молитвы да будутъ съ нами въ продолженіе всей жизни [80]).

Избраніе блаженнѣйшимъ Матѳеемъ своего преемника по престолу—въ лицѣ архимандрита Кипріана было одобрено въ Константинополѣ, а просьба духовенства и народа Александрійской церкви о возведеніи Кипріана на патріаршую каѳедру, обращенная къ вселенскому патріарху Самуилу и его

[80]) Ibid. 59—62.

священному синоду, была послѣдними исполнена. Въ іюлѣ 1766 года въ Константинополѣ состоялся актъ избранія новаго александрійскаго патріарха, протоколъ котораго сохранился и имѣетъ слѣдующее содержаніе.

Въ виду того, что святѣйшій апостольскій престолъ Александрійской церкви остался безъ предстоятеля, такъ какъ предстоятельствовавшій въ ней блаженнѣйшій и святѣйшій киръ Матѳей, во Святомъ Духѣ возлюбленный нашъ братъ и сослужитель, вслѣдствіе болѣзненности своего возраста, а еще по любви къ спокойствію и мирной жизни, принесъ, по собственному рѣшенію и добровольному мнѣнію, отреченіе,—мы, находящіеся въ Константинополѣ собратія-архіереи, по мнѣнію, рѣшенію и избранію его блаженства [патріарха Матѳея], по мнѣнію и блаженнѣйшихъ собратьевъ нашихъ патріарховъ—киръ Филимона антіохійскаго и киръ Парѳенія іерусалимскаго, въ присутствіи святѣйшаго и досточтимѣйшаго нашего владыки и господина, вселенскаго патріарха киръ киръ Самуила, согласившагося съ мнѣніемъ его блаженства и по этому именно поводу созвавшаго соборъ святѣйшихъ собратьевъ-архіереевъ, общимъ рѣшеніемъ и мнѣніемъ всѣхъ, собравшись въ честномъ храмѣ Безплотныхъ Силъ Великаго Потока и подавши каноническіе голоса для отысканія и избранія достойнаго и соотвѣтствующаго лица, которое должно будетъ принять пастырскій жезлъ и предстоятельство святѣйшаго престола церкви Александрійской, первымъ поставили благоговѣйнѣйшаго въ іеромонахахъ и среди дидаскаловъ киръ Кипріана, состоящаго и архимандритомъ того же святѣйшаго престола, вторымъ—іеромонаха Аверкія и третьимъ—іеромонаха Мелетія, которыхъ и имена записаны въ этомъ священномъ кодексѣ святой великой Христовой церкви для постояннаго и всегдашняго доказательства. Въ мѣсяцѣ іюлѣ 1766 года.

Протоколъ подписали слѣдующіе митрополиты—члены священнаго синода Константинопольской церкви: Герасимъ кизикскій, имѣвшій и голосъ Іоанникія халкидонскаго, Никифоръ никомидійскій, Діонисій деркоскій, имѣвшій и мнѣніе Мелетія прусскаго, Діонисій адріанопольскій, Ѳеодосій ѳессалоникскій, Герасимъ критскій, Ананія анхіальскій, имѣвшій и голосъ Анѳима месимврійскаго, и Іосифъ видинскій [81]).

О состоявшемся избраніи новаго патріарха александрійскую паству увѣдомилъ, прежде всего, самъ блаженнѣйшій Кипріанъ особымъ посланіемъ слѣдующаго содержанія.

[81]) Ἀρχιμ. Καλλίνικος Δελικάνης. II, 41—42.

«Кипріанъ. Божіею милостію папа и патріархъ великаго города Александріи и судія вселенной.

«Преподобнѣйшій нашъ протосинкеллъ и епитропъ церкви въ Рахити киръ Мисаилъ, уважаемѣйшіе и почтеннѣйшіе клирики и купцы, Богомъ управляемые капитаны судовъ и моряки и остальные всѣ безъ исключенія благословенные христіане, чада о Господѣ возлюбленныя нашей мѣрности, благодать да будетъ со всѣми вами и миръ и милость отъ Вседержителя Бога и Господа нашего Іисуса Христа, а отъ насъ— молитва, благословеніе и прощеніе.

«Каждый благочестивый и православный христіанинъ имѣетъ неизбѣжный долгъ слушать и подчиняться святой Христовой церкви. А такъ какъ и мы призваны ею для того, чтобы сдѣлаться предстоятелемъ и пастыремъ разумныхъ овецъ, и, повинуясь призывающей насъ Божественной благодати, законно, посредствомъ каноническаго голосованія, возведены по Божественной милости на величайшую и высочайшую степень архіерейства и въ девятый день текущаго мѣсяца (іюля) приняли на себя это тяжкое иго предстоятельства и духовнаго управленія святѣйшимъ апостольскимъ и патріаршимъ престоломъ великаго города Александріи, — путемъ отреченія въ нашу пользу со стороны блаженнѣйшаго и досточтимѣйшаго нашего святого геронта, бывшаго патріарха Александріи, киръ киръ Матѳея, и посредствомъ общаго и единогласнаго объ этомъ мнѣнія святѣйшаго владыки и вселенскаго патріарха киръ Самуила и остальныхъ блаженнѣйшихъ патріарховъ — антіохійскаго киръ Филимона и іерусалимскаго киръ Парѳенія и священнаго синода высокопреосвященныхъ архіереевъ; посему мы, послѣ отеческихъ нашихъ молитвъ и благословеній, нисколько не замедлили въ томъ, чтобы дать вамъ это извѣстіе, дабы вы, зная объ этомъ, отнынѣ и впредь поминали наше каноническое имя во всѣхъ священныхъ службахъ и послѣдованіяхъ. Наше возведеніе совершилось по Божественному указанію и помощи, по способамъ вполнѣ обдуманнымъ и благоразумнымъ, которыми руководилъ святѣйшій нашъ геронтъ, и съ цѣлью, которую издавна онъ имѣлъ, дабы не причинить никакого затрудненія и дабы отъ этого не произошли большіе и весьма обременительные расходы, которые по необходимости создали бы крайнее паденіе бѣднаго александрійскаго престола. И вотъ, будучи извѣщены объ этомъ, вы станете ожидать насъ съ удовольствіемъ и душевною радостью,

какъ вѣрныя и истинныя наши чада о Христѣ. Наше съ помощью Божіею прибытіе туда должно совершиться послѣ того, какъ закончатся нѣкоторыя дѣла, необходимыя для нашего устройства, и обычныя неизбѣжныя приготовленія къ нашему путешествію. И если Богъ удостоитъ насъ, то мы весьма скоро встрѣтимъ васъ здоровыми и счастливыми, дабы благословить васъ и доставить вамъ радость и посредствомъ тѣлеснаго нашего пребыванія. Благодать Бога и безпредѣльная Его милость, молитва и благословеніе нашей мѣрности да будутъ со всѣми вами.—12 іюля 1766 года» [82]).

Другое извѣстительное посланіе о вступленіи Кипріана на александрійскій патріаршій престолъ было отправлено въ Египетъ вселенскимъ патріархомъ Самуиломъ, совмѣстно съ другими участниками собора, избравшаго новаго александрійскаго патріарха. Оно было обращено къ преподобнѣйшему епитропу александрійскаго патріаршаго престола, почтеннѣйшимъ клирикамъ, благочестивѣйшимъ іереямъ, купцамъ, представителямъ ремесленныхъ цеховъ и всѣмъ вообще благословеннымъ христіанамъ, какъ возлюбленнымъ о Христѣ чадамъ патріарха.

Посредствомъ настоящей нашей патріаршей и синодальной грамоты, — говорится въ этомъ посланіи,—сообщаемъ всѣмъ вамъ, что такъ какъ предстоятель святѣйшаго александрійскаго престола, блаженнѣйшій и во Христѣ превождѣленный братъ и сослужитель нашей мѣрности киръ Матѳей, какъ оказавшій предпочтеніе спокойной и мирной жизни, по добровольному рѣшенію отказался отъ святѣйшаго этого престола и призналъ справедливымъ, чтобы этотъ апостольскій престолъ наслѣдовалъ справедливѣйшій и благоразумнѣйшій среди дидасколовъ киръ Кипріанъ, возведенный и въ архимандрита того же престола, то съ желаніемъ его блаженства согласились и мы, равно и блаженнѣйшіе патріархи—Антіохіи киръ Филимонъ и Іерусалима—киръ Парѳеній, во Христѣ превожделѣнные братія и сослужители нашей мѣрности.

И вотъ согласно древнему священному чину церкви и каноническому уставу, когда находившимися [въ столицѣ] преосвященными собратіями нашими архіереями и пречестными были поданы каноническіе голоса, съ присоединеніемъ и каноническихъ совмѣстныхъ голосованій [83]), то былъ избранъ

---

[82]) Епископъ *Порфирій Успенскій*, Александрійская патріархія, I, 63—64.

[83]) Προκειμένοις καὶ τοῖς κανονικοῖς συμψηφίσμασιν (Δ. Πασχάλης, Ματθαῖος ὁ Ἄνδριος κτλ., σ. 78). Это выраженіе указываетъ на то, что нѣ-

названный дидаскалъ киръ Кипріанъ, мужъ по нравамъ почтенный и по характеру достойный уваженія, воспитанный въ благочестіи и украшенный наукою, преданный изученію Священнаго Писанія, отличающійся добродѣтелью въ практической жизни и имѣющій возможность, при содѣйствіи Божественнаго руководительства, спасти весьма многія души благочестивыхъ не только поученіями на различныхъ языкахъ, но и примѣромъ собственной жизни, и однимъ словомъ—пригодный и соотвѣтствующій этому божественнѣйшему первому достоинству. Посему онъ, благодатію и силою всесвятаго и тайносовершителя и всемогущаго Духа, былъ хиротонисанъ каноническимъ предстоятелемъ святѣйшей этой церкви, объявленъ законнымъ патріархомъ святѣйшаго престола Александріи и поименованъ и въ священныхъ диптихахъ [84]) вмѣстѣ съ прочими святѣйшими патріархами, хотя онъ еще не отправился съ Богомъ для управленія и духовнаго наблюденія за вами, истинными духовными его чадами.

Поэтому, посылая письменное извѣщеніе синодально—вмѣстѣ съ преосвященными нашими архіереями и пречестными, во Святомъ Духѣ возлюбленными нашими братіями и сослужителями, мы молимся и благословляемъ всѣхъ безъ исключенія васъ — лицъ посвященныхъ и мірянъ, юношей и стариковъ, малыхъ и великихъ и отечески побуждаемъ васъ, чтобы и вы, отнынѣ и впредь признавая каноническимъ патріархомъ святѣйшаго апостольскаго и патріаршаго престола

которые митрополиты, участвовавшіе на константинопольскомъ избирательномъ соборѣ 1766 года, подавали голосъ не только за себя, но и за другихъ митрополитовъ, не присутствовавшихъ на соборѣ и передавшихъ первымъ право своего голоса,—какъ это отмѣчено и въ подписяхъ митрополитовъ подъ протоколомъ избранія блаженнѣйшаго Кипріана.

[84]) Въ текстѣ грамоты, изданной *Д. Пасхали*, это мѣсто читается такъ: „καὶ πεφήμισται καὶ τοῖς ἱεροῖς διαδόχοις μετὰ τῶν ἄλλων ἁγιωτάτων πατριαρχῶν“ (σ. 79). По нашему мнѣнію, здѣсь допущена ошибка. Вмѣсто выраженія—„καὶ τοῖς ἱεροῖς διαδόχοις“, не имѣющаго смысла въ указанномъ сочетаніи, слѣдовало бы читать: ἐν τοῖς ἱεροῖς διπτύχοις, такъ какъ внесеніе имени новаго патріарха въ диптихи и возглашеніе (ἡ φήμη) или многолѣтствованіе его „вмѣстѣ съ прочими святѣйшими патріархами“, дѣйствительно, имѣли значеніе послѣ избранія, хиротоніи и объявленія блаженнѣйшаго Кипріана патріархомъ александрійскимъ и являлись дѣломъ безусловно необходимымъ, по установившемуся въ православной восточной церкви порядку и обычаю (срав. *И. И. Соколовъ*, Избраніе патріарховъ въ Византіи и пр., стр. 157 и д.).

Александріи и законнымъ духовнымъ предстоятелемъ, пастыремъ и попечителемъ о вашемъ спасеніи указаннаго блаженнѣйшаго и святѣйшаго папу и патріарха великаго города Александріи киръ Кипріана, во Христѣ превожделѣннаго брата и сослужителя нашей мѣрности, поминали каноническое патріаршее имя его во всѣхъ священныхъ службахъ и послѣдованіяхъ, какъ установлено, и приняли съ надлежащею привѣтливостью, внимательностью и честью, соотвѣтствующею патріаршему достоинству, когда онъ, спустя немного, съ Божіею помощью прибудетъ для управленія и духовнаго наблюденія за вами, истинными его духовными чадами, станетъ благословлять и освящать васъ, какъ патріархъ, духовно наблюдать, устроять и путеводить по спасительнымъ пажитямъ евангельской благодати и непрестанно молиться за васъ ко Господу, а Человѣколюбецъ Господь, принимая его молитвы, какъ благоухающій ѳиміамъ, вознеспослетъ вамъ богатыя Свои милости изъ неисчерпаемыхъ сокровищъ Своихъ и подастъ всѣмъ вамъ благословеніе Авраама, Исаака и Іакова, умножая и увеличивая пріобрѣтенія и труды и имущества, и, наконецъ, удостоивая васъ всѣхъ небеснаго Своего царства. Его благодать и безпредѣльная милость и молитва и благословеніе нашей мѣрности да будутъ со всѣми вами.—14 іюля 1766 года.

Посланіе подписали: патріархи — Филимонъ антіохійскій и Парѳеній іерусалимскій и митрополиты: Діонисій деркон-скій, Іоанникій халкидонскій, Герасимъ критскій, Герасимъ кизикскій и Никифоръ никомидійскій [85]).

Дополненіемъ къ представленнымъ документамъ могутъ служить и нѣкоторые другіе источники, сообщающіе свѣдѣнія по вопросу объ избраніи патріарха Кипріана.

Такъ, историкъ Аѳанасій Комнинъ Ипсиланти подъ 1766 г. отмѣтилъ слѣдующее: «Отказался отъ престола Александріи киръ Матѳей въ пользу названнаго [выше] діакона Кипріана» [86]). Въ другомъ мѣстѣ своего историческаго труда тотъ же писатель сообщилъ такія свѣдѣнія: «(Патріархъ Матѳей), возвратившись въ Константинополь, отказался [отъ престола] въ пользу Кипріана кипрянина, притомъ философа, уплативъ изъ своихъ средствъ денежные расходы и на хиротонію

---

[85]) Δ. Πασχάλης, 78—80.

[86]) Ἀ. Κομνηνὸς Ὑψηλάντης, Τὰ μετὰ τὴν ἅλωσιν, σ. 408.

[Кипріана], и на бератъ, и на одежды, и на вознагражденія слугамъ, и за перевозку багажа, и за путешествіе» [87]).

Болѣе подробно разсказываетъ объ избраніи патріарха Кипріана другой греческій историкъ—Сергій Макрей. «Въ слѣдующемъ [17]67 году,—пишетъ онъ,—блаженнѣйшій папа и патріархъ Александріи киръ Матѳей, почувствовавъ, что силы его слабѣютъ, имѣя въ виду и нужду своей паствы, которая живетъ среди хищныхъ волковъ и нуждается въ постоянно присутствующемъ и неусыпно бодрствующемъ предстоятелѣ, тщательно произведши разслѣдованіе и нашедши мужа по сердцу своему, ревнителя правыхъ догматовъ, свѣдущаго въ Божественномъ Писаніи и опытнаго въ внѣшней мудрости, разсудительнаго, великодушнаго, благороднаго, энергичнаго, всю жизнь упражнявшагося въ словѣ и извѣстнаго дѣлами добродѣтели, безукоризненнаго во всемъ и безпорочнаго, ученѣйшаго дидаскала Кипріана, имѣвшаго санъ іеродіакона, котораго кипряне старались поставить своимъ архіепископомъ и получили царское относительно этого опредѣленіе, онъ же, дабы не нарушить прекраснаго порядка, не принялъ хиротоніи и избранія внѣ острова Кипра, бывшаго для него отечествомъ, но, поставивъ прекрасное выше полезнаго, удалился оттуда іеродіакономъ, имѣя съ собою и царское распоряженіе, оставшееся неисполненнымъ; а когда успокоились люди непостоянные и недовольные и согласились опять признать прежняго архіепископа, то остался въ покоѣ [и Кипріанъ] и, отдавши ему царскій указъ, съ удовольствіемъ возвратился въ Константинополь. [Патріархъ Матѳей], нашедши его, по вдохновленному своему сужденію, достойнымъ престола и привѣтливо пригласивши и убѣдивъ принять на себя столь важное дѣло, а затѣмъ, сообщивши о своемъ рѣшеніи и избраніи святѣйшему киръ Самуилу и пребывающимъ [въ Константинополѣ] святымъ архіереямъ и благороднѣйшимъ архонтамъ и епитропамъ православныхъ христіанъ апостольскаго онаго [александрійскаго] престола и получивши отъ нихъ согласіе, по общему избранію и рѣшенію и каноническимъ голосамъ совершаетъ въ его пользу свое отреченіе отъ свя-

---

[87]) Ἀ. Κομνηνὸς Ὑψηλάντης, Ἐκκλησιαστικῶν τε καὶ πολιτικῶν τῶν εἰς δώδεκα τὸ δωδέκατον καὶ τελευταῖον (Ἐκλογαί). [Ἀ. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς, Documente privitoare la istoria Românilor. Ἑλληνικὰ κείμενα χρήσιμα τῇ ἱστορίᾳ τῆς Ρουμουνίας, σ. 186. Ἐν Βουκουρεστίῳ 1909].

тѣйшаго апостольскаго престола Александріи. И вотъ, въ мѣсяцѣ маѣ [17]67 года (sic), когда въ храмѣ Безплотныхъ въ Великомъ Потокѣ состоялось всенародное торжество, святѣйшій папа и патріархъ Матѳей, совершая по патріаршему чину священную литургію, своею рукою хиротонисуетъ киръ Кипріана архіереемъ и патріархомъ, по добровольному мнѣнію и рѣшенію отрекшись для него отъ апостольскаго святѣйшаго престола Александріи. А послѣ отреченія, все хорошо устроивъ, онъ удалился на Святую Гору (Аѳонъ) и, боголюбезно и преподобно поживши въ монастырѣ Кутлумуша, скончался» [88]).

Затѣмъ въ «Діонисіевскомъ каталогѣ александрійскихъ патріарховъ» о Кипріанѣ сказано слѣдующее: «Кипріанъ кипрянинъ принялъ престолъ вслѣдствіе отреченія его предшественника киръ Матѳея въ 1766 спасительномъ году, въ мѣсяцѣ іюлѣ» [89]).

«Патріаршій каталогъ александрійскихъ патріарховъ» сообщаетъ по нашему вопросу слѣдующія свѣдѣнія: «[Патріархъ Матѳей] по общему мнѣнію своей паствы отказался въ пользу ученаго мужа Кипріана въ 1766 году [90]), и самъ былъ епископомъ Метръ» [91]).

---

[88]) Σέργος Μακραῖος, Ἐκκλησιαστικὴ ἱστορία, σ. 254—255 (Σάθας, Μεσαιωνικὴ Βιβλιοθήψκη, III. Ἐν Βενετίᾳ 1872).

[89]) Епископъ *Порфирій Успенскій*, Александрійская патріархія, I, 11.

[90]) Тамъ же, 14.

[91]) „Патріаршій каталогъ“ ясно говоритъ, что бывшій александрійскій патріархъ Матѳей послѣ отреченія отъ престола былъ епископомъ г. Метръ (въ митрополіи Иракліи, въ константинопольскомъ патріархатѣ). Памятникъ въ данномъ отношеніи является совершенно одинокимъ, такъ какъ другіе источники предмета опредѣленно сообщаютъ, что киръ Матѳей послѣ отреченія удалился въ Кутлумушскій монастырь на Аѳонѣ и здѣсь оставался до самой смерти; поэтому, приходится считать ошибочнымъ отмѣченное изолированное сообщеніе „Патріаршаго каталога“. Повидимому, составитель каталога допустилъ случайную перестановку имѣвшагося въ его распоряженіи матеріала и приписалъ патріарху Матѳею то, что имѣло отношеніе къ одному изъ ближайшихъ его преемниковъ по престолу—патріарху Герасиму III (1783—1788 г.): послѣдній, дѣйствительно, до занятія александрійской патріаршей каѳедры былъ епископомъ Метръ Ираклійскихъ (Еп. *Порфирій Успенскій*, Александрійская патріархія, I, 11). Между тѣмъ русскій ученый Х. М. Лопаревъ епископство въ Метрахъ приписалъ именно Кипріану, о которомъ въ составленномъ имъ очеркѣ александрійскихъ патріарховъ говоритъ слѣдующее: „Родомъ кипрянинъ, Кипріанъ былъ сначала архимандритомъ

Наконецъ, объ избраніи киръ Кипріана на архіепископскую каѳедру Кипра, послѣ изгнанія съ острова архіепископа Паисія, сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія архимандритъ Кипріанъ въ своей «Хронологической исторіи острова Кипра» [92]), а ученый К. Саѳа говоритъ, что «въ 1766 году, послѣ отреченія патріарха Александріи Матѳея, былъ возведенъ Кипріанъ, который, послѣ семнадцатилѣтняго патріаршества, въ 1783 году отказался [отъ престола] въ пользу Парѳенія и, удалившись въ Константинополь, скончался здѣсь въ 1787 году» [93]) *).

И. Соколовъ.

александрійскимъ, а *потомъ, какъ кажется, епископомъ метрскимъ* (ibid., CVI). Документы, касающіеся избранія Кипріана на александрійскій престолъ и опубликованные въ редактированномъ Х. М. Лопаревымъ трудѣ, не даютъ никакого основанія къ отмѣченному предположенію русскаго ученаго.

[92]) Ἀρχιμανδρίτης Κυπριανός, Ἱστορία χρονολογικὴ τῆς νήσου Κύπρου, ἔκδοσις δευτέρα, σ. 472. Ἐν Λευκωσίᾳ, 1902.

[93]) К. Σάθας, Νεοελληνικὴ φιλολογία, 513. Ἀθῆναι 1868.

*) Продолженіе слѣдуетъ.

Изъ курса христіанскаго Нравственнаго Богословія *).

IV.

Совѣсть.

ВЫРАЗИТЕЛЬНИЦЕЙ и какъ бы средой преломленія лучей нравственнаго закона въ душѣ человѣка служитъ совѣсть. Совѣсть не есть что-либо отличное отъ нравственнаго закона по существу. Она является тѣмъ же нравственнымъ закономъ, но только разсматриваемымъ не съ этической, а съ психологической точки зрѣнія. Нравственный законъ мыслится нами какъ какая-то объективная норма, могущая существовать внѣ ея отношенія къ той или иной человѣческой личности. Наоборотъ, совѣсть есть явленіе болѣе конкретное, есть индивидуальная принадлежность живой души человѣческой и внѣ ея существовать не можетъ. Кромѣ того, въ понятіи совѣсти на первый планъ выдвигается эмоціональный моментъ, а въ понятіи закона волевой и интеллектуальный.

Самое слово «совѣсть» (греч. συνείδησις, лат. constientia, франц. consciense, нѣмец. gevissen—отъ глаголовъ οἶδα, scio и vissen) во всѣхъ языкахъ слагается изъ приставки *со*, указывающей на совмѣстность дѣйствія, и корня отъ глагола, обозначающаго понятіе знанія. Приставка указываетъ или на тотъ фактъ, что явленія совѣсти въ большей или меньшей степени переживаются человѣкомъ совмѣстно съ другими людьми, что каждый при одинаковыхъ условіяхъ испытываетъ аналогичныя состоянія или же на тотъ, что совѣсть есть совмѣстное созна-

*) Окончаніе см. іюль-августъ.

ніе нѣсколькихъ психическихъ актовъ,—совпадающихъ въ одномъ душевномъ процессѣ. Два приведенныхъ объясненія не исключаютъ другъ друга и могутъ быть приняты одновременно. Въ такомъ случаѣ подъ словомъ «совѣсть», на основаніи филологическаго анализа этого термина, нужно будетъ понимать сознаніе, присущее всѣмъ людямъ и включающее въ себя нѣсколько моментовъ, опредѣленіе которыхъ дается уже анализомъ человѣческой природы. Анализъ этотъ вскрываетъ въ явленіяхъ, именуемыхъ совѣстью, слѣдующія стороны: 1) сознаніе добра и зла въ связи съ мыслью о необходимости первому слѣдовать, а второго избѣгать; 2) оцѣнку своей личности и своего поведенія съ точки зрѣнія нравственнаго идеала; 3) возникающее вслѣдствіе этого пріятное или непріятное чувствованіе.

Намекъ на всѣ указанные элементы совѣсти: теоретическій, волевой и эмоціональный дается въ Словѣ Божіемъ. Какъ только первые люди согрѣшили, нарушивъ заповѣдь о невкушеніи плодовъ съ древа познанія добра и зла, они тотчасъ же *сознали* свою нечистоту предъ Богомъ и *почувствовали* стыдъ и страхъ (Быт. 3, 7—10). О послѣднемъ же говоритъ библія, повѣствуя о братоубійствѣ, совершенномъ Каиномъ. «Вящшая вина моя, еже оставитися ми—сознается онъ, и чувствуя, что достоинъ тяжкаго наказанія, трепещетъ смерти отъ руки всякаго встрѣтившагося съ нимъ (Быт. 4, 14—15). Вину свою чувствовали и братья Іосифа, когда, по поводу задержки въ Египтѣ Симеона, говорили другъ другу: «точно мы наказываемся за грѣхъ противъ брата нашего (котораго они продали); мы видѣли страданіе души его, когда онъ умолялъ насъ, но не послушали его; за то и постигаетъ насъ горе сіе (Быт. 42, 21—22). Когда Давидъ отрѣзалъ край одежды у Саула, встрѣтившись съ нимъ въ одной пещерѣ, то «больно стало сердцу» его (1 Царств. 24, 6), а когда сосчиталъ народъ свой, то оно «вздрогнуло» и заставило его сознаться: «Тяжко согрѣшилъ я, поступивъ такъ, и нынѣ молю Тя, Господи, прости грѣхъ раба Твоего, ибо крайне неразумно поступилъ я» (2 Царств. 24, 10). «Согрѣшилъ я, предавъ кровь невинную—свидѣтельствуетъ Іуда, возвращая сребренники первосвященникамъ, и затѣмъ лишаетъ себя жизни, не будучи въ состояніи вынести адскихъ терзаній совѣсти своей въ душѣ (Мѳ. 27, 45). О судящей дѣятельности совѣсти, сопутствуемой мыслями, то обвиняющими, то оправдывающими одна другую,—говоритъ и

апостолъ Павелъ въ своемъ посланіи къ римлянамъ; «языцы, не имуще закона, естествомъ законная творятъ, сіи, закона не имуще, сами себѣ суть законъ: иже являютъ дѣло законное написано въ сердцахъ своихъ, спослушествующей имъ совѣсти, и между собою помысломъ осуждающимъ или отвѣчающимъ» (2, 14—15). Во всѣхъ приведенныхъ мѣстахъ св. писанія изображается преимущественно судящая и мздовоздающая дѣятельность совѣсти. Сравнительно рѣже говорится объ ея обязывающемъ или понуждающемъ голосѣ, о томъ ея моментѣ, который мы назвали волевымъ. Но все же и на него есть намеки у священныхъ писателей. Такъ напримѣръ, Іисусъ Навинъ, посланный Моисеемъ въ качествѣ соглядатая въ обѣтованную землю, вопреки показаніямъ другихъ соглядатаевъ, пересказалъ то, что «было у него на сердцѣ», т. е. поступилъ такъ, какъ обязывала его совѣсть. Точно также пророкъ Іеремія говоритъ о себѣ, что, когда онъ, вслѣдствіе испытываемыхъ имъ за проповѣдь обидныхъ насмѣшекъ, хотѣлъ оставить эту проповѣдь, то почувствовалъ въ сердцѣ своемъ «какъ бы горящій огонъ» и сталъ съ нимъ бороться, но «истомился удерживая его». Къ обязывающей же дѣятельности совѣсти относится, очевидно, и выраженіе св. писанія: «тѣмъ же потреба повиноватися не токмо за гнѣвъ, но и за совѣсть» (Римл. 13, 5).

Составляетъ ли совѣсть неотъемлемую принадлежность каждаго человѣка во всѣ моменты его жизни или же нѣтъ? На этотъ вопросъ мы должны отвѣтить такъ. Совѣсть врождена всѣмъ людямъ безъ изъятія, являясь въ ихъ душѣ какъ бы голосомъ Верховной Правды, голосомъ Самого Бога. Но иногда въ сознаніе человѣка лучи нравственнаго закона угасаютъ, наполняя его душу холодомъ и мракомъ, при которыхъ она становится неспособною къ воспріятію красоты добра и безобразія порока. Совѣсть такихъ людей какъ бы перегораетъ, и потому апостолъ Павелъ называетъ ее «сожженною». Это-то состояніе духовной природы человѣка, которое извѣстно подъ именемъ «смертнаго грѣха» или «нравственнаго ожесточенія», состояніе, находясь въ которомъ, онъ становится какъ бы моральнымъ трупомъ, неспособнымъ къ воспріятію истины и благодати.

Но, къ счастію, люди съ «сожженою» совѣстью встрѣчаются въ высшей степени рѣдко, лишь въ качествѣ исключенія. Большею же частію даже злодѣи сохраняютъ въ глубинахъ души своей искру нравственнаго добра, которая при благо-

пріятныхъ условіяхъ можетъ разгорѣться и запылать яркимъ пламенемъ. Совѣсть въ нихъ, слѣдовательно, не умерла, а только заснула, или же еще не просыпалась. Особенно нужно сказать это о людяхъ некультурныхъ, безнравственность которыхъ часто объясняется ихъ низкимъ умственнымъ развитіемъ. Дикарь, раздробляющій о камень больное дитя свое, или друзъ, которому долгъ мщенія не даетъ покоя, пока онъ не настигнетъ свою жертву, могутъ переродиться морально, если удастся просвѣтить ихъ умъ свѣтомъ истины Христовой. Мы знаемъ, что даже братоубійца Каинъ и предатель Христа Іуда испытывали *муки совѣсти*. Не свободны отъ ея терзаній и трагическіе злодѣи Шекспира (этого тайновидца души человѣческой), являющіеся какъ бы олицетвореніемъ жестокости, злобы и холоднаго эгоизма.

Наиболѣе могущественными средствами пробужденія спящей совѣсти въ душѣ человѣка являются: 1) выясненіе ему нравственныхъ правилъ и 2) вызовъ въ немъ чувства состраданія (послѣднее въ томъ случаѣ, когда безнравственность поступка заключается въ нарушеніи обязанностей любви къ ближнимъ).

1) Чѣмъ лучше сознается нами несоотвѣтствіе нашей дѣятельности идеаламъ добра и правды, тѣмъ сильнѣе бываютъ терзанія совѣсти. Поэтому-то вѣрнѣйшимъ способомъ возбудить въ человѣкѣ раскаяніе служитъ выясненіе предъ нимъ нравственной нормы и несогласія съ нею его поведенія. Отсюда-то всякому покаянію предшествуетъ обыкновенно проповѣдь. Проповѣдь предшествовала крещенію покаянія Іоанна, проповѣдью Христосъ Спаситель производилъ коренной переворотъ въ душѣ своихъ слушателей. Разбойникъ, покаявшійся на крестѣ, былъ пораженъ воплощеніемъ идеала кротости, человѣколюбія и терпѣнія во Христѣ и при свѣтѣ этого идеала ясно созналъ все безобразіе своей буйной жизни. Желая возбудить въ своей матери раскаяніе, Гамлетъ напоминаетъ ей ея обязанности по отношенію къ покойному королю и выясняетъ преступность ея второго брака. Пламенное и картинное изображеніе попранныхъ обязанностей дѣйствительно достигаетъ своей цѣли. Королева нѣсколько разъ прерываетъ Гамлета подобными словами:

„Умолкни, Гамлетъ! Въ глубь моей души
Ты обратилъ мой взоръ; я вижу пятна;
Ихъ черный цвѣтъ впитался такъ глубоко,
Что ихъ не смыть“...

И далѣе:—

„О, Гамлетъ, Гамлетъ! Ты на двое мнѣ
Сердце растерзалъ".

2) Чувство состраданія имѣетъ тѣснѣйшую связь съ мученіями совѣсти и часто вызываетъ ихъ. Такъ, напримѣръ, въ бреду младшій братъ разбойника, у Пушкина, терзается жалостью къ зарѣзанному старику, и эта жалость сливается во едино съ угрызеніями его больной, трепещущей, совѣсти:— «Всѣхъ чаще образъ старика, давно зарѣзаннаго нами, ему на мысли приходилъ. Больной, зажавъ глаза руками, за старца такъ меня молилъ: братъ! сжалься, сжалься надъ его слезами, не рѣжь его на старость лѣтъ... Мнѣ дряхлый крикъ его ужасенъ, иусти его: онъ не опасенъ, въ немъ крови капли теплой нѣтъ. Не смѣйся, братъ, надъ сѣдинами, не мучь его»... Сострадаиіе же мы испытываемъ тѣмъ въ большей степени, чѣмъ ярче и конкретнѣе представляемъ себѣ душевное состояніе другого человѣка. Иногда мы не сочувствуемъ чужому горю только потому, что не можемъ войти въ положеніе нашего ближняго, такъ сказать, поставить себя на его мѣсто. Если же мы сдѣлаемъ это, то какъ бы перенесемъ въ себя его страданія и волею-неволею станемъ сочувствовать имъ. Отсюда на ряду съ выясненіемъ нравственныхъ правилъ въ качествѣ средства пробужденія совѣсти, имѣетъ огромное значеніе такое дѣйствіе на умъ и воображеніе человѣка, благодаря которому онъ живо могъ бы представить себѣ картину страданій, причиненныхъ имъ другимъ людямъ. Въ такомъ случаѣ въ немъ возникнетъ сострадаиіе, а послѣднее можетъ вызвать раскаяніе. Такъ пророкъ Наѳанъ, чтобы возбудить въ Давидѣ сознаніе его преступности, прежде всего старается подѣйствовать на его чувство жалости. Онъ разсказываетъ ему для этого о бѣднякѣ, имѣвшемъ одну овцу, которую зарѣзалъ у него богачъ. Сострадаиіе къ бѣдняку заставило Давида произнести строгій судъ надъ самимъ собою.

V.

Откровенный нравственный законъ.

Кромѣ естественнаго нравственнаго закона, составляющаго врожденную принадлежность каждаго человѣка, существуетъ еще законъ положительный, откровенный, данный Богомъ людямъ въ опредѣленный историческій моментъ или непосред-

ственно, или чрезъ посредство своихъ избранниковъ (Евр. 1, 1—2). Этотъ законъ по существу не отличается отъ того, который заложенъ въ нѣдрахъ богоподобной души человѣческой. Да иначе и быть не можетъ, такъ какъ оба они имѣютъ одинъ и тотъ же источникъ, оба являются выраженіемъ воли единаго Бога, Творца и Законодателя. Поэтому-то Моисей, изложивъ данные Богомъ израильскому народу законы, говоритъ: «заповѣдь сія, которую я заповѣдую тебѣ сегодня, не недоступна для тебя и недалека... Но весьма близко къ тебѣ слово сіе, оно (не только) въ устахъ твоихъ, (но) и въ сердцѣ твоемъ» (Втор. 30, 11 — 14). Смыслъ этихъ словъ тотъ, что заповѣди закона, написанныя на каменныхъ скрижаляхъ, начертаны въ то же время и на плотяныхъ скрижаляхъ сердца человѣческаго (Іереміи 31, 33; Римл. 8, 10), что душа наша—«по природѣ христіанка»—своею лучшею идеальною стороною вполнѣ гармонируетъ съ требованіями Божественной воли.

Но если откровенный нравственный законъ по содержанію своему не отличается отъ закона естественнаго, то для чего онъ былъ данъ человѣку?

Прежде всего для того, чтобы его нравственное развитіе происходило болѣе легко и свободно, чтобы нравственныя требованія сознавались имъ болѣе ясно и опредѣленно. Эта цѣль могла имѣть мѣсто даже до грѣхопаденія. Мы знаемъ, что Богъ являлся нашимъ прародителямъ еще въ раю и возвѣщалъ имъ свою волю. (Быт. 2, 3). Усовершенствованіе всѣхъ силъ и способностей человѣческой души происходитъ подъ воздѣйствіемъ двухъ факторовъ: внутренняго и внѣшняго. Такъ, напримѣръ, полнота религіозной жизни человѣка обусловливается наличностью внутренней потребности, коренящеюся въ глубинахъ его личности, и воспріятіемъ ею Божества. Способность членораздѣльнаго языка, будучи врожденною, развивается подъ вліяніемъ общенія съ другими людьми.

То же самое нужно сказать о способности мышленія, художественнаго творчества и т. д. И подобно тому, какъ въ настоящее время для нашего умственнаго развитія въ высшей степени полезно вліяніе на насъ другихъ людей, передающихъ намъ продукты своего духовнаго опыта, такъ и на зарѣ жизни человѣка, когда онъ находился еще въ состояніи невинности, ему могло оказать несомнѣнную помощь положительное возвѣщеніе Божественной воли, санкціонирующее внутренній

голосъ его совѣсти, сообщающее ему особую авторитетность и опредѣленность.

Еще болѣе необходимымъ сдѣлался откровенный законъ для человѣка послѣ грѣхопаденія, исказившаго и затмившаго голосъ совѣсти въ его душѣ. Мы знаемъ, какъ извратилась въ человѣчествѣ, начавшемъ ходить своими путями, религіозная идея. Язычники измѣнили славу нетлѣннаго Бога въ подобіе образа тлѣнна человѣка, и птицъ, и четвероногихъ и гадъ (Римл. 1, 23). Одновременно съ тѣмъ происходила деградація и въ нравственномъ отношеніи. Люди, замѣнившіе истину Божію ложью и начавшіе служить твари вмѣсто Творца (Рим. 1, 25), скоро сдѣлались исполненными «всякой неправды, блуда, лукавства, корыстолюбія, злобы, зависти, убійства, распрей, обмана, злонравія» (Римл. 1, 29—31) и т. п. Для *такого* человѣка, помимо врожденнаго ему естественнаго нравственнаго закона, необходимъ былъ законъ положительный, откровенный, который постоянно напоминалъ бы ему о томъ, что онъ долженъ дѣлать и чего не долженъ, что слѣдуетъ признавать добромъ и что зломъ.

VI.

Законъ ветхозавѣтный и новозавѣтный. Взаимоотношеніе между ними.

Откровенный нравственный законъ раздѣляется на ветхозавѣтный, данный Богомъ чрезъ патріарховъ, Моисея и пророковъ, и новозавѣтный или евангельскій, возвѣщенный чрезъ Единороднаго Сына Божія Іисуса Христа. По вопросу о взаимномъ отношеніи между этими двумя законами въ Св. Писаніи Новаго Завѣта мы находимъ какъ будто бы двѣ параллельныхъ группы взаимно-противорѣчащихъ мѣстъ. Съ одной стороны Спаситель свидѣтельствуетъ: «не пріидохъ разорити законъ, но исполнити (πληρῶσαι) (Мѳ. 5, 17) и признаетъ заповѣди, данныя при Синаѣ, неизмѣннымъ руководствомъ и условіемъ спасенія (Мѳ. 19, 17—19); съ другой, Онъ называетъ Себя «Господомъ и субботы» (Мѳ. 12, 8), считая какъ бы необязательнымъ для Себя и Своихъ послѣдователей исполненіе закона Моисеева. Равнымъ образомъ и у св. апостоловъ мы встрѣчаемъ одновременно ученіе о томъ, что «законъ святъ и заповѣдь его праведна и добра» (Римл. 7, 12) и категорическое утвержденіе: «мыслимъ убо вѣрою оправдитися

человѣку безъ дѣлъ закона» (Римл. 3, 28), «нѣсмы подъ закономъ, но подъ благодатію» (Римл. 6, 14), «о Христѣ Іисусѣ ни обрѣзаніе что можетъ, ни необрѣзаніе, но вѣра любовью поспѣшествуема» (Галат. 5, 6).

Для правильнаго пониманія всѣхъ приведенныхъ мѣстъ необходимо помнить о различіи между нравственнымъ (и догматическимъ) ветхозавѣтнымъ закономъ, съ одной стороны, и обрядовымъ съ другой. Нравственный законъ Моисеевъ цѣликомъ вошелъ въ евангеліе и сохранилъ свою обязательность для членовъ церкви Христовой. Иначе и не могло быть, разъ онъ служилъ выраженіемъ Божественной воли и заключалъ въ себѣ истину. Богъ есть существо неизмѣняемое, и признаваемое Имъ за добро въ одну эпоху не можетъ сдѣлаться зломъ въ другую. Равнымъ образомъ, истина, если она дѣйствительно является таковой, не можетъ перестать быть ею и сдѣлаться ложью. Это въ одинаковой степени приложимо какъ къ положеніямъ научнымъ: логическимъ, математическимъ, философскимъ, такъ и религіозно нравственнымъ. Наконецъ, обязательность ветхозавѣтнаго нравственнаго закона для христіанъ всегда признавала и Церковь, высоко чтившая Моисеево десятисловіе. Заслуживаетъ вниманія тотъ фактъ, что и въ настоящее время дѣти христіанъ начинаютъ учиться новозавѣтной нравственности, прежде всего усваивая десять заповѣдей Синайскаго закона.

Въ иномъ положеніи находился обрядовой ветхозавѣтный законъ. Не относясь къ самому существу вѣры, онъ имѣлъ лишь временное значеніе и притомъ исключительно для еврейскаго народа. По выраженію апостола Павла, онъ былъ «сѣнью» грядущихъ благъ и «пѣстуномъ» во Христа (Галат. 3, 24). Ветхозавѣтныя жертвы, сопровождавшіяся сложнымъ ритуаломъ, имѣли прообразовательное значеніе и должны были пробуждать въ евреяхъ сознаніе необходимости крестной жертвы Христовой для спасенія всего міра. Многочисленные обряды и весь сложный богослужебный культъ преслѣдовали ту же самую задачу: они внѣдряли въ сознаніе богоизбраннаго народа идею о его безконечной виновности предъ Богомъ и о необходимости искать средствъ къ освобожденію отъ нея. Наконецъ, предписанія о соблюденіи чистоты, омовеніяхъ и очищеніяхъ, оковывая жестоковыйный младенчествующій народъ чувственною стороною своею, имѣли въ то же время символическое значеніе, посредствомъ видимаго выясняя духовное и

невидимое. Такъ, напримѣръ, всѣ предписанія о чистой и нечистой пищѣ, о несмѣшеніи различныхъ родовъ сѣмянъ, скота, даже нитей въ одеждѣ имѣли въ виду выяснить идею разбора и разумнаго различенія, идею установленныхъ Богомъ и самою природою порядка и чистоты.

Но если ветхозавѣтный обрядовый законъ имѣлъ только прообразовательно-воспитательное значеніе былъ «сѣнью грядущихъ благъ» и «пѣстуномъ» во Христа», то, естественно, онъ долженъ былъ потерять свою обязательность въ новомъ завѣтѣ, когда человѣчество вышло изъ дѣтскаго состоянія, когда явился самый «образъ вещей». Дѣтоводитель нуженъ ребенку, а не взрослому; равнымъ образомъ тѣнь предмета излишня при наличности его самого. И мы дѣйствительно видимъ, что Господь Іисусъ Христосъ, хотя Самъ подчинялся закону Моисееву (Лук. 2. 21. 23, 39; 22, 9—16) и былъ подъ закономъ, «да подзаконныя искупитъ» (Галат. 4, 5), но въ то же время премудро подготовлялъ отмѣну этого закона (Мѳ. 12, 8; Іоанн. 4, 21—23; Лук. 22, 20). Точно также поступали и апостолы, дѣйствуя, по примѣру Господа, съ извѣстною постепенностью, пока, наконецъ, не сдѣлали торжественнаго постановленія о необязательности обрядового закона Моисеева на соборѣ Іерусалимскомъ (Дѣян. 15 и.).

Впрочемъ, «пѣстуномъ во Христа» въ нѣкоторомъ смыслѣ можетъ быть признанъ не только обрядовой, но и нравственный законъ Моисеевъ. Предъявляя къ человѣку высокія требованія, невыполнимыя фактически при данномъ состояніи его природы, онъ ставилъ его въ постоянное противорѣчіе между идеаломъ и дѣйствительностью, заставлялъ мучительно чувствовать свое безсиліе и жаждать высшей Божественной помощи. Такое подготовительное значеніе ветхозавѣтнаго закона подробно раскрываетъ ап. Павелъ въ посланіяхъ къ Римлянамъ, Галатамъ и Евреямъ. «Законъ, говоритъ онъ, привниде, да умножится прегрѣшеніе» (Римл. 5,20). «Закономъ познаніе грѣха» (Римл. 3,20). «Безъ закона грѣхъ мертвъ: пришедшей же заповѣди, грѣхъ оживе» (Римл. 7, 8—9). «Законъ гнѣвъ содѣловаетъ» (Римл. 4,15). Смыслъ всѣхъ этихъ выраженій тотъ, что чрезъ посредство закона человѣкъ яснѣе видитъ свои грѣхи. Онъ является какъ бы зеркаломъ, отображающимъ въ себѣ всѣ недостатки нашей природы. Съ другой стороны, сознавая безконечное величіе закона и его святость, человѣкъ чувствуетъ свою немощность, свое безсиліе осуществить его

безъ высшей помощи. Ветхозавѣтный іудей изнемогалъ подъ ярмомъ закона, и чѣмъ болѣе сознавалась имъ его тяжесть, тѣмъ сильнѣе жаждалъ онъ избавителя, который бы далъ ему силы для исполненія предъявляемыхъ къ нему высокихъ требованій.

VII.

Превосходство Евангельскаго нравственнаго закона предъ закономъ ветхозавѣтнымъ.

Законъ евангельскій, какъ мы уже сказали, по существу не отличается и не можетъ отличаться отъ нравственнаго закона ветхозавѣтнаго. Но тѣмъ не менѣе онъ можетъ быть признанъ новымъ сравнительно съ послѣднимъ въ виду тѣхъ глубокихъ основаній, которыя для него были указаны, и той возвышенной мотивировки, которая была ему дана. Частнѣе превосходство морали евангельской сравнительно съ ветхозавѣтною можетъ быть сведено къ слѣдующимъ пунктамъ.

1) Въ новозавѣтномъ законѣ глубже и полнѣе раскрыто то, что въ ветхомъ завѣтѣ дано только въ зародышевой формѣ. Такова заповѣдь о любви къ Богу и ближнимъ. Первенствующее значеніе этой заповѣди не было ясно для сознанія ветхозавѣтнаго человѣка. Любовь понималась имъ преимущественно какъ справедливость (око за око, зубъ за зубъ), но не какъ милосердіе и самоотреченіе. Въ такомъ смыслѣ это сокровеннѣйшее зерно закона впервые раскрылъ Господь Іисусъ Христосъ [1]). «Слышасте, яко речено бысть: око за око, зубъ за

[1]) Впрочемъ, нельзя думать, чтобы справедливость была противоположна любви. Она составляетъ только ея первую ступень. Тѣмъ болѣе ошибочно было бы полагать, будто ветхозавѣтныя слова: *отдай душу за душу, глазъ за глазъ, зубъ за зубъ* и проч. поощряютъ мстительность. Человѣкъ, охваченный чувствомъ мести, вовсе не способенъ довольствоваться такимъ равномѣрнымъ возмездіемъ. Онъ домогается того, чтобы даже за малую личную обиду иногда отплатить не только самой тяжкой обидой, но даже какой нибудь жестокостью, если есть малѣйшая къ тому возможность. Но если такъ, ветхозавѣтное законодательство, требовавшее равномѣрнаго воздаянія, было не поощреніемъ мстительности, а скорѣе ограниченіемъ ея. Оно шло противъ произвола личностей и ставило ихъ дѣйствія подъ строгій контроль безпристрастнаго закона. Послѣдній же проводилъ то основное положеніе, что наказаніе должно быть соразмѣрно проступкамъ, что слѣдуетъ возвращать на голову виновнаго именно то, что онъ сдѣлалъ другому, но не болѣе. Не принципъ мести, попирающей всякое право, не хотящей знать никакихъ

зубъ. Азъ же глаголю вамъ, не противитися злу: но аще кто ударитъ тя въ десную твою ланиту, обрати ему и другую. Слышасте, яко речено бысть: возлюбиши искренняго твоего и возненавидиши врага твоего. Азъ же глаголю вамъ: любите враги ваша, благословите кленущія вы, добро творите ненавидящимъ васъ и молитеся за творящихъ вамъ напасть» (Мѳ. 5, 38—39, 43—44). И еще: «Больше сея любве никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя» (Іоанн. 15, 13).

2) Въ вовомъ завѣтѣ любовь была расширена въ своемъ объемѣ. По закону Моисея она простиралась преимущественно на единоплеменниковъ. По ученію Христа, объектомъ ея должны служить всѣ люди, какъ раскрыто это въ притчѣ о милосердномъ Самарянинѣ. Слѣдовательно, мораль христіанская носитъ болѣе широкій характеръ, нежели мораль ветхозавѣтная.

3) Въ ветхомъ завѣтѣ не было указано степени и силы любви, въ новомъ завѣтѣ предъявляется требованіе ея безпредѣльности «да любите другъ друга, якоже Азъ возлюбихъ вы» (Іоанн. 13,34), «будите убо вы совершени, якоже Отецъ вашъ Небесный совершенъ есть» (Мѳ. 5,48).

4) Любовь ветхозавѣтнаго человѣка основывалась на сознаніи родства по крови, основаніемъ любви христіанской служитъ мысль о томъ, что всѣ люди дѣти одного небеснаго Отца, всѣ братія во Христѣ, всѣ искуплены Его безцѣнною кровію.

5) Законъ ветхозавѣтный носилъ преимущественно внѣшній, юридическій характеръ, а потому и былъ выраженъ въ формѣ отрицательной и повелительной, законъ евангельскій требуетъ чистоты внутренняго настроенія, выраженъ въ формѣ совѣтовъ и сливается во едино съ внутренними влеченіями и требованіями человѣка. Это ясно изъ нагорной проповѣди: «Слышасте, яко речено бысть древнимъ: не убіеши: иже бо аще убіетъ, повиненъ есть суду. Азъ же глаголю вамъ: яко всякъ, гнѣваяйся на брата своего всуе, повиненъ есть суду. Слышасте яко речено бысть древнимъ: не прелюбы сотвориши. Азъ же глаголю вамъ, яко всякъ, иже возритъ на жену, ко еже возделѣтиея, уже любодѣйствова съ нею въ сердцѣ своемъ»

предѣловъ въ своихъ обнаруженіяхъ, а принципъ справедливости, хотя бы и элементарной, обусловливавшійся средою, къ коей онъ долженъ былъ примѣняться, выдвигается здѣсь и призывается къ урелигулированію человѣческихъ отношеній (Проф. А. Ѳ. Гусевъ „О сущности религіозно-нравственнаго ученія Л. Н. Толстого". Казань 1902 г. стр. 344).

(Мо. 5,21 и слѣд.). А сводя законъ съ внѣшняго на внутреннее, Христосъ тѣмъ самымъ возвышаетъ его на степень закона сердечнаго расположенія, дѣлаетъ его закономъ духа (Римл. 3,27) и свободы (Галат. 4, 26; 5, 13), вслѣдствіе чего, по выраженію апостола, праведнику, законъ не лежитъ» (1 Тим. 1, 9).

6) Побужденіями къ исполненію закона въ ветхомъ завѣтѣ служили преимущественно ожиданія наградъ и наказаній въ земной жизни. Господь Іисусъ Христосъ возводитъ нашу мысль отъ благъ земныхъ, временныхъ, къ благамъ нетлѣннымъ и вѣчнымъ, устремляетъ ее къ небу, какъ цѣли нашего существованія, побуждаетъ насъ не заботиться о земныхъ благахъ и выгодахъ, но искать прежде всего «царства Божія и правды его» (Мо. 6, 33). Соотвѣтственно этому для возбужденія къ исполненію своего закона Онъ указываетъ не на послѣдствія нашего поведенія для нашей земной жизни, а на тѣ муки вѣчныя, которымъ подвергнутся грѣшники (Мѳ. 25, 41; Лук. 13,28), на тѣ небесныя награды, которыхъ «око не видѣ, ухо не слыша» (1 Кор. 2, 9) и которыя уготовалъ Господь любящимъ Его (Мо. 19, 28; 25, 34), наконецъ, на безконечную и въ высшей степени трогательную любовь Божію къ намъ проявившуюся въ дѣлѣ нашего искупленія (Іоанн. 3, 16. 17; 15, 9. 13—15), а также на свой собственный примѣръ (Іоанн. 12, 15. 17. 27; Мѳ. 11, 29).

7) Наконецъ, только въ новомъ завѣтѣ даны благодатныя силы къ исполненію нравственнаго закона, тогда какъ ветхозавѣтный законъ лишь приводилъ людей къ сознанію своей немощи, своего безсилія. Исполнивши Самъ законъ, Христосъ и всегда исполняетъ его въ насъ и за насъ, невидимо пребывая въ нашихъ душахъ и сообщая намъ благодать Св. Духа.

Примѣчаніе. На ряду съ заповѣдью о любви къ Богу и ближнему и служащимъ къ ея дальнѣйшему раскрытію десятисловіемъ въ ветхомъ завѣтѣ извѣстенъ былъ принципъ: «око за око, зубъ за зубъ»,—принципъ, имѣвшій практически даже большее значеніе по сравненію съ первымъ. Отсюда возникаетъ вопросъ: какимъ образомъ Богъ могъ противорѣчить Самому Себѣ, одновременно требуя отъ человѣка и безграничной любви и кровавой мести. Неужели въ разные вѣка Ему могло быть угодно не одно и то же, и неужели ветхозавѣтный еврей, непремѣнно требовавшій воздаянія, поступалъ нравственнѣе, нежели прощавшій обиды. На оба эти вопроса мы должны отвѣтить, конечно, отрицательно.

Подлиннымъ выраженіемъ Божественной воли и въ ветхомъ завѣтѣ служилъ тотъ же законъ любви, который былъ только болѣе раскрытъ и уясненъ Іисусомъ Христомъ. Но законъ этотъ по своей идеальной высотѣ не былъ доступенъ для «жестовыйна́го“ народа. Отсюда на ряду съ нимъ должны были существовать такія нормы, которыя были бы болѣе примѣнимы къ жизни при данномъ состояніи человѣка. Въ дарованіи такихъ нормъ нѣтъ ничего недостойнаго Бога и противорѣчащаго Его свойствамъ. Представимъ себѣ, что мы въ настоящее время должны бы были воспитывать дикаря съ разнузданною природою, звѣрскими инстинктами, чуждаго благожелательныхъ склонностей. Могли ли бы мы предъявлять къ нему слишкомъ высокія требованія: напримѣръ, требованіе самоотверженной любви ко всѣмъ людямъ, даже врагамъ, сострадания ко всѣмъ живущимъ, какъ бы далеко они отъ насъ ни отстояли по времени и пространству и т. д. Конечно, нѣтъ. Этихъ требованій дикарь, по грубости своей природы, не могъ бы даже и понять, а тѣмъ болѣе выполнить. По необходимости его воспитаніе мы должны были бы начать съ указанія для него нормъ болѣе легкихъ и выполнимыхъ. Мы потребовали бы отъ него на первыхъ порахъ по крайней мѣрѣ того, чтобы онъ помогалъ ближайшимъ къ нему лицамъ и никому не вредилъ. Въ такомъ же положеніи находился и еврейскій народъ въ своей массѣ. Примѣняясь къ его грубому состоянію («жестокосердію по словамъ Христа), Моисей, помимо заповѣдей, выражающихъ абсолютную волю Божію, указалъ ему и тѣ ближайшіе принципы, которыми онъ *даже и при данномъ состояніи своей природы* могъ непосредственно руководствоваться въ жизни. Христосъ же прямо указалъ человѣчеству на тѣ *конечные* пункты, къ которымъ должна направляться нравственная жизнь, на тѣ идеалы, къ которымъ всегда долженъ быть устремленъ взоръ Его послѣдователей.

VIII.

Идеальный характеръ евангельскаго закона.

«Азъ же глаголю вамъ не противитися злу: но аще тя кто ударитъ въ десную твою ланиту, обрати ему и другую: и хотящему судитися съ тобою и ризу твою взяти, отпусти ему и срачицу: и аще кто тя пойметъ по силѣ поприще едино, иди

съ нимъ два. Просящему у тебе дай, и хотящаго отъ тебе заяти не отврати (Мѳ. 5, 39—42). «Будите убо вы совершени, яко же Отецъ вашъ небесный совершенъ есть» (Мѳ. 5, 48).

Нагорная проповѣдь Іисуса Христа во многихъ вызываетъ недоумѣнія и часто подвергается неправильнымъ толкованіямъ. Левъ Толстой видитъ въ ней положительное воспрещеніе всякаго насилія какъ въ личной, такъ и въ общественной жизни. Современные соціалисты упрекаютъ христіанство въ томъ, что оно враждебно относится ко всякой борьбѣ за улучшеніе жизни, за созданіе ея совершеннѣйшихъ формъ. Другіе считаютъ Христа утопистомъ, чрезмѣрно увлекшимся въ Своей проповѣди и въ противовѣсъ внѣшне-фарисейскому пониманію закона впавшимъ въ противоположную крайность. Наконецъ, наиболѣе распространенное пониманіе словъ Христа то, что они касаются только личныхъ отношеній людей, но не отношеній общественныхъ и государственныхъ.

Что нагорная проповѣдь Іисуса Христа, какъ и все евангельское ученіе, непосредственнымъ образомъ касается личныхъ, а не общественныхъ отношеній—это несомнѣнно. Но и въ сферѣ первыхъ слова Спасителя о непротивленіи злу едвали могутъ быть признаваемы въ качествѣ заповѣди, буквально обязательной для людей во всякое время и при всякихъ обстоятельствахъ. Неужели каждый изъ насъ поступитъ вопреки евангелію, если силою спасетъ покушающагося на самоубійство отъ смерти или избавитъ отъ ножа злодѣя его жертву. Думать такъ—значило бы становиться на точку зрѣнія того отвлеченнаго фарисейскаго формализма, который нерѣдко былъ предметомъ грозныхъ обличеній со стороны Спасителя. Если бы дѣйствительно христіанинъ не могъ перстомъ двинуть для защиты слабыхъ и обиженныхъ, если бы онъ былъ обязанъ оставаться равнодушнымъ празднымъ зрителемъ нарушеній справедливости и гнусныхъ преступленій, тогда христіанство было бы религіей недѣланія, квіетизма и нравственной косности, религіей, не бодряшей человѣка и вдохновляющей его на геройство, а, подобно буддизму, привлекающей въ свои нѣдра лишь безвольныхъ, измученныхъ и дряблыхъ людей. Къ счастью, въ дѣйствительности этого нѣтъ. Тотъ, кто въ порывѣ святого негодованія вервіемъ изгналъ торгующихъ изъ храма, не могъ требовать отъ людей вялаго бездѣйствія при столкновеніи лицемъ къ лицу со зломъ жизни, особенно когда жертвою его становятся наши ближніе. Нагорную бесѣду Іисуса

Христа слѣдуетъ понимать не изолировано, а въ связи со всѣмъ Его ученіемъ и въ частности съ ученіемъ о любви. Именно этимъ основнымъ принципомъ христіанской этики мы должны руководствоваться во всѣхъ случаяхъ жизни. Непротивленіе злу насиліемъ обязательно для насъ тогда и въ той мѣрѣ, когда оно требуется благомъ нашимъ ближнихъ; наоборотъ, иногда послѣднее обязываетъ насъ оказать энергичное противодѣйствіе злу. Само собою разумѣется, что при безконечной сложности человѣческой жизни и человѣческихъ отношеній возможны случаи столкновенія любви къ разнымъ лицамъ. Какъ поступить въ данномъ случаѣ—зависитъ уже отъ нашей совѣсти и нашего нравственнаго такта. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы должны употребить насиліе, въ нѣкоторыхъ отказаться отъ него. Внутреннее чувство каждому говоритъ, что позволительно силою вырвать ножъ изъ руки убійцы, спасти и его самого отъ преступленія и жертву отъ смерти; что, наоборотъ, непозволительно путемъ убійства человѣка, покушающагося на чужую собственность, спасать эту послѣднюю. Въ случаѣ, если насъ ударятъ, мы можемъ и подставить другую щеку, и обратиться къ оскорбителю съ увѣщаніемъ, и наконецъ, привлечь его къ судебной отвѣтственности предъ законною властью въ зависимости отъ индивидуальныхъ особенностей оскорбителя и оскорбленія. Мы должны въ данномъ случаѣ поступить такъ, чтобы принести наибольшую духовную пользу нашему обидчику. Если мы полагаемъ, что наша кротость заставитъ его одуматься и раскаяться въ своемъ поступкѣ, то должны будемъ, слѣдуя буквальной заповѣди Спасителя, подставить ему другую щеку; если же мы имѣемъ основаніе думать, что въ послѣднемъ случаѣ онъ еще болѣе озлобится, и что его необузданность можетъ быть подавлена лишь энергичнымъ противодѣйствіемъ, то должны будетъ оказать таковое. Словомъ, всегда мы должны поступать такъ, какъ подсказываетъ намъ чувство любви къ ближнимъ и забота объ ихъ благѣ.

Ключъ къ пониманію нагорной проповѣди Спасителя даютъ заключительныя слова пятой главы: «будите убо совершени, якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть» (ст. 48). Итакъ людямъ заповѣдуется безконечное совершенство, которое для нихъ, какъ существъ ограниченныхъ, очевидно, невозможно, особенно въ предѣлахъ и условіяхъ земной жизни. Это, слѣдовательно, не такая заповѣдь, которую сразу можно осуществить въ данный моментъ, а лишь идеалъ, освѣщающій путь

жизни, идеалъ, къ которому только можно безконечно приближаться, но который недостижимъ въ полный мѣрѣ. Такой же идеальный характеръ имѣетъ и вся нагорная бесѣда Христа. Она намѣчаетъ намъ лишь тѣ безконечно отдаленныя свѣтлыя точки, которыя должны служить путеводными звѣздами нашей нравственной жизни, рисуетъ то свѣтлое царство добра, къ осуществленію котораго мы должны направлять всѣ свои силы. Вы, какъ бы говоритъ Христосъ, должны стараться о созданіи такого порядка вещей, при которомъ не было бы нужды ни въ какихъ формахъ насилія, ни въ государственныхъ учрежденіяхъ, ни въ клятвахъ. Но пока этого нѣтъ, пока всѣ люди не прониклись ученіемъ евангельскимъ, поведеніе христіанъ должно опредѣляться духомъ любви и желаніемъ общечеловѣческаго совершенства. А для достиженія послѣдняго *при наличныхъ условіяхъ* могутъ быть признаны цѣлесообразными, а, слѣдовательно, не только позволительными, но и обязательными—даже средства насилія. Являясь чѣмъ-то недолжнымъ съ идеальной точки зрѣнія, они неизбѣжны при данномъ состояніи человѣческой природы, такъ какъ, отрицая ихъ, мы должы бы были допустить большее зло и отдалить осуществленіе идеала общечеловѣческаго совершенства и счастья.

Павелъ Левитовъ.

Учительное Извѣстіе при славянскомъ Служебникѣ *).

„КНИГА служебникъ всяко есть потребна къ служенію, на память же молитвъ да не глаголетъ: ибо аще іерей служити будетъ памятнѣ безъ книги, смертно согрѣшитъ: зане многія споны, забвеніе же и запности тогда случаются“.

То же самое внушалось относительно служебника и практикою древнѣйшаго времени. „Пріими, говоритъ архіерей хиротонисуемому во священника въ одномъ служебникѣ XVI в., сію книгу церковныхъ Божественныхъ таинъ послѣдованіе, ихъ же имаши съ въсякимъ вниманіемъ и страхомъ Божіимъ съвръшати, на всякъ же день дльжнь будеши плодъ устень твоихъ въ жрътву благопріятну Господеви приносити, сирѣчь полунощницу, ютрѣню, часы, вечерню и повечерню съвръшати, къ служенію же божественныя литургіе по истезаніи опасномъ своее съвѣсти, съ въсякимъ благоговѣніемъ, послѣдованію еже къ божественному причещенію съ всѣми миренъ, въ чистой съвѣсти да приступаеши“ [1]). Какъ видно изъ поученій св. Димитрія Ростовскаго, запрещаемый Извѣстіемъ обычай совершать литургію безъ служебника, на память имѣлъ у насъ мѣсто въ XVII и XVIII в. Святитель разсказываетъ, что въ одной изъ ростовскихъ церквей „попъ служилъ святую литургію безъ книги, служебникомъ нарицаемой, и безъ молитвъ, служенію подобающихъ, токмо едины возгласы глагола“. Въ свое оправданіе онъ ссылался на авторитетный для него примѣръ старыхъ священниковъ: „отъ старыхъ поповъ сего навыкохъ и сказа поимени отъ кого навыче“ [2]).

*) Окончаніе. См. іюль—августъ.

[1]) А. А. Дмитріевскій. Ставленникъ, стр. 100—1.

[2]) Творенія иже во св. отца нашего Св. Димитрія Ростовскаго. Кн. 2. стр. 167. Петербургъ. 1910.

„Въ конецъ же, послужитель во олтари всяко мужескій полъ да будетъ“. Содержащеся въ данномъ предписаніи запрещеніе входить въ алтарь женщинамъ основывается на 44 пр. Лаодикійскаго собора: „не подобаетъ женѣ въ алтарь входити“ [1]). Въ томъ же духѣ высказывается 66 статья Номоканона: „мірстіи во святый олтарь да не входятъ, ни мужіе, ни жены, по 69 правилу, еже въ Труллѣ“ [2]). Въ „Воумленіи“ рубрика о служителѣ въ алтарѣ дополняется такимъ предписаніемъ: „женску полу и дѣвицѣ, аще и чистѣй, и монахинѣ во олтарь не подабаетъ входити“ [3]). Замѣчаніе о монахинѣ совпадаетъ съ предписаніемъ Кормчей 1653 г.: „не подобаетъ инокинямъ входити въ святый олтарь, ниже вжигати свѣщу и кандило“ [4]). Такъ она измѣняетъ 15-ое правило патріарха Никифора, разрѣшающее монахинямъ входъ въ алтарь.

„Во всемъ служеніи божественныя литургіи іерей долженъ быти кротокъ, тихъ, примиренъ и благоговѣинъ, умныма очима взирая на своего владыку, предъ нимъ же стоитъ, ему же служитъ и его же образъ на себѣ носитъ. Молитвы со всякимъ благоговѣніемъ, благочестно, и великимъ вниманіемъ, прилежно и всецѣло ничтоже оставляя, да чтетъ. Служити же страхомъ и трепетомъ іерей долженъ есть... всею поставою внѣшнею изобразити имать внутренню свою вѣру, ею же крѣпко извѣствуется, яко престолъ есть сѣдалище царя небеснаго, судіи живыхъ и мертвыхъ, на немже истинно онъ сѣдитъ, и тьмы ангелъ окрестъ его со страхомъ невидимо предстоятъ“. Въ болѣе краткой редакціи тоже наставленіе встрѣчается у Василія Великаго. „Предстани, говоритъ онъ, святому жертвенику со умиленіемъ и чистымъ сердцемъ, не озираяся сѣмо и овамо, но въ страсѣ и трепетѣ предстоя небесному царю; да не угодія ради человѣческаго потщишися сократити молитвы; не пріемлеши же лица человѣка, но взирай къ единому предлежащему царю и предстоящымъ окрестъ его силамъ“! [5]).

„Вещь тайны тѣла Господа нашего Іисуса Христа есть хлѣбъ отъ чистыя пшеничныя муки, водою простою естественною смѣшанный и добрѣ испеченый, квасный, непресоленный, свѣжій и чистый“. Совершеніе евхаристіи на квасномъ хлѣбѣ является обычною практикою восточной церкви. Употребленіе опрѣсноковъ и въ древности и въ болѣе позднее время разсматривалось какъ отступленіе отъ нормы. Такъ, Епифаній Кипрскій отмѣчаетъ въ качествѣ особенности обычай евіонитовъ совершать евхаристію на опрѣсноках [6]). Три вещества, входящія въ составъ евхаристиче-

---

[1]) Правила св. помѣстныхъ соборовъ. Вып. I, стр. 360 Москва. 1880.
[2]) Павловъ. Номоканонъ, стр. 186—7. [3]) Л. 59.
[4]) Павловъ. Ibid., стр. 189. [5]) Кормчая. Ч. I., л. 176 обор.
[6]) Наег. XXX., n. 16.

скаго хлѣба (мука, соль и вода) указываютъ, по словамъ Симеона Солунскаго, на трехчастность нашей души и Св. Троицу. Мука съ квасомъ означаетъ душу; вода—крещеніе, а соль знаменуетъ умъ и ученіе Слова [1]).

„Иный же хлѣбъ, кромѣ самыя пшеницы, квасный, изъ всякаго жита сѣменъ, или и изъ пшеничныя муки и естественныя воды и квасный, но млекомъ, или масломъ или яицы помазанный, запвѣлый же, сплѣснѣлый, или изгорчалъ вещію тѣла Христова быти не можетъ". Запрещеніе употреблять евхаристическій хлѣбъ, помазанный молокомъ, масломъ и яйцами, вытекаетъ изъ 3-го апостольскаго и 57 правила VI вселенскаго собора, возбраняющихъ подъ страхомъ отлученія приносить въ алтарь молоко и медъ [2]), а требованіе избѣгаетъ хлѣба „запвѣлаго, сплѣснѣлаго: „согласно съ наставленіемъ Василія Великаго: „блюди, да не сплѣсневѣютъ или одымѣютъ божественныя тайны" [3]).

„Вещество крове Христовы есть вино отъ плода лознаго сіесть, изъ гроздовъ винныя лозы источенное, несмѣшенное съ каковымъ-либо инымъ питіемъ, кромѣ еже изъ гроздія: въ проскомидіи же вліяти мало въ вино воды, и по освященіи тайнъ теплыя воды, якоже чинъ имать". Обычай употреблять для евхаристіи виноградное вино и соединять его съ водою ведетъ свое начало отъ І. Христа, Который евхаристическую чашу вина (Мѳ. XXVI, 29) растворилъ, по древнему преданію, водою, и узаконенъ 46 правиломъ Карѳагенскаго собора и 32 канономъ Трульскаго. „Въ святилище, говоритъ первое, да не приносится ничто, кромѣ тѣла и крови Господней, т. е. кромѣ хлѣба и вина, водою растворенная" [4]). Отцы Трульскаго собора, обличая армянъ, несмѣшивающихъ на евхаристіи вино съ водою, въ подтвержденіе православной практики ссылаются на литургію ап. Іакова и Василія Великаго „Іаковъ, по плоти братъ Христа Бога нашего, говорятъ они, и Василій, архіепископъ кесарійскій, письменно предавшіе намъ таинственное священнодѣйствіе, передали въ божественной литургіи составлять священную чашу изъ воды и вина" [5]). Древнѣйшее свидѣтельство о вліяніи теплоты принадлежитъ Никифору Исповѣднику. „Не подобаетъ, замѣчаетъ онъ, кромѣ укропа службу принести пресвитеру, развѣ аще по велицѣй напасти, и аще никако же обрѣтается укропъ" [6]). О

---

[1]) Писанія отцовъ и учителей церкви, относящіяся къ истолкованію православнаго богослуженія II т., стр. 107.

[2]) Правила св. апостолъ, стр. 15—16. Правила св. вселенскихъ соборовъ, стр. 467.

[3]) Кормчая. Ч. I, л. 177.

[4]) Правила св. помѣстныхъ соборовъ. Вып. II стр.

[5]) Правила св. апост. св. соборовъ, вселенскихъ и помѣстныхъ Вып. III, стр. 380.

[6]) Кормчая. Ч. 2, л. 190 обор.

томъ же самомъ упоминаетъ Вальсамонъ въ толкованіи на 32 правило Трульскаго собора, разъясняя, что теплота вливается въ потиръ для твердаго удостовѣренія въ томъ, что истекшія изъ ребра І. Христа кровь и вода были оживотворены, а не мертвы [1]). Въ текстахъ литургій рубрика о вліяніи теплоты отсутствуетъ въ XI—XII вв. и появляется въ XIII ст. Такъ, она неизвѣстна литургія Василія Великаго по рукописи Синайской библ. XI—XII в. № 961 и литургіи Іоанна Златоуста по рукописи той же библ. XII в. № 973 [2]) и славянскимъ рукописямъ Московской Синодальной библ. № 342 и 343.

„Виномъ не суть и быти не могутъ вси соки, отъ различныхъ овощей и ягодъ источени, сіесть, яблочный, грушевый, вишневый, терновый, малиновый, и иніи симъ подобніи". Совершеніе евхаристіи не на винѣ запрещено и осуждено 3-имъ апостольскимъ правиломъ, составившимъ основаніе для даннаго предписанія. „Аще кто, епископъ, или пресвитеръ, говоритъ оно, вопреки учрежденію Господню о жертвѣ, принесетъ къ алтарю вмѣсто вина приготовленный изъ чего-либо другого напитокъ, да будетъ изверженъ отъ священнаго чина" [3]). Подобнаго рода постановленіа были извѣстны и древне русской церкви. Такъ, митрополитъ Кипріанъ въ одномъ изъ отвѣтовъ игумену Аѳанасію говоритъ: „аще кромѣ вина инымъ нѣчимъ служити съпротивникъ есть Господняго указанія" [4]). Равнымъ образомъ и въ святительскихъ поученіяхъ духовенству встрѣчается такое наставленіе: „да чтобы есте безъ вина обѣдни не служили, а къ вину бы есте не примѣшивали ничего, ни меду, ни квасу, развѣ воды" [5]).

„Аще іерей служай предъ освященіемъ познаетъ хлѣбъ, на престолѣ на дискосѣ ко освященію предложенный, быти растлѣнный, или житныхъ сѣменъ каковыхъ, или мало прицвѣлый, или прѣсный, абіе да отложитъ сій, да возметъ же иный свѣжій и чистый пшеничный, и глаголетъ надъ нимъ тихо: Въ воспоминаніе Господа и Бога: и вся прочая проскомидійная, яже надъ агнцемъ, да изимаетъ агнецъ обычно... Сице убо творитъ по всему, аще по проскомидіи предъ великимъ входомъ или по входѣ каковымъ либо буди образомъ не обрящется агнецъ на діскосѣ, стать, или чудовнѣ или отъ мысли взятъ. Аще іерей предъ освященіемъ крове, по освященіи тѣла познаетъ, яко вина въ чаши нѣсть, точію вода, да изліетъ оную воду въ нѣкій чистый и честный сосудъ,

---

[1]) Правила св. апост. св. соборовъ. Вып. III, стр. 382. Ср. объясненія Симеона Солунскаго Писанія отцевъ-учителей церкви. III, 50.

[2]) А. А. Дмитріевскій. Описаніе литургич. рукоп. II т., стр. 76, 85.

[3]) Правила св. апостолъ, стр. 15—16.

[4]) Русская историческая Библ. VI т. столб. 258.

[5]) Ibid. столб. 922.

и абіе вліетъ вино и мало отъ воды, глаголя: Единъ отъ воинъ копіемъ ребра его прободе. По семъ же да начинаетъ отъ оныхъ словесъ: Подобнѣ и чашу по вечери, глаголя: и прочая". Сходное съ предписаніемъ Учительнаго Извѣстія правило на тотъ случай, если во время проскомидіи не будетъ влито въ чашу вино, встрѣчается у архіепископа Новгородскаго Иліи († 1186). „Если случится за литургіею, говоритъ оно, что священникъ или діаконъ забудетъ влить воды или вина и усмотритъ это только уже послѣ святая святымъ, когда будетъ раздроблено Тѣло, и часть его вложена въ потиръ: то опять изъ службы не повторяютъ ничего, но священникъ или діаконъ возметъ одинъ потиръ, отнесетъ его въ малый алтарь (жертвенникъ), вольетъ вина и воды, говоря при семъ то, что говорится при семъ на проскомидіи, и принесши поставитъ на своемъ мѣстѣ; священникъ благословитъ одинъ потиръ, говоря: „еже есть въ чаши сей честную кровь Христа Твоего" [1]). Одинаково высказывается по данному вопросу Симеонъ Солунскій. „Если іерей, разсуждаетъ онъ, забудетъ сдѣлать соединеніе и покроетъ пустой потиръ, и если онъ узнаетъ объ этомъ во время входа, то тотчасъ долженъ сдѣлать соединеніе на божественномъ престолѣ и прочитать молитву предложенія и такимъ образомъ совершать литургію. Если же онъ не примѣтитъ до конца литургіи и узнаетъ уже въ то время, когда приступитъ къ причащенію, и тогда долженъ сдѣлать соединеніе и прочитать молитву предложенія и повторить сначала всѣ молитвы, читаемыя отъ самаго великаго входа, а во время призыванія Духа назначенать только потиръ" [2]). У Симеона же Солунскаго встрѣчается предписаніе и на тотъ отмѣчаемый Учительнымъ Извѣстіемъ случай, если агнецъ будетъ „отъ мыши взятъ". „Если случится, говоритъ онъ, что принесенный божественный хлѣбъ будетъ съѣденъ мышами, и іерей не будетъ знать, а свѣдаетъ о томъ послѣ входа, тогда пусть принесетъ другой хлѣбъ, обычно изметъ агнца, произнося пророчественныя изреченія и исполняя все, что обыкновенно говорится и дѣлается. Въ особенности нужно повторить молитву проскомидійную, а потомъ и всѣ молитвы великаго входа, умилостивленія и прощенія, приготовляющія іерея къ священнодѣйствію" [3]).

Еще ранѣе Симеона Солунскаго рѣшеніемъ того же самаго вопроса занимался въ XIII в. цѣлый патріаршій соборъ. Именно митрополитъ Диррахійскій Романъ обратился къ Константинопольскому патр. Мануилу Критопулу (1242—1255) съ такимъ вопросомъ: „нѣкоторые изъ священниковъ во

---

[1]) Голубинскій. Исторія русской церкви. 1, 2, стр. 314—5.

[2]) Писанія отцевъ и учителей церкви, относящіяся къ истолкованію правосл. богослуженія. III, стр. 222—3.

[3]) Ibid., 218—19.

время великой черыдесятницы кладутъ на сохраненіе прежде-освященные божественные хлѣбы въ дароносицы; затѣмъ при содѣйствіи демона они бываютъ похищены изъ божественнаго или мышами или собакою, или же, когда священникъ священнодѣйствуетъ и читаетъ молитвы при престолѣ, какая-нибудь незамѣтно послѣ проскомидіи похищаетъ священное божественное тѣло. Како должно за таковое подвергать епитеміи іереевъ?“ Въ отвѣтъ на это соборъ постановилъ: „Когда хлѣбы похищены отъ мышей по совершеніи проскомидіи, священники да не подлежатъ епитиміи, такъ какъ многое подобное часто бываетъ,—и да приготовятъ другую просфору на святой трапезѣ и да исполнятъ проскомидію и да совершатъ священнодѣйствіе“ [1]). Около того же самаго времени, въ отвѣтъ константинопольскаго патріаршаго собора (1276 г.) Сарайскому епископу Ѳеогносту на вопросъ „аще мышь начнеть агнець, достоить ли имъ служити, или ни“?—читается: „достаить, хотя бы четвертая часть осталася, и тѣмъ служити“ [2]).

Изъ болѣе древней практики русской церкви сохранилось по данному вопросу правило новгородскаго архіепископа Иліи (1164—1168): „аще ся пригодить се, еже мышь начнеть дискосъ (агнецъ) у слоужбы, и оузрить попинъ или до переноса, или по переносѣ, и оскребъ е ножикомъ и слоужить, а новаго не вѣчинаеть. А крохы вспуть въ ты крыхы, иже то съ литона сънимають“ [3]).

„Подобаетъ убо, аще служатъ іерее мнози, якоже словесе Господня: Пріимите, ядите: и Пійте отъ нея вси, се Твоя отъ Твоихъ: тако, и сотвори убо хлѣбъ сей: и А еже въ чаши сей: Преложивъ Духомъ Твоимъ Святымъ, купно глаголати“. Аналогичное наставленіе имѣется въ одномъ южно-русскомъ чинѣ пресвитерской хиротоніи начала XVII ст. Разъясняя новопоставленному, что онъ долженъ дѣлать, получивъ отъ епископа часть божественнаго тѣла, чинъ вмѣняетъ ему въ обязанность „глаголать съ святителемъ молитвы всѣ во святой литургіи послѣдуемыи. Наипаче егда святитель посвящаетъ пречистыя тайны, возглашая: Пріимите, ядите и Пійти отъ нея вси, онъ сія вся глаголетъ тихо за святителемъ“ [4]). Того же самаго требуетъ и Чиновникъ. „Вѣдательно же, замѣчаетъ онъ, яко лѣпотствуетъ сія Господня словеса: „Пріимите, ядите“ и „Пійте отъ нея вси“ глаголати надъ хлѣбомъ и виномъ всѣмъ сослужащимъ, купногласно тихимъ голосомъ во едино слово съ архіереемъ; и ниже единымъ словомъ предварити кому или остатися Архіерея; но яко изъ единѣхъ устъ всѣмъ купно рещи. Такожде и надъ чашею: и еже въ чаши сей и пр.“.

---

[1]) Migne. Cursus patr. gr. t. CXIX, col. 807—12.

[2]) Русская Истор. Биб. VI т. стол. 135. [3]) Ibid. стол. 78.

[4]) Рукоп. библ. Кіев. Соф. собора № IV—12, л. 237.

„Аще іерей литургисаяй, прежде освященія тѣла и крове Господни, тяжко разболится, яко отнюдъ ему немощи дѣйствовати, или вскорѣ умретъ, служба оставляется и престаетъ. Аще по освященіи и совершеніи сіе приключится: иный священникъ, аще тамо будетъ, слушая литургію, да совершитъ божественную литургію. Аще тогда инаго іерея не будетъ, отъ благоговѣйныхъ и чистыхъ мужей кто, всемъ покровецъ не прикасаяся нагою рукою, да покрыетъ добрѣ святая, дондеже иный священникъ пріидетъ: иже пришедъ да совершитъ божественную службу совершенно, наченъ отъ проскомидіи, и новый агнецъ изъемь, обычно въ служеніи да освятитъ". Аналогичный случай отмѣченъ грамотою митрополита Макарія 1558 г. Совершившій литургію священникъ внезапно омертвѣлъ; другого іерея, могущаго докончить службу, не было. Когда заболѣвшій ожилъ, ему было предписано докончить службу, совершить все то, что указывается и въ Учительномъ Извѣстіи. При этомъ священнику было приказано: егда приспѣетъ время воздвигнути Святая, и онъ бы агнцы на единомъ дискосѣ воздвигнулъ, якоже и въ божественной службѣ Василія Великаго [1]).

„Аще іерей начнетъ литургисати и въ проскомидіи будетъ дѣйствѣ, или уже въ литургіи до входа великаго, позовется смертныя ради каковыя приключаемыя нужды, аще крестити, или исповѣдати, а не въ дальнемъ разстояніи: да оставитъ на томъ мѣстѣ служеніе и идетъ борзо тамо, и сотворивъ болѣзненному въ самой смерти надежно спасеніе, и возвратився, докончаетъ божественную службу: въ церкви же вешитъ чтеніемъ апостола или каноновъ или псалмовъ пришедшыя люди пользовати въ то время". Церковныя правила относятъ крещеніе дѣтей къ числу неотлагаемыхъ требъ. „Аще чіе отроча, говоритъ 58-я статья Номоканона, нерадѣнія ради умретъ некрещено, три лѣта сицевый да не причастится. Аще ли текутъ къ священнику, а священникъ небрежетъ, грѣхъ есть священнику" „Аще ли, отвѣчаетъ древнерусскій епископъ Нифонтъ Саввѣ, умретъ дитя нехрещено небреженіемъ родитель или поповымъ, вельми за душегубье поста три лѣта" [2]). Сообразно съ этимъ и „Поученіе святительское къ новопоставленному іерею" требуетъ, чтобы онъ былъ „стражъ въ нощи и во дни съ крещеніемъ и покаяніемъ и причащеніемъ" [3]). На почвѣ даннаго взгляда и возникло настоящее предписаніе Учительнаго Извѣстія. Что же касается его требованія занять во время отсутствія священника вниманіе богомольцевъ чтеніемъ апостола или псалмовъ, то оно находитъ себѣ полную параллель въ Типиконѣ Великой Константинопольской Церкви. Описывая крещеніе

[1]) Акты Археол. Экспед. 1 т. № 258.

[2]) Русская Историческая Библіотека. VI т., столб. 52, п. 3.

[3]) Нестеровскій. Чины хиротесій и хиротоній, стр. XX, № IV.

оглашенныхъ за литургіею великой субботы, уставъ говоритъ, что для его совершенія патріархъ удалялся въ особую крещальню, а въ церкви во все время его отсутствія читались пареміи“ [1]).

„Аще же на долзѣ святіи дары, или освящени, или не освящени, по сицевомъ случаи, не сущу священнику, растлѣются, сіесть сплѣснѣютъ и хлѣбъ и вино оцетно будетъ, яко не мощи имъ къ потребленію пріемнымъ быти, священникъ, сія вземъ, въ текущую рѣку да всыплетъ“. 160 статья Номоканона содержитъ на тотъ же самый случай иное предписаніе,—требуетъ „съ виномъ сладкимъ устроити чашу и изнурити, сирѣчь снѣсти сплѣснѣлые дары“ [2]). Въ каноническихъ сборникахъ данное правило усвоется то Тимоѳею, патріарху Александрійскому, то Никифору Исповѣднику. Именемъ перваго оно надписывается въ печатной словянской Кормчей [3]).

„Аще который іерей кромѣ сицеваго случая литургисавъ не причастится божественныхъ таинъ, тяжко смертно вельми согрѣшитъ и изверженія винѣ подлежитъ“. Предписаніе Учительнаго Извѣстія представляетъ повтореніе 8-го апостольскаго правила: „аще епископъ или пресвитеръ, или діаконъ, или кто-либо изъ священнаго списка при совершеніи приношенія не причастится, да представитъ причину, и аще есть благословна, да будетъ извиненъ. Аще же не представитъ, да будетъ отлученъ отъ общенія церковнаго“ [4]).

„Аще паукъ, или ино что ядовитое предъ освященіемъ св. даровъ впадетъ въ святую чашу, да изліяно будетъ вино изъ святыя чаши во иный чистый сосудъ и по совершеніи службы изліется въ текущію рѣку“. Аще же по освященіи сіе будетъ, и страшно или морозко будетъ іерею впадшее съ божественною кровію поглотити, тогда сохранно со всякимъ блюденіемъ до изметъ владшее, еже не уканути ни гдѣ же ни что же отъ божественныя крове, надъ инымъ же потиромъ, или честнымъ сосудомъ, ваномъ трижды добрѣ да измыстъ изъятое, вино же да соблюдетъ: изъятое же да свіетъ въ бумагу, или въ нѣкое чистое полотенцо: и по совершеніи литургіи животное оное съ бумагою или полотенцомъ на плиидѣ или на чистѣмъ камени да сожжетъ, пепелъ же подь святою трапезою да вкопаетъ: вино же оное, имъ же животно изъятое измовено бысть, въ текущую рѣку да изліетъ: аще рѣка далече будетъ, подъ престолъ яму ископавъ, идѣже нога попираема не бываетъ, да вліетъ и закрыетъ“. Предусмотрѣнный Учительнымъ Извѣстіемъ случай обсуждался въ церковной литературѣ не разъ. Его затрагивалъ уже Никифоръ Исповѣдникъ. „Если бы случилось, говорится

---

[1]) А. А. Патріаршіе Типиконы, стр. 160—1.

[2]) Павловъ. Номоканонъ, стр. 303. [3]) Листъ 197.

[4]) Правила св. апостолъ, стр. 25—6.

у него, что въ сосудъ (съ святыми дарами) упало бы какое-либо маленькое животное, бросить ли его въ рѣку, или съѣсть, или иначе какъ поступить"? Отвѣтъ на данный вопросъ дается такой: „если бы случилось быть съ дарами таковому, то не должно ни ѣсть, ни бросать, но смѣшать въ святомъ потирѣ съ сладкимъ виномъ и омыть, или послѣ сожженія животнаго закопать подъ святою трапезою" [1]). Съ вопросомъ, что должно дѣлать, если при совершеніи литургіи впадетъ въ потиръ ядовитое, возбуждающее опасеніе, какъ бы не умереть, пресмыкающееся, обращались и къ родосскому митрополиту Нилу (XIV в.) „Уничтожь, отвѣчалъ онъ, то пресмыкающееся и закопай подъ святою трапезою или въ другомъ сокровенномъ мѣстѣ, да не будешь навѣтникомъ своей жизни и не согрѣшишь; если же оно ее ядовитое, разотри и потреби его; это правильнѣе есть, нежели быть запрещеннымъ на время" [2]). Наконецъ тожъ же вопросъ рѣшается и въ Кіевскомъ номоканонѣ 1620 г. „Развали оно плъзущее, говоритъ данный памятникъ, и погреби е подъ святою трапезою, или на иномъ съкровенномъ мѣстѣ, и да есть празденъ на время" [3]).

„Аще что отъ божественныя крове нерадѣніемъ служащаго іерея уканетъ, смертно согрѣшитъ. Аще на доску уканетъ, языкомъ да излижетъ, аще же невозможно, губою да истретъ: посемъ же доску остругавъ, остружины на плінѣ или на чистомъ камени да сожжетъ, пепелъ же подъ престолъ да вкопаетъ". Какъ это, такъ и дальнѣйшія предписанія Учительнаго Извѣстія на случай пролитія св. даровъ представляютъ повтореніе наставленій Симеона Солунскаго. „Іерей, говоритъ онъ, который случайно прольетъ св. дары, долженъ предварительно исповѣдать это архіерею и исполнить нѣсколько правилъ, въ особенности, если случилось отъ его нерадѣнія и невниманія. Собравши пролитые св. дары, онъ долженъ осторожно положить ихъ съ землею, или съ чего будутъ собраны, туда, гдѣ онъ умывается, или въ другое безопаснѣйшее мѣсто, если есть. Если настилка (полъ) мраморная, то, вынувши ее оттуда, положить въ особенномъ священномъ мѣстѣ. Если же очень велика и неподвижна, то, обтесавши довольно глубоко то мѣсто, гдѣ пролиты св. дары, слѣдуетъ положить это обтесанное въ упомянутомъ мѣстѣ. Кромѣ того, нужно какъ болѣе мыть то мѣсто, которое обтесано. Если все находящееся въ потирѣ прольется въ храмѣ по совершеніи входа, тогда должно опять сдѣлать соединеніе и прочитать молитву предложенія; а потомъ послѣ великаго входа исполнить и прочія молитвы.

[1]) Pitra. Iuris ecclesios hist. et. mokum. II, p. 345.

[2]) А. И. Алмазовъ. Неизданные каноническіе отвѣты кан. патр. Луки Хризоверга и митроп. Родосскаго Нила, стр. 68. Одессо 1903.

[3]) Изъ собранія староп. кн. Имп. Бубл. Библ. 1. 8. № 31; стр. 84.

Если не всѣ дары прольются, а погибнетъ только часть: тогда, прибавивъ еще, сколько нужно, совершать священнодѣйствіе“ [1]). Равнымъ образомъ и по словамъ Іоанна епископа Китрскаго, мѣсто, на которое пролиты св. дары, должно „огнемъ и водою измѣниться“ [2]). 158 статья Номоканона подвергаетъ невольно пролившаго св. дары шестимѣсячной эпитиміи „по 11 правилу Іоанна Китрскаго“ [3]), но послѣдній объ этомъ ничего не говоритъ. Разсматриваемый случай предусмотрѣнъ и вышеупомянутымъ Кіевскимъ номоконономъ 1620 г. „Аще ли ко освященіе и совершеніе божественныхъ таинъ проліется кровь, святая убо съ всякою честію да съберутся: и мѣсто на немже падоша, огнемъ и водою да потрется и измѣнится. Аще ли мраморіе постлано есть, възятие оттуда и на мѣстѣ священнымъ и особнѣмъ положити; аще ли велико и недвижимо: да просѣкъ въ глубину довольнѣ мѣсто, идѣже распростроша святая, и ознесано тамо положити на мѣстѣ, нкоже рѣкохомъ, но и просѣченное мѣсто да измыетъ, аще возможно“. Въ немъ же предусматривается и случай пролитія св. крови на одежду. „Аще святая по съвръшеніи на одежну изліяшася, да отрѣжется часть она священныя одежды и божественный покровъ да будетъ, измывенъ и тый на особнѣ мѣстѣ“ [4]).

„Аще по причащеніи св. таинъ абіе приключится іерею изблевати, блевотины да сберутся въ льняная сгребія, и въ чистый сосудъ да вложатся, и сохранятся, дондежѣ добрѣ изсохнутъ, и тогда въ текущую рѣку да измещутся, или на плінѣ, или чистемъ камени да сожгутся“. Предусматриваемый Учительнымъ Извѣстіемъ случай отмѣчается древнерусскимъ епископомъ Нмфонтомъ. „Аще, говоритъ онъ, отъ объяденія или пьянства блюетъ причащався, 40 днии опитемьи, аще ли отъ вознгнушения, 20 днии; аще ли отъ на прасныя болѣзни и мнее. Аще ли попъ, да такожде 40 днии и не служитъ. И еже есть изблевалъ, да съхранитъ на огни, 100-ый псаломъ да испоетъ“ [5]). Онъ же, разсуждая о причащеніи больного, совѣтуетъ приготовить „съсоудъ чистъ, да аще взблюетъ, влити въ рѣку“ [6]). Назначаемая Нифонтомъ сорокадневная епитимія за изблеваніе по причащеніи усвояется въ 144 ст. Номоканона Іоанну Постнику, но въ другихъ памятникахъ приписывается Никифору Исповѣднику и Ѳеодору Студиту [7]). О наказаніи за изблеваніе по причащеніи

---

[1]) Писанія отцевъ и учителей церкви, относящіяся къ истолкованію православнаго богослуженія. III т., стр. 218—220.

[2]) Кормчая. Ч. 2-ая, л. 193 обор.

[3]) Павловъ. Номоканонъ, стр. 299.

[4]) Изъ собранія старопечатныхъ книгъ Императорской Пуб. Библ. 1. 8. № 34; стр. 83—4; 91.

[5]) Русская Историческая Библіотека. VI т., I ч., Столб. 21.

[6]) Ibid. ст. 37. [7]) Павловъ. Номоканонъ, стр. 263—4.

говоритъ и Іоаннъ Китрскій, но не опредѣляетъ ни характера его, ни продолжительности. „Иже, замѣчаетъ онъ, повнегда причащися священныхъ, опитіемъ изблевався, множайше запрещеніе пріемлетъ, нежели отъ прихожденія немощи облевавя, понеже все дѣло есть оставленія“ [1]).

„Егда іерей служай на длань своея десницы божественное тѣло возлагаетъ, или въ соборѣ отъ начальствующаго пріемлетъ, никакоже десницею да стѣсняетъ, но мало что согнувъ, шуйцею да поддержитъ, и не надъ главою, но надъ престоломъ да содержитъ. Предписаніе брать частицу св. тѣла въ руку встрѣчается уже у Кирилла Іерусалимскаго. „Приступая, говоритъ онъ, подходи не съ протянутыми кистями рукъ и не съ разведенными пальцами, но, сдѣлавъ лѣвую руку престоломъ для правой, какъ имѣющей принять царя, и согнувши ладонь, пріими тѣло Христово“ [2]). Того же самаго требуютъ и памятники позднѣйшаго времени. „Іерей, читаемъ въ Львовскомъ Служебникѣ 1646 г. и Кіевскомъ 1653 г., благоговѣйно низко поклонься, вземлетъ едину часть св. хлѣба шуйцею и съ вниманіемъ возлагаетъ на длань десныя своея руки“ [3]). „Іерей, замѣчаетъ Московскій Служебникъ 1651 г. пріемлетъ часть нижнюю св. агнца тремя перъсты десныя руки, вкладываетъ вдлань свою и держитъ вдлани своей“ [4]).

„Отъ святыя чаши божественныя крове причастився, іерей уста своя добрѣ да изсссетъ и языкомъ излижетъ, посемъ же и губою антиминскою да отретъ. Піяй же добрѣ край святыя чаши да изсссетъ, да не останется на брезѣ крове божественныя, посемъ же губою да отретъ край“. Аналогичныя приведенному предписанія встрѣчаются въ Служебникахъ XVII ст. Такъ, Львовскій Служебникъ 1646 г. и Кіевскій 1653 г. даютъ слѣдующее наставленіе. „И абіе (по причащеніи) устнѣ свои добрѣ осмоктавъ, и усы иссавъ, въ руку держимымъ покровцемъ отеръ, священныя же чаши брегъ губою на антиминсѣ сущею отираетъ“ [5]). „По причащеніи, говорится въ Московскомъ Служебникѣ 1651 г., отираетъ усты свои покроцемъ, держимымъ святый потиръ“ [6]).

»Аще по освященіи хлѣба или вина покажется чудо, сіесть, видъ хлѣба въ видѣ плоти, или отрочате, вино же въ видѣ крове, и аще вкратцѣ не премѣнится сей видъ, сіесть, аще не паки явится видъ хлѣба или вина, но сице непремѣнно

---

[1]) Славянская Кормчая. (2 часть) 193 обор.

[2]) Migne. Cursus completus. s. gr. XXXIII, col. 1125.

[3]) Л. 160. Изъ собранія старопечат. книгъ Импер. Публ. Библ. III. 5. № 21а; Л. 178 обор. Изъ собр. старопеч. книгъ Имп. Публ. Библ. III. 7. № 18а.

[4]) Л. 168 об. Изъ собр. старопеч. книгъ Импер. Публ. Библ. Ср. и Служ. 1602 г. Ibid. I. 7. № 25а.

[5]) Л. 162 обор. и л. 181. [6]) Л. 171 обор.

пребудетъ, никакоже іерей да причастится: ибо не суть сія тѣло и кровь Христова, но точію чудо отъ Бога, невѣрства или иныя ради вины явлено". Источникомъ приведеннаго предписанія можно считать древнія сказанія о чудесныхъ явленіяхъ младенца Христа въ евхаристіи. Въ одномъ изъ нихъ, передаваемомъ аввою Даніиломъ со словъ аввы Арсенія, современника Ѳеодосія Великаго, разсказывается, какъ одинъ благочестивый, но простодушный скитянинъ, отрицавшій пресуществленіе даровъ, по молитвѣ двухъ старцевъ вмѣстѣ съ ними увидѣлъ закланіе младенца ангелами на престолѣ. Причащаясь, онъ получилъ окровавленное мясо, превратившееся снова въ хлѣбъ только послѣ исповѣданія имъ вѣры въ таинство. „Когда, разсказываетъ скитянинъ, были совершены святыя молитвы, и приблизились клирики раздробить хлѣбы предложенія, я видѣлъ, что два лица держали дитя за руки и за ноги, взяли ножъ, закололи его и источили кровь его въ потиръ и, разсѣкши тѣло его, положили поверхъ хлѣбовъ, и сдѣлались хлѣбы тѣломъ. Когда подошли братія принять, дано было имъ тѣло, и когда они стали взывать, говоря: аминь, оно становилось хлѣбомъ въ ихъ рукахъ. Когда и я подошелъ, мнѣ дано было тѣло, и я не могъ вкусить его. И услышалъ я голосъ, говорящій мнѣ: почему же не принимаешь? не есть ли это то, чего ты искалъ? А я сказалъ: будь милостивъ ко мнѣ, Господи, тѣла я не могу вкусить. Онъ отвѣтилъ мнѣ: если бы можно было человѣку вкушать тѣло, тѣло и находилось бы, какъ ты видѣлъ, но такъ какъ никто не можетъ ѣсть тѣло, поэтому установилъ Господь хлѣбы предложенія. Итакъ, если вѣришь, прими то, что ты держишь въ рукѣ твоей. Я сказалъ: вѣрю, Господи. И когда я сказалъ, то тѣло, которое я держалъ въ рукѣ моей, стало хлѣбомъ" [1]).

„Въ конецъ же да вѣсть приходскій іерей, яко въ кійждо великій праздникъ и недѣлю, къ симъ же и въ кующдо субботу долженъ есть литургисати, подъ смертнымъ грѣхомъ". Какъ видно изъ Дѣян. XX, 7, 8, обычай освящать воскресный день совершеніемъ евхаристіи восходитъ къ апостольскимъ временамъ. Въ качествѣ дня евхаристическихъ собраній онъ упоминается также и въ памятникахъ II в.,—въ письмѣ Плинія Младшаго къ императору Траяну, въ 1-ой апологіи іустина Мученика и въ Ученіи 12-ти апостоловъ. „Въ день Господень, говоритъ послѣднее, собравшись вмѣстѣ, преломите хлѣбъ и благодарите, исповѣдавъ прежде грѣхи свои, дабы чиста была жертва ваша" [2]). Что касается субботы, то о празднованіи ея не только не упоминаетъ ни одинъ памятникъ даннаго времени, но и доказывается не-

[1]) Туницкій. Древнія сказанія о чудесныхъ явленіяхъ младенца Христа въ евхаристіи. Богословскій Вѣстникъ. 1907. Май, стр. 209 и д.

[2]) Гл. 13.

обязательность ея для Новаго Завѣта. „Смотрите, какъ Онъ говоритъ, пишетъ Варнава: непріятны Мнѣ нынѣшнія субботы; но тѣ, которыя я опредѣлилъ и которыя наступятъ тогда, когда, положивъ конецъ всему, сдѣлаю начало дню восьмому, или начало другому міру. Поэтому мы и проводимъ въ радости восьмой день, въ который и Іисусъ воскресъ изъ мертвыхъ“ [1]). Но съ III в., съ ослабленіемъ антагонизма къ іудейству возникаетъ стремленіе къ чествованію субботы, выдѣленію ея изъ разряда обыкновенныхъ дней, и это стемленіе приводитъ къ тому, что въ концѣ III и началѣ IV ст. она чтится едвали не одинаково съ воскресеньемъ. Такъ, „Завѣщаніе Господа нашего Іисуса Христа“ назначаетъ для субботы литургію, предписывая приносить для послѣдней три хлѣба во образъ Троицы [2]). О празднованіи субботы говорятъ также и Апостольскія Постановленія. „Субботу и день Господень празднуйте, замѣчаютъ они, ибо та есть воспоминаніе творенія, а этотъ воскресенія“ [3]). Въ частности совершеніе литургіи въ субботу отмѣчается 49 пр. Лаодикійскаго собора, запрещающимъ совершеніе евхаристіи въ 40-цу, за исключеніемъ субботъ и воскресеній; Василіемъ Великимъ, говорящимъ о четырекратномъ причащеніи христіанъ на недѣлѣ,—въ воскресенье, среду, пятницу и субботу [4]), 13 правиламъ Тимоѳея александрійскаго и т. п. По словамъ церковнаго историка Сократа, совершеніе литургіи въ субботу было почти повсемѣстнымъ явленіемъ. „Тогда какъ, говоритъ онъ, всѣ церкви въ мірѣ совершаютъ тайны и въ день субботній каждой недѣли, александрійцы и римляне на основаніи какого-то древняго преданія не хотятъ дѣлать этого, а сосѣди александрійцевъ—египтяне и жители Ѳиваиды, хотя дѣлаютъ собранія въ субботы, но принимаютъ тайны по насыщеніи вечеромъ“ [5]). Отъ первыхъ трехъ вѣковъ сохранились также свидѣтельства о празднованіи и совершеніи литургіи въ три великіе праздника: Пасху, Пятидесятницу и Богоявленіе. Остальные великіе праздники установлены позднѣе, частію въ IV в. (Рождество Хр.), частью въ V (Вознесеніе), другіе еще позднѣе.

„Къ сему да вѣсть и сіе, яко едину точію на день литургію, на единѣмъ престолѣ долженъ есть іерей совершити: сія бо единость святыя жертвы знаменуетъ едину смерть Христову, юже единою насъ ради подъятъ, и едину страсть Его, юже единою о насъ претерпѣ“. Еще въ концѣ XI в. нѣкій монахъ задавалъ хартофилаксу Петру вопросъ: „поз-

---

[1]) Посланіе Варнавы, 5.

[2]) Testamentum Domini nostri Jesu Christi. Ed. Rahmani, стр. 35.

[3]) Кн. VII, гл. 23.

[4]) Письмо къ Кесарю. Bingham. Origines. III, 284.

[5]) Церков. Исторія, V, 22.

волительно ли священнику совершать въ одинъ день двѣ литургіи". „Однажды пострадалъ Христосъ, отвѣчалъ спрашиваемый, и посему да совершаетъ священникъ одну литургію, а не двѣ" [1]). Въ памятникахъ древнерусской письменности обычай совершать на одномъ престолѣ въ одинъ день нѣсколько литургій причисляется къ латинскимъ заблужденіямъ и, какъ таковой, запрещается для православныхъ. „Тіи же (латины), пишетъ митрополитъ Никифоръ въ посланіи къ муромскому князю Ярославу, во единой церкви литургію творятъ дважды и трижды и четырежды днемъ, еже есть зло. Во единой бо церкви, аще будетъ одинъ олтарь, то едину литургію творити и почину едину литургію пѣти: чего ради единъ зань распятся Христосъ, единою распятся, да того ради попови подобаетъ едину литурію творити днемъ въ церкви святей" [2]).

Предписанія предпослѣдняго отдѣла Учительскаго Извѣстія: „Како хранити божественныя тайны больныхъ ради", полностью изложены въ II-мъ Дѣяніи Московскаго собора 1666 г. Лишнимъ въ этомъ послѣднемъ является указаніе на время сушенія запасныхъ даровъ. „На утрени, говорится въ немъ, предъ есапсалміемъ одѣянъ во вся священныя одежды, покадивъ церковъ обычно, и вшедъ волтарь, стани предъ святою трапезою, и сотворь благоговѣйное святымъ тайнамъ поклоненіе, покадивъ обычно крестообразно обходя святую трапезу, отдавъ же кадильницу, умый рущѣ и развивъ антиминсъ положи на немъ святый дискосъ: и вземъ святый кивотъ съ божественными тайнами положи ево на край антиминса: и открывъ возми паки кадилницу и кадя возгласи: слава святѣй и единосущнѣй и животворящей и нераздѣльней троицы и прочая, и отдавъ кадильницу изми отъ кивота святый агнецъ, со всякимъ вниманіемъ и страхомъ: и положи его на святомъ дискосѣ, на антимисѣ сущемъ и святымъ копіемъ раздробляй его со всякимъ вниманіемъ и благоговѣніемъ на дробныя части. Скончаннымъ же есапсалмомъ аще нѣсть діяконь или иного священника во еже ектенью пренъ царьскими враты глаголати, ты не отступи отъ мѣста на немъ же предъ святою трапезою стоиши, но точію престани отъ раздробленія или сушенія и толю благоговѣйно стоя глаголи ектенью всю, по скончани же сихъ предначатое дѣйство сице: по раздроблени всего агньца положи плитяный камень или плинфу прикраи антимиса одесныя себе страны" [3]) и далѣе какъ въ Учительномъ Извѣстіи. Приведенное предписаніе заимствовано отцами Москов-

[1]) В. Н. Бенешевичъ. Отвѣты Петра Хартофилакса, стр. 5—6. Петербургъ. 1908. (Записки Императорской Академіи Наукъ, Т. VIII, № 14).

[2]) Макарій. Церковная Исторія, т. 2, стр. 361. Изд. 1868.

[3]) Дѣяніе Московскихъ соборовъ 1666—67 г. Листъ 43 и обор. Изд. 1893.

скаго собора изъ требника Петра Могилы. Кромѣ него, оно встрѣчается еще въ двухъ „Уставахъ Божественныя литургіи“, изъ которыхъ одинъ изданъ въ Вильнѣ въ 1624 г., а другой въ Евю въ 1641 г. Тотъ и другой назначаетъ для сушенія даровъ утреню пасхальнаго вторника. „Во второкъ свѣтлыя недѣля, на утрени, читаемъ въ нихъ, облекшеся во всю священническую одежду. омывъ руки и пріемъ кадило, покадивъ святый агнецъ, на святый трапезѣ, развивше же антиминсъ, и камень плитянъ малъ положивъ на немъ, тажъ скудельникъ со огнемъ верху камени: и пріемъ святый агнецъ, раздобляетъ [1]) и зѣло на дробныя части на святѣмъ дискосѣ, на то устроенномъ, и возлагаетъ со дискосомъ на скудельникъ вверху огня, тоже пріемъ кадильницу, покадивъ окрестъ святую трапезу, и возглашаетъ: „Слава Святѣй, единоущней и животворящей“. Тоже самъ начинаетъ внутрь алтаря: Христосъ воскресе, трижды со пѣніемъ, и прочее утрени по обычаю, и тако съпрятавше со опаствомъ въ на то устроенный сосудъ“. Что касается вообще обычая, приготовлять запасные дары на весь годъ въ великій четвергъ, то онъ отмѣчается древнерусскимъ епископомъ Нифонтомъ и митрополитомъ Георгіемъ. „Достоитъ попомъ, говоритъ, послѣдній, вынимати святое Тѣло по вся лѣто въ великій четвергъ и изсушивши держати въ стружцѣ отъ года до года больныхъ дѣля“ [2]). „Отоими, замѣчаетъ Нифонтъ, въ великій четвергъ тѣло Христово, яко откладаеши на постныя дни, то держи въ съсоудѣ, доколѣ хотя, тях дожого:нит ео д тъгда потребиши“ [3]).

„Приходстіи іереи прихожанъ своихъ о томъ да поучаютъ еже бы въ чистѣй совѣсти, всякій полъ, аще возможно въ праздники, аще же ни, всячески бы въ четыре посты въ лѣтѣ причащалися“. По Православному Исповѣданію, для мірянъ обязательно причащаться разъ въ годъ [4]), но пріобщенія въ каждый изъ четырехъ постовъ требуетъ 228 ст. Номоканона. „Вѣдомо буди и сіе, говоритъ она, яко должни суть право живущіи и среду и пятокъ хранящіи всего лѣта, да причастятся пречистыхъ таинъ въ великую Пасху, въ день Рождества, въ праздникъ св. апостолъ и Богородицы“ [5]). Въ томъ же духѣ высказываются отцы Московскаго собора 1666 г. „Ксему же, постановляютъ они, научати прихожанъ, чтобы ко отцемъ духовнымъ на испо-

---

[1]) На этомъ оканчивается описаніе сушенія запасныхъ даровъ въ Виленскомъ Уставѣ, изъ собранія старопечатныхъ книгъ Импер. Публ. Библ. II. 5. № 9. Дальнѣйшее описаніе заимствуемъ изъ Устава, изданнаго въ Евю. См. Никольскій. Объ антиминсахъ, стр. 123, пр. 1.

[2]) Голубинскій. Исторія Русской церкви. Т. 1, 2., стр. 378.

[3]) Русская Историческая Библіотека. VI т. 1 ч. 27 стол.

[4]) Ч. I, воп. и отв. 90. [5]) Павловъ. Номоканонъ, стр. 437—8.

вѣданіе мужи и жены и ихъ дѣти приходили почасту, паче же въ четыре святыя посты“ [1]).

„Изумленнымъ, или обмершымъ божественныя тайны подавати никакоже достоитъ, точію егда въ себѣ приходятъ, и умны, и въ сочувствіи отъ обумертвія бываютъ“. „Обмершіе“ приравниваются къ мертвымъ, а причащеніе послѣднихъ запрещается 18 пр. Карѳагенскаго собора: „мертву убо тѣлѣси причащеніе не дается, не ястъ бо, не піетъ“ [2]). Какъ думаютъ, соборное постановленіе было вызвано практикою нѣкоторыхъ еретиковъ, напр., маркіонитовъ, и даже православныхъ причащать умершихъ. Запрещенный на Карѳагенскомъ соборѣ разсматриваемый обычай продолжалъ существовать и впослѣдствіи, въ виду чего отцы Трульскаго собора нашли необходимымъ подтвердить постановленіе карѳагенскаго [3]). Но и вторичное запрещеніе данной практики не помѣшало ей сохранятся въ александрійской церкви даже въ XV в. Такъ, въ чинѣ пресвитерской хиротоніи по евхологію Діонисіатской библ. № 489 врученіе новопоставленному св. хлѣба сопровождается со стороны епископа такими словами: „пріими залогъ сей, который будетъ истребованъ отъ тебя во время второго пришествія; не дай его еретику или мертвому“ [4]).

Свящ. **А. Петровскій.**

---

[1]) Л. 42 и обор. [2]) Кормчая, ч. 1, л. 87 обор.

[3]) Прав. 84. Ibid., л. 141 обор.

[4]) А. А. Дмитріевскій. Описаніе литургическихъ рукописей. 2 т стр. 641.

Профессоръ Иванъ Васильевичъ Чельцовъ.

Біографическій очеркъ [1]).

I.

ИВАНЪ Васильевичъ Чельцовъ, профессоръ петербургской духовной Академіи по каѳедрѣ сначала общей, потомъ (съ 1857 г.) древней церковной исторіи (со включеніемъ въ церковную исторію до 1869 г. и библейской исторіи), родился 28 августа 1828 г. Его отецъ, Василій Гавриловичъ Чельцовъ, окончившій курсъ студентомъ рязанской духовной семинаріи въ 1824 г., принадлежалъ къ старинному священническому роду [2]) и былъ священникомъ сначала около 5 лѣтъ въ с. Сосновкѣ зарайскаго уѣзда рязанской губерніи [3]), потомъ въ г. Михайловѣ при Богородицкой церкви; скончался въ санѣ протоіерея 23 ноября

---

[1]) Очеркъ написанъ былъ для предположеннаго, но не изданнаго біографическаго словаря преподавателей петербургской духовной Академіи, и печатается теперь съ незначительными дополненіями. Нѣкоторыя свѣдѣнія объ И. В. Чельцовѣ при этомъ были сообщены братомъ его, протоіереемъ при церкви петербургскихъ градскихъ богадѣленъ, Г. В. Чельцовымъ; имъ же указаны были и любезно представлены въ пользованіе названные ниже труды архимандрита Григорія. Нѣсколько данныхъ для біографіи И. В. Чельцова можно было также найти въ оставшихся послѣ него бумагахъ, переданныхъ въ библіотеку Академіи его вдовою А. Г. Чельцовою.

[2]) По сообщенію прот. Г. В. Чельцова, родъ Чельцовыхъ дѣлается извѣстнымъ уже въ началѣ XVII в., и къ 1612 относится упоминаніе объ Адріанѣ Чельцовѣ, священникѣ с. Тросны, зарайскаго уѣзда. В. Г. Чельцовъ приходился 11-мъ священникомъ послѣ него.

[3]) По сообщенію прот. Г. В. Чельцова, это та Сосновка, которая упоминается въ повѣсти Григоровича „Рыбаки“.

1889 г. на 89 году жизни. Мать И. В. Чельцова, Ольга Николаевна, была дочерью Николая Прокопіевича Ѳедоровскаго, сначала дьячка въ Коломнѣ и потомъ (съ 1811 г.) въ Москвѣ, затѣмъ діакона въ Костромѣ (1814) и Коломнѣ (1817); скончалась въ 1871 г. Она именно содѣйствовала переходу мужа изъ Сосновки въ Михайловъ чрезъ посредство своего дяди по отцу, архимандрита Гермогена, настоятеля Спасо-Андроніева монастыря въ Москвѣ [1]). И. В. Чельцовъ былъ

[1]) Другая дочь Н. П. Ѳедоровскаго, Вѣра, была замужемъ за протоіереемъ при церкви Іоанна Воина въ Москвѣ, Іоанномъ Михеевичемъ Борзецовскимъ († 22 февр. 1885). Сынъ ихъ Иванъ, носившій фамилію Воинова и принявшій за годъ до окончанія курса въ московской духовной Академіи монашество съ именемъ Григорія (1857), былъ, послѣ 9-лѣтней духовно-учебной службы, настоятелемъ московскихъ монастырей Златоустова (1867), Высокопетровскаго (1873) и наконецъ Спасо-Андроніева (1882, † 1 авг. 1896) и извѣстенъ какъ духовный писатель многочисленными статьями и замѣтками въ разныхъ журналахъ, изданными частію имъ потомъ въ особыхъ сборникахъ (ср. о немъ статью С. Рункевича въ Правосл. богосл. энциклопедіи А. П. Лопухина, т. IV, 1903, 693—4). Имъ написаны были, между прочимъ, біографическіе очерки о своемъ дѣдѣ по матери и вмѣстѣ дѣдѣ И. В. Чельцова, Н. П. Ѳедоровскомъ, который жилъ при немъ въ Златоустовомъ монастырѣ съ іюня 1867 г. и скончался 16 ноября 1872 г., на 92 году жизни (Архим. Григорій, „Сборникъ для любителей духовнаго чтенія“, ч. III, М. 1890, 205—231, въ очеркѣ „Подвижники московскаго Златоустова монастыря“: „Братъ Андроніевскаго архимандрита Гермогена, діаконъ Николай Прокопіевичъ Ѳедоровскій“; ср. также въ первой части „Сборника“, М. 1889, 33—34, 35—37: „Нѣчто о митрополитѣ Московскомъ Платонѣ“ [изъ „Моск. Епарх. Вѣдом“. 1872, № 45], и „Къ воспоминаніямъ о 1812 годѣ“ [изъ „Моск. Епарх. Вѣдом.“ 1871, № 24, и „Соврем. Извѣстій“ 1871, № 163]; „Изъ моихъ воспоминаній“, вып. III, М. 1893, 41), также о братѣ дѣда архимандритѣ Гермогенѣ, бывшемъ нѣкоторое время баккалавромъ и инспекторомъ московской духовной Академіи (1816—1818) и скончавшемся 14 іюня 1845 г. (въ „Душеполезн. Чтеніи“, 1866, мартъ, затѣмъ въ дополненномъ видѣ въ „Сборникѣ для люб. дух. чтенія“, ч. III, 77—127: „Архимандритъ Гермогенъ, настоятель Московскаго Спасо-Андроніева монастыря“). И. В. Чельцовъ, будучи профессоромъ, посѣщалъ своего двоюроднаго брата въ Златоустовомъ монастырѣ, когда проѣзжалъ черезъ Москву, и останавливался у него. Въ своей книгѣ „Изъ моихъ воспоминаній“, вып. III, М. 1893, стр. 31—33, 33—34, архим. Григорій приводитъ два письма къ нему И. В. Чельцова, одно отъ 1868 сент. 14. гдѣ онъ, между прочимъ, благодаритъ его за гостепріимство при посѣщеніи и за доставленную ему возможность видѣться съ дѣдомъ, говоритъ также о посылаемой вмѣстѣ съ письмомъ своей фотографической карточкѣ, снятой въ 1864 г. (снимокъ съ нея приложенъ къ экземпляру книги, имѣющемуся у прот. Г. В. Чельцова), и другое отъ 1870 окт. 9, въ которомъ онъ отвѣчаетъ на поздравленіе по случаю его докторскаго диспута.

вторымъ въ семьѣ по рожденію. Всѣхъ дѣтей въ семьѣ было 18; изъ нихъ 9 умерли въ раннемъ возрастѣ, и И. В. потомъ былъ самымъ старшимъ изъ оставшихся въ живыхъ 7 братьевъ и 2 сестеръ.

Матеріальное обезпеченіе обремененнаго большимъ семействомъ священника было и въ уѣздномъ городѣ весьма недостаточное, и И. В. Чельцовъ выросъ и воспитался въ бѣдной обстановкѣ. Для полученія школьнаго образованія сначала въ духовномъ училищѣ, потомъ въ семинаріи, онъ и затѣмъ его братья должны были отправляться въ Рязань, отстоящую отъ Михайлова верстахъ въ 60. Путешествіе на родину на Пасху и на лѣтнія каникулы совершалось при этомъ, по недостатку средствъ для найма подводы, нерѣдко пѣшкомъ; во время подобныхъ вынужденныхъ прогулокъ въ весеннюю пору И. В., по сообщенію брата его, протоіерея Г. В. Чельцова, и пріобрѣлъ еще до поступленія въ академію ревматизмъ, отъ котораго онъ страдалъ впослѣдствіи и который въ концѣ концовъ, отразившись на дѣятельности сердца, вѣроятно и ускорилъ потомъ его смерть. Въ петербургскую Академію, по окончаніи курса въ семинаріи (1842—1847), онъ отправился на свой счетъ (на казенный счетъ былъ отправленъ туда Н. Н. Делицынъ). Помощь въ матеріальномъ отношеніи оказалъ ему при этомъ дядя его по отцу, священникъ И. Г. Чельцовъ.

Въ Академіи И. В. Чельцовъ окончилъ курсъ 4-мъ, съ предназначеніемъ къ возведенію въ степень магистра (XIX курсъ, 1847—1851) [1]). Товарищами его по курсу были іеромонахъ Никаноръ Бровковичъ, И. А. Чистовичъ и Н. Н. Делицынъ, также П. А. Преображенскій, извѣстный потомъ редакторъ «Православнаго Обозрѣнія, и И. Г. Заркевичъ, издатель апологетическаго сборника «Матеріализмъ, Наука и Христіанство»

---

[1]) Кромѣ И. В. Чельцова, въ петербургской духовной Академіи окончили курсъ еще три брата его: 1) Григорій Васильевичъ магистръ XXVI курса (1861—1865), нынѣ протоіерей при церкви петербургскихъ градскихъ богадѣленъ, авторъ извѣстнаго учебника по Закону Божію (ср. А. Родосскій, Біографическій словарь студентовъ первыхъ XXVIII курсовъ С.-Петербургской Духовной Академіи. Спб. 1907, 518); 2) Владиміръ Васильевичъ, кандидатъ XXXI курса (1870—1874), бывшій затѣмъ преподавателемъ рязанской семинаріи, 3) Михаилъ Васильевичъ, кандидатъ XXXV курса (1874—1878), получившій степень магистра за сочиненіе: „Споръ между греками и латинянами объ опрѣснокахъ въ XI вѣкѣ“ (Спб. 1879) и бывшій преподавателемъ вятской семинаріи.

(потомъ епископъ Николай). Курсовое сочиненіе И. В. Чельцова: «Жизнь св. отца нашего Амвросія, архіеп. Медіоланскаго», было читано баккалавромъ патристики П. Е. Колосовскимъ, удостоившимъ его высшаго балла 10. Рецензентъ похвалилъ автора за ту «тщательность, съ какой онъ разсмотрѣлъ высокій предметъ свой», и призналъ, что «замѣчательнѣйшія черты жизни св. Амвросія медіоланскаго и описаніе его твореній представлены съ полною отчетливостію и проникнуты свѣтлыми взглядами ума, привыкшаго къ строгому и основательному суду», «рѣчь всюду легкая и сильная, простая и вмѣстѣ приличная важности предмета, внятная и убѣдительная» [1]). Въ степени магистра онъ былъ утвержденъ уже въ 1852 г. 8 декабря.

II.

На академическую службу И. В. Чельцовъ поступилъ сразу же по окончаніи курса. 26 сентября 1851 г. состоялось опредѣленіе Синода объ увольненіи отъ службы въ Академіи профессора церковной исторіи прот. І. С. Кочетова, 29 сентября—о замѣщеніи вакансіи Чельцовымъ въ званіи баккалавра; одновременно съ нимъ назначены были баккалаврами по разнымъ предметамъ товарищи его по курсу — іером. Никаноръ Бровковичъ (обличительное богословіе), И. А. Чистовичъ (русская гражданская и церковная исторія) и Н. Н. Делицынъ (общая гражданская исторія). Въ 1859 г. опредѣленіемъ Синода отъ 6 февраля «за примѣрно усердное и полезное прохожденіе наставнической должности» онъ возведенъ въ званіе экстраординарнаго профессора, въ слѣдующемъ 1860 г., по представленію внутренняго Правленія отъ 10 января, утвержденъ Синодомъ 23 марта, «во вниманіе къ свыше восьмилѣтней отлично усердной службѣ» и «обширной разработкѣ и основательному преподаванію своего предмета», въ званіи ординарнаго профессора.

Въ виду требованія устава Академій 1869 г. о полученіи степени доктора богословія ординарными профессорами въ трехлѣтній срокъ, въ 1869 г. 23 октября И. В. Чельцовъ обратился въ Совѣтъ Академіи съ просьбою (отъ 5 октября)

[1]) Отзывъ напечатанъ у А. Родосскаго, Біографическій словарь, 521.

о дозволеніи ему представить на соисканіе этой степени разсужденіе «О древнихъ формахъ символа вѣры», напечатанное въ «Христ. Чтеніи» за этотъ годъ (январь—іюль) и особо, и долженствовавшее составлять часть болѣе обширнаго труда—«Собраніе символовъ и вѣроизложеній православной церкви отъ временъ апостольскихъ до нашихъ дней» [1]). Церковно-историческое отдѣленіе, въ своемъ представленіи въ Совѣтъ отъ 25 октября, послѣ того, какъ образованная въ немъ коммиссія распредѣлила между своими членами порядокъ разсмотрѣнія этой диссертаціи и вышедшей къ тому же времени диссертаціи И. Ѳ. Нильскаго, просило поручить представить въ коммиссію отзывы о сочиненіи Чельцова еще членамъ богословскаго отдѣленія, проф. Долоцкому и доценту Катанскому. Но въ Совѣтѣ (13 ноября) нашли достаточнымъ ограничиться однимъ лишь письменнымъ отзывомъ И. Е. Троицкаго, съ тѣмъ, чтобы этотъ отзывъ былъ представленъ въ теченіе одного мѣсяца [2]). Отзывъ И. Е. Троицкаго былъ выслушанъ 23 ноября въ собраніи церковно-историческаго отдѣленія, которое постановило—принять сочиненіе на соисканіе указанной степени, и затѣмъ представленъ въ Совѣтъ 27 ноября. Рецензентъ указываетъ на оригинальность труда по замыслу, поскольку авторъ хочетъ объединить въ немъ задачи и такъ наз. исторіи догматовъ и вмѣстѣ сборниковъ или библіотекъ символовъ и вѣроопредѣленій, и отмѣчаетъ его ученыя и литературныя достоинства, дѣлая нѣкоторыя поправки въ частностяхъ [3]). Согласившись съ постановленіемъ отдѣленія, Совѣтъ назначилъ днемъ защиты диссертаціи 21 декабря. Но указомъ Синода отъ 12 декабря было предписано, прежде чѣмъ допускать сочиненія на соисканіе ученыхъ степеней къ публичной защитѣ, выработать и представить на утвержденіе Синода подробныя правила объ испытаніяхъ для ищущихъ этихъ степеней. Диспутъ такимъ образомъ былъ отложенъ.

Онъ состоялся уже въ 1870 г. 27 сентября въ актовомъ залѣ Академіи, въ присутствіи митр. Исидора; оппонентами были И. Е. Троицкій и А. Л. Катанскій. Это былъ первый случай защиты печатной диссертаціи на степень доктора по новому академическому уставу, и И. В. Чельцовъ первый изъ свѣт-

---

[1]) Дѣло архива Академіи 1869, № 83.

[2]) Журн. Совѣта Академіи 1869, 141, 149—150, 170—171.

[3]) Журн. Совѣта 1869, 178—182.

скихъ получилъ эту степень такимъ путемъ. Диспутъ веденъ былъ, какъ замѣчается въ довольно подробномъ описаніи его въ газетѣ «Голосъ» [1]), «очень солидно и съ эффектной обстановкой» и привлекъ множество публики, не смотря на дурную погоду. Предсѣдательствовалъ въ засѣданіи митр. Исидоръ, были всѣ члены Синода кромѣ прот. І. В. Рождественскаго, оба викарія петербургской епархіи, члены духовнаго учебнаго Комитета, товарищъ министра нар. просвѣщенія Деляновъ, ректоръ университета Кеслеръ и многіе изъ профессоровъ, многіе изъ столичнаго духовенства. Ректоромъ Академіи прот. І. Л. Янышевымъ сказана была предварительно, предъ этимъ первымъ публичнымъ диспутомъ, краткая рѣчь о значеніи богословской науки и объ открывающейся теперь, послѣ введенія новаго устава, большей возможности для общества принимать участіе въ умственной жизни церкви, въ противоположность прежней изолированности отъ міра этой науки. Самъ докторантъ изложилъ въ своей рѣчи сущность своей диссертаціи и далъ краткій очеркъ иностранной и русской литературы по изслѣдуемому имъ вопросу. Первый изъ оппонентовъ, И. Е. Троицкій, отмѣтилъ необходимость помѣстить такой очеркъ въ самой книгѣ и затѣмъ коснулся ряда частныхъ вопросовъ. Послѣ второго оппонента вступилъ въ разсужденіе съ докторантомъ митр. Исидоръ, поставивъ вопросъ: не былъ ли отвѣтъ евнуха эѳіопской царицы апостолу Филиппу одной изъ древнихъ и основныхъ формъ символа? Согласно мнѣнію Совѣта Академіи, докторантъ утвержденъ былъ въ степени доктора Синодомъ 9 октября [2]).

По исполненіи 25-лѣтія профессорской службы, 1876 г. 16 сентября И. В. Чельцовъ былъ баллотируемъ Совѣтомъ на продолженіе службы и получилъ большинство 11 голосовъ противъ 4, утвержденъ затѣмъ Синодомъ ноября 24 на дальнѣйшіе пять лѣтъ въ званіи заслуженнаго профессора [3]), но менѣе чѣмъ черезъ два года скончался.

---

[1]) 1870, 27 октября. № 297: „Петербургская хроника"; тутъ же вслѣдъ затѣмъ дается описаніе диспута И. Ѳ. Нильскаго, бывшаго 25 октября.

[2]) Краткое упоминаніе о диспутѣ ср. также въ „Правосл. Обозрѣніи", 1870. Извѣстія и Замѣтки, ноябрь, 388—9.

[3]) Журн. Сов. 1876. 35. 82—83.

III.

Ко времени вступленія на каѳедру И. В. Чельцова въ постановкѣ академическаго преподаванія церковной исторіи произведено было весьма важное измѣненіе. До того времени преподаватель этого предмета объединялъ въ однѣхъ рукахъ и общую и русскую церковную исторію, и сверхъ того въ церковную исторію включалась и библейская, ветхозавѣтная и новозавѣтная, не въ качествѣ лишь краткаго введенія къ церковной исторіи въ собственномъ смыслѣ, но какъ особый самостоятельный отдѣлъ ея. Въ опредѣленіи Синода отъ 26 сентября 1851 г. (по отзыву митр. Никанора о состояніи Академіи на основаніи ревизіи Академіи въ іюнѣ этого года) данъ былъ рядъ указаній о постановкѣ разныхъ наукъ въ Академіи и при этомъ, въ частности, относительно церковной исторіи предписывалось — библейскую ветхозавѣтную исторію впредь преподавать лишь сокращенно, въ видѣ общаго обзора и повторенія семинарскаго курса, «все же остальное время употребить на обстоятельное преподаваніе по вѣрнымъ источникамъ собственно новозавѣтной церковной исторіи отъ первыхъ дней христіанства до настоящихъ, съ преимущественнымъ вниманіемъ къ судьбѣ восточной православной церкви»; вмѣстѣ съ тѣмъ исторія отечественной церкви, въ цѣляхъ подробнѣйшаго ея изученія, отдѣлялась отъ общей церковной исторіи и поручалась преподавателю русской гражданской исторіи (отдѣленной отъ общей гражданской еще въ 1838 г.) [1]. Содержаніе всеобъемлющей прежде «церковной исторіи» было, такимъ образомъ, значительно ограничено.

Согласно съ указаннымъ предписаніемъ, новый баккалавръ, какъ видно изъ сохранившихся рукописныхъ конспектовъ его отъ первыхъ годовъ его преподаванія (курсы XX—1851—53 гг.. XXI—1853—55, XXII—1855—57), въ первую половину перваго учебнаго года проходилъ всю библейскую исторію ветхозавѣтную, иногда и новозавѣтную. Церковная исторія, раздѣленная на три періода (первый—первые три вѣка до 313 [позже—до 323]; второй—отъ 313 [323] до 1054, съ подраздѣленіемъ на двѣ половины—до и послѣ 622 г.; третій отъ 1054 до настоящаго времени, съ подраздѣленіемъ также

[1]) Дѣло архива Академіи 1851, № 51.

на двѣ части—до и послѣ 1454 г.) распредѣляема была по тремъ прочимъ полугодіямъ двухгодичнаго курса.

Въ 1857 г. сдѣланъ былъ дальнѣйшій шагъ въ спеціализаціи преподаванія общей церковной исторіи. 4 октября этого года было утверждено Синодомъ предположеніе Правленія о раздѣленіи ея на древнюю исторію (до раздѣленія церквей) и новую и учрежденіе въ виду этого новой каѳедры [1]). И. В. Чельцовъ остался теперь преподавателемъ лишь исторіи древней церкви (на новую церковную исторію 4 октября былъ опредѣленъ іеромон. Діодоръ Ильдомскій). Послѣ этого онъ читалъ исторію лишь въ предѣлахъ до 1054 г. (курсамъ XXIII—1857—59 г. и дальнѣйшимъ). Библейская ветхозавѣтная исторія подверглась, повидимому, на ряду съ этимъ, еще большимъ сокращеніямъ нежели прежде. Обязанности преподавателя новой церковной исторіи И. В. Чельцову пришлось еще исполнять нѣкоторое время по порученію Правленія Академіи въ 1860 г. по смерти іером. Діодора († января 3) до замѣщенія каѳедры новымъ преподавателемъ (съ 10 января по 17 октября) [2]).

Съ 1869 г., по уставу этого года, была выдѣлена въ особый предметъ и библейская исторія. Кандидатомъ на новую каѳедру былъ предложенъ въ 1870 г. 5 февраля И. В. Чельцовымъ Ѳ. Г. Елеонскій; отзывъ И. В. Чельцова о программѣ послѣдняго по библейской исторіи послужилъ затѣмъ основаніемъ при рѣшеніи вопроса о замѣщеніи каѳедры въ собраніи церковно-историческаго отдѣленія (августъ 27) и потомъ въ Совѣтѣ [3]).

На недолгое время въ 1859 г. поручаемо было И. В. Чельцову преподаваніе церковнаго законовѣдѣнія по смерти проф. А. И. Мишина († 2 мая) до назначенія наставника этого предмета (съ 7 мая по 27 іюня [4]); сохранился конспектъ по этой наукѣ за его подписью для XXIII курса.

Что касается предметовъ, входившихъ въ кругъ чтеній И. В. Чельцова по церковной исторіи, и ихъ порядка, то «введеніе»

[1]) Ср. И. Чистовичъ, Спб. Духовная Академія за послѣднія 30 лѣтъ (1858—1888). Спб. 1889, стр. 27.

[2]) Дѣло архива Академіи 1861, № 19. На мѣсто іером. Діодора уже 3 августа опредѣленъ былъ А. М. Иванцовъ-Платоновъ. Ср. Чистовичъ, 47.

[3]) Журн. Сов. 1870, 30, 172—173.

[4]) Дѣло архива Академіи 1859, № 27.

въ науку (значеніе церковной исторіи, раздѣленіе, методъ изложенія и источники) первоначально было очень краткое. Потомъ, какъ показываютъ конспекты 1865—6 и 1867—8 г., велась подробная рѣчь объ источникахъ церковной исторіи, о пособіяхъ по вспомогательнымъ наукамъ, о литературѣ науки—первыхъ 6 столѣтій, среднихъ вѣковъ и новѣйшаго времени (западной и восточной).

Исторія церкви первыхъ трехъ вѣковъ, какъ видно это изъ сохранившихся конспектовъ и лекцій, излагалась въ первые годы (послѣ сообщенія свѣдѣній о состояніи вѣры и нравственности ко времени распространенія христіанства между язычниками, о состояніи «церкви» іудейской и объ ожиданіи Спасителя и послѣ отдѣла объ основаніи церкви І. Христомъ) по слѣдующему плану. Въ *1 главу* входила исторія распространенія христіанства при апостолахъ и въ послѣдующее время и исторія гоненій на христіанъ (до М. Аврелія и послѣ). *2 глава*—устройство церковнаго управленія. *3 глава*—развитіе духовнаго просвѣщенія (или: дѣла вселенскаго церковнаго управленія касательно ученія вѣры); сюда входили свѣдѣнія о литературной борьбѣ съ язычниками и іудеями и еретиками первыхъ вѣковъ (гностиками и евіонитами) и вообще о мѣрахъ противъ еретиковъ, о христіанскихъ школахъ, о церковныхъ писателяхъ, о монтанизмѣ и оригенизмѣ и объ унитаріяхъ и о борьбѣ съ этими направленіями. *4 глава*—о богослуженіи и благочестивой жизни въ этотъ періодъ.—Потомъ (въ 1856 и особенно въ 1858 г.) принятъ былъ уже иной болѣе совершенный порядокъ въ распредѣленіи матеріала и введены частію новые параграфы. «Распространеніе христіанвѣры» выдѣлено въ особую *1 главу*. *2 глава* «внѣшнее положеніе церкви въ обществѣ»—о гоненіяхъ и ихъ прекращеніи, о языческой полемикѣ противъ христіанства и христіанскихъ апологетахъ. Обѣ главы объединяются въ первую часть: «Исторія внѣшняго состоянія церкви». Въ послѣдующее время (съ 1865 — 6 г. или и ранѣе) 2 глава ставится на первое мѣсто, бывшая і глава является частію второй, озаглавливаемой: «Начало и распространеніе христіанства» (сюда входитъ: а) общее обозрѣніе исторіи ветхозавѣтной церкви преимущественно въ періодъ предъ временемъ пришествія Христа Спасителя, б) основаніе церкви І. Христомъ, и наконецъ в) распространеніе христіанской вѣры св. апостолами и ихъ преемниками). Во вторую часть: «Внутренняя исторія

церкви», входитъ прежде всего *3 глава*: «Благоустройство церкви», гдѣ говорится объ устройствѣ церковнаго а) управленія и б) богослуженія. Сюда затѣмъ присоединяется *4 глава*: «Борьба церкви съ расколами и ересями». Здѣсь прежде всего говорится о первыхъ ересяхъ—гностицизмѣ съ манихействомъ и евіонитствѣ, о борьбѣ съ ними апостоловъ и ихъ ближайшихъ преемниковъ, объ общихъ церковныхъ распоряженіяхъ противъ вліянія ересей: а) правилахъ касательно вѣры, благоустройства въ богослуженіи и управленіи церковномъ, касательно отношенія христіанъ къ еретикамъ, б) заботахъ объ утвержденіи и распространеніи духовнаго образованія (мѣстныя разности въ направленіи его). Затѣмъ въ этой же главѣ подъ особыми рубриками излагаются: «Исторія церквей западныхъ, или борьба церкви съ расколами», куда входятъ монтанизмъ, споры о пасхѣ, расколы Фелиціссима и Новаціана и споры о крещеніи еретиковъ, и «Исторія церквей восточныхъ, или борьба церкви съ ересями», гдѣ ведется рѣчь А) объ антитринитаріяхъ трехъ родовъ (діалектики: Ѳеодоръ Банкиръ, Артемонъ, Ѳеодотъ Кожевникъ, алоги; практики: патрипассіане—Праксей и Ноетъ; средній родъ: Бериллъ и Савеллій), Б) объ оригенизмѣ и въ частности ученіи Оригена о св. Троицѣ. Въ заключеніи къ исторіи періода дѣлается очеркъ христіанской жизни за это время. Начиная, повидимому, съ XXV курса (1861—1863) предъ заключеніемъ ставится особый параграфъ: «Исторія христіанской церкви въ Персіи», куда отнесена и борьба съ манихействомъ.

Второй періодъ, отъ Константина В. до раздѣленія церквей, былъ начинаемъ сначала съ 313 г. потомъ съ 323 (конспектъ XXIV курса, 1859—61 г.) и раздѣленъ на двѣ половины: первая до 622 г., вторая до 1054 г. Въ первый отдѣлъ или первую часть первой половины (323—622) входятъ: *1 глава* — распространеніе церкви, *2*—отношеніе церкви къ государству въ предѣлахъ римской имперіи, *3*—церковное благоустройство (а) управленіе и б) богослуженіе), *4*—очеркъ нравственной жизни христіанъ и иночество; въ конспектѣ 1875/6 г. послѣднія двѣ главы поставлены одна на мѣсто другой. Вторая часть первой половины: «Борьба церкви съ ересями и расколами», содержитъ А) исторію церквей восточныхъ, аріанство, оригенистическіе споры и дѣло Златоуста, несторіанство, монофиситство, V вселенскій соборъ (сюда же въ видѣ прибавленія присоединялся въ курсахъ первыхъ годовъ краткій очеркъ исторіи церкви несторіанской до

настоящаго времени, патріархатовъ александрійскаго и антіохійскаго до нашествія магометанъ, церкви армянской до XII в.), и Б) исторію церквей западныхъ: расколъ донатистовъ, пелагіанство (сюда же въ первое время присоединялись свѣдѣнія о «неправильномъ развитіи ученія о единствѣ церкви и съ тѣмъ вмѣстѣ—возвышеніи римской каѳедры»). Первоначально (конспектъ XXIII курса, 1855—7 г.) такого подраздѣленія на части не было и исторія 313—622 г.г. излагалась въ 4 главахъ: *1*—распространеніе вѣры, *2*—устройство іерархіи, богослуженіе, образованіе, жизнь, *3*—исторія церквей восточныхъ и *4*—западныхъ. Вторая половина періода (622—1054) заключаетъ также двѣ части. Первая часть — «Исторія восточныхъ церквей»: *глава 1*—внѣшнее состояніе восточныхъ церквей, бѣдствія отъ персовъ и магометанъ, *2* — возвышеніе значенія на востокѣ каѳедры константинопольской, синодъ и клиръ патріаршій, *3*—благолѣпіе греческаго богослуженія, *4*—борьба церкви съ ересями (состояніе церковнаго просвѣщенія: св. Іоаннъ Дамаскинъ и св. Максимъ Исповѣдникъ, иконоборство въ VIII и IX в.); сюда же первоначально отнесена была и исторія взаимныхъ отношеній церквей восточной и западной съ VII по XI вѣка. Вторая часть—«Исторія западныхъ церквей»: *глава 1*—паденіе африканской церкви, бѣдственное состояніе церкви испанской, распространеніе вѣры между французами, распространеніе римской церкви и утвержденіе папистическаго лжеученія въ Британіи, Германіи, Даніи, Швеціи и Норвегіи, *2*—отношеніе церкви къ государству въ новопросвѣщенныхъ странахъ, состояніе церковнаго благоустройства, богослуженія, церковнаго просвѣщенія и нравственной жизни западныхъ христіанъ, *3*—развитіе папства (отъ Григорія I до Григорія VII), *4*—осужденіе папства и постепенное отпаденіе римской церкви отъ единства съ вселенскою. Въ первое время исторія 622—1054 гг. раздѣлялась лишь на 4 главы: *1*—бѣдственное состояніе восточныхъ церквей, возвышеніе Константинополя, богослуженіе, благочестіе, церковное образованіе, *2*—борьба греческой церкви съ моноѳелитствомъ и иконоборчествомъ, состояніе этой церкви съ половины IX до половины XI в., *3*—исторія церквей западныхъ, *4*—папство и отношеніе римской церкви къ восточной до половины XI в.

Третій періодъ — отъ 1054 г. до настоящаго времени (въ конспектахъ и лекціяхъ, относящихся ко вре-

мени до 1857 г.) раздѣляется на двѣ части 1454 годомъ; первая половина въ свою очередь раздѣляется на два отдѣла временемъ патріарха Георгія кипрскаго. Излагаема была, безъ распредѣленія по главамъ и безъ особой наглядности въ порядкѣ отдѣльныхъ рубрикъ, исторія собственно восточной церкви.

Для библейской исторіи руководствомъ при преподаваніи и теперь, повидимому, служило «Начертаніе церковно-библейской исторіи» Филарета. Но въ то время, какъ при предшественникѣ И. В. Чельцова, прот. І. С. Кочетовѣ, и церковная исторія проходилась въ общемъ тоже по «Начертанію церковной исторіи отъ библейскихъ временъ до XVIII вѣка» Иннокентія (Смирнова), съ нѣкоторыми лишь дополненіями, теперь это «Начертаніе» выходитъ уже изъ употребленія въ Академіи и замѣняется лекціями, составленными самимъ профессоромъ въ соотвѣтствіи съ разработкою въ данный моментъ церковно-исторической науки на западѣ. Для І. С. Кочетова, при томъ широкомъ объемѣ, какой имѣла прежде въ Академіи церковная исторія, личный интересъ его сосредоточивался по преимуществу на исторіи русской церкви, гдѣ онъ, по отношенію къ XVIII и XIX вв., выступалъ самостоятельнымъ продолжателемъ Иннокентія. Къ иностраннымъ пособіямъ онъ, пользуясь при преподаваніи общей церковной исторіи «Начертаніемъ» Иннокентія, вообще, повидимому, не обращался, и изъ новыхъ иностранныхъ языковъ знакомъ былъ лишь съ французскимъ. И. В. Чельцовъ, по выдѣленіи въ 1851 г. исторіи русской церкви въ особый предметъ, по необходимости долженъ былъ все вниманіе сосредоточить на общей церковной исторіи, и если хотѣлъ поставить ее болѣе или менѣе научно, долженъ былъ обратиться къ западной наукѣ. Въ своемъ знаніи иностранныхъ языковъ онъ обладалъ и нужными для этого средствами. Еще въ семинаріи, наряду съ классическими языками и еврейскимъ, былъ изучаемъ имъ языкъ нѣмецкій; въ Академіи затѣмъ онъ изучалъ языки французскій и англійскій. Обратиться необходимо было именно къ германской церковной историографіи, въ виду ея особыхъ успѣховъ въ XIX вѣкѣ.

При необходимости, не смотря на указанныя выше ограниченія, читать церковную исторію съ самаго начала своей профессорской дѣятельности въ весьма широкомъ объемѣ, на всемъ ея протяженіи, со включеніемъ и новозавѣтной библейской исторіи, И. В. Чельцовъ, обращаясь къ западнымъ посо-

біямъ, естественно долженъ былъ на первыхъ порахъ въ болѣе или менѣе значительной степени отражать на себѣ ихъ вліяніе и воспроизводить ихъ содержаніе въ своихъ лекціяхъ. Изъ напечатанной части его лекцій, составленныхъ именно въ самые первые годы его службы (отдѣлъ объ основаніи церкви и о внѣшнемъ состоянія ея въ первые три вѣка), также изъ сохранившихся собственноручныхъ записокъ (напр., о гносисѣ) и литографированныхъ изложеній его курсовъ, частію уже и изъ самыхъ конспектовъ (ср. напр. отдѣлъ объ антитринитаріяхъ), видно, что главнымъ пособіемъ для него (какъ и для его знаменитаго современника—прот. А. В. Горскаго) была церковная исторія Неандера. По отношенію къ напечатаннымъ лекціямъ это и было въ свое время отмѣчено въ рецензіи на нихъ свящ. П. Матвѣевскаго.

Въ послѣдующее время, помимо произведенныхъ измѣненій въ самой постановкѣ науки въ направленіи къ спеціализаціи, самъ И. В. Чельцовъ находилъ, повидимому, болѣе цѣлесообразнымъ читать съ особою подробностію лишь одну извѣстную часть курса, опуская другую. Такъ, въ конспектѣ 1875/6 г. заключается лишь одна первая половина второго періода (323—622) и упоминается только о краткомъ общемъ обозрѣніи второй половины (622—1054) (такое только краткое обозрѣніе для этого времени и имѣется въ литографированномъ видѣ уже отъ 1854/5 и 1866 г.). Нужно думать, что въ позднѣйшіе годы лекціи его, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ, при его неустанной работѣ и обращеніи къ первоисточникамъ, носили печать самостоятельности въ гораздо большей степени, чѣмъ въ первые годы. Статья его «О павликіанахъ» (актовая рѣчь въ 1877 году), какъ замѣчаетъ А. П. Лебедевъ, можетъ лучше всего дать понятіе о талантѣ его, какъ историка [1]). Къ сожалѣнію, повидимому не имѣется литографированныхъ подробныхъ записей его чтеній отъ послѣднихъ годовъ, собственныя же его записки относятся къ раннему времени.

Слушатели И. В. Чельцова весьма высоко цѣнили его лекціи. Характеристику его какъ профессора далъ, будучи студентомъ, его будущій преемникъ по каѳедрѣ В. В. Болотовъ

---

[1]) А. П. Лебедевъ, Церковная исторіографія въ главныхъ ея представителяхъ съ IV вѣка по XX. М. 1898, стр. 354.

въ письмѣ, писанномъ осенью 1876 г., именно—сравнивая его съ другимъ своимъ учителемъ И. Е. Троицкимъ [1]). Чельцовъ, по словамъ В. В. Болотова, «читаетъ просто, ясно,—а когда воодушевится, то и увлекательно»; лекціи его о клирѣ въ I—IV в. онъ находитъ интересными по сопоставленіямъ съ современными порядками и вопросами о духовенствѣ. Лекціи И. Е. Троицкаго «очень хороши, но жанръ ихъ совсѣмъ иной, чѣмъ у И. В. Чельцова. Эти два профессора представляютъ двѣ своеобразныя, совершенно индивидуальныя и несоизмѣримыя величины: И. В. Чельцовъ—если прибѣгнуть къ сравненію, живописецъ, И. Е. Троицкій напротивъ—скорѣе архитекторъ; первый бралъ блестящими частностями, второй—стройностью общаго цѣлаго, математическою соразмѣрностью плана; у перваго наряду съ прекрасными мѣстами попадались и блѣдныя пятна, лекціи нѣсколько страдали невыдержанностью колорита, у второго—слабыхъ мѣстъ незамѣтно и тонъ отличается чрезвычайною ровностію; сила перваго въ краскахъ, въ колоритѣ, личности выходятъ какъ живыя, со всѣми деталями, второй беретъ лѣпкой, выдвигаетъ немногія черты, но выпукло, личностями занимается мало; первый бралъ разсказомъ, второй—подведеніемъ итоговъ; первый умѣлъ дать понять, какъ дѣло было, и въ этой естественности хода, соизмѣримости съ настоящимъ, и состояло его объясненіе историческихъ фактовъ, второй заботится о томъ, чтобы показать, почему дѣло произошло именно такъ, бьетъ на причины, на разсказѣ почти не останавливается; его лекціи—съ характеромъ отвлеченно-философскимъ».

Къ этой сравнительной характеристикѣ можно присоединить, что указываемыя въ ней черты того и другого историка находятъ соотвѣтствіе, до нѣкоторой степени также и объясненіе (помимо другихъ возможныхъ причинъ и прежде всего ихъ природныхъ склонностей и особенностей), и въ ихъ отношеніи къ представителямъ западной церковно-исторической науки. Если И. В. Чельцовъ болѣе всего пользовался Неандеромъ, съ повѣствовательнымъ болѣе или менѣе, не смотря на проведеніе извѣстныхъ общихъ идей, характеромъ его исторіи, то И. Е. Троицкій съ особымъ вниманіемъ и уваженіемъ относился къ философствующему историку Бауру, независимо,

[1]) Сообщено М. В. Рубцовымъ, въ „Церк. Вѣстн.“ 1901, № 33, 1069—1070: „Памяти И. Е. Троицкаго“.

конечно, отъ крайностей послѣдняго по самому содержанію его воззрѣній [1]). Во время докторскаго диспута И. Е. Троицкаго И. В. Чельцовъ думалъ найти у него даже не совсѣмъ будто бы осторожное пользованіе Бауромъ [2]).

О впечатлѣніи, какое производилъ И. В. Чельцовъ своими лекціями, свидѣтельствуютъ и выступавшіе предъ его гробомъ съ рѣчами ораторы. «Лекціи его по исторіи древней христіанской церкви, говорилъ проф. прот. П. Ѳ. Николаевскій (тогда доцентъ, магистръ XXVI курса, 1861—1865), всегда выслушивались съ серьезнымъ вниманіемъ, съ любовію; насъ удивляла обширная эрудиція покойнаго профессора, основанная на самостоятельномъ, непосредственномъ изученіи древней святоотеческой литературы; насъ восхищала живость, воодушевленность его рѣчи, отличавшейся всегда ясностію красокъ, образностію, остроуміемъ, глубиною мысли и взгляда, проникнутаго уваженіемъ къ трудамъ и ученію отцовъ церкви». «Не смотря на продолжительную 26-лѣтнюю службу при академіи, преподаваніе его дѣлалось постепенно все болѣе и болѣе одушевленнымъ, рѣчь его доходила до художественной образности по мѣрѣ дальнѣйшаго изученія имъ своего предмета» [3]). Другой ораторъ, студентъ Л. Покровскій, указываетъ, что онъ «не тѣни людей выводилъ предъ своими слушателями», «не образы, смутно и нерельефно выступающіе на темномъ фонѣ давно прошедшаго, не подобія людей съ чуждой намъ рѣчью и строемъ мысли, съ мало понятными мотивами дѣйствій», но «живыхъ людей—съ ихъ плотію и кровію,—стоявшихъ въ центрѣ событій своего времени и изъ самихъ себя ихъ объяснявшихъ», отмѣчаетъ практическіе совѣты, выводившіеся имъ изъ исторіи для будущихъ церковныхъ дѣятелей, его любовь къ церкви и наукѣ. Студентъ Г. Дорожаевскій отмѣчаетъ отношеніе И. В. Чельцова къ своему служенію на профессорскомъ поприщѣ, какъ къ дѣлу священному и высокому, величайшее вниманіе къ его лекціямъ слушателей и его

---

[1]) Подобныя же, до нѣкоторой лишь, разумѣется, степени, отношенія къ названнымъ западнымъ историкамъ можно видѣть и у представителей церковно-исторической науки въ московской Академіи, прот. А. В. Горскаго и А. П. Лебедева.

[2]) Ср. описаніе диспута въ „Церк. Вѣстникъ“ 1875, № 17, и отдѣльной брошюрой, стр. 33—37.

[3]) Церк. Вѣстн. 1878, № 10, стр. 10.

высокую авторитетность у нихъ, его «желаніе и искусство сдѣлать всѣ возможныя приспособленія», чтобы читаемое стало дѣйствительно вразумительнымъ и понятнымъ для слушателей, соединявшіяся съ рвеніемъ прочитать какъ можно болѣе, также указанныя уже раньше черты—наглядность въ представленіи событій, практическіе выводы изъ нихъ, любовь къ церкви [1]) *).

А. Брилліантовъ.

---

[1]) Тамъ же, стр. 11—12.

*) Окончаніе слѣдуетъ.

Письма архіепископа (Рязанскаго, † 11 ноября 1863 г.) Смарагда (Крыжановскаго) къ архимандриту Іероѳею (Добрицкому, † 30 ноября 1882 г.) изъ Орла, С.-Петербурга и Рязани (1847—1863 г.г.) *).

---

48 (XXIV) [1]).

СЪ сего времени [т. е. возвращенія изъ С.-Петербурга въ Орелъ] писанія Архипастырскія [Смарагда] къ моему недостоинству [о. Іероѳею] болѣе часты; но неизмѣнно исполнены единаго духа любви ко Господу, упованія на Него, смиренія, благораспорядительности и откровенности, которая, по чистосердію Владыки, любезно высказывалась и о новостяхъ, всегда приправляемыхъ нравоученіемъ. Такъ *23 апрѣля 1855 года* [Смарагдъ] пишетъ:

„Христосъ Воскресе!—По ходатайству вашему сего дня монахи ваши рукоположены во имя Господа Бога и во славу Его. О Мценскѣ, чтобы мнѣ вскорѣ быть тамъ, я поистинѣ и не думалъ. А скорѣе быть вамъ у насъ, если присужденная вамъ третья степень Анны Святѣйшимъ Синодомъ, будетъ утверждена и Благочестивѣйшимъ Императоромъ [2]). Дай Богъ получить! Я съ своей стороны полагаю, что вы никогда не можете

---

*) Продолженіе. См. сентябрь, гдѣ издатель не держалъ послѣдней корректуры.

[1]) Взято изъ „Воспоминаній“ о. *Іероѳея* л. 73—74 Кіев. ред. и 73 об.—75 Ряз. ред.

[2]) По имѣющей у насъ копіи формуляра о. Іероѳея за 1879 г., онъ „въ воздаяніе отлично-усердной службы Всемилостивѣйше сопричисленъ къ ордену св. Анны 3 степени 16 Апрѣля 1855 года“.

жаловаться на мое усердіе къ Вашему лицу, или невниманіе къ вашей службѣ".

Послѣ нѣсколькихъ извѣстій, Владыка говоритъ:

„Вотъ и Задонскій Архимандритъ О. Серафимъ оставилъ уже жизнь сію, и отошелъ въ лучшій міръ въ самую Пасху! Конечно, Воронежской Епархіи не нажить уже подобнаго дѣятеля. Помолитесь о семъ достойнѣйшемъ служителѣ Церкви Господней..."

Не мѣшаетъ однакожъ вспомнить о прежнихъ отношеніяхъ между Преосвященнымъ Смарагдомъ и Архимандритомъ Серафимомъ. Будучи Ректоромъ Кіевской Духовной Семинаріи и Настоятелемъ Кіево-Выдубицкаго Монастыря, Архимандритъ Смарагдъ возобновлялъ этотъ монастырь на испрошенную отъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода сумму; и въ это время получилъ перемѣщеніе въ Ректора Московской Виѳанской Семинаріи. Игуменъ Серафимъ, бывшій экономомъ Кіево-Софійскаго Митрополичьяго Дома, былъ назначенъ временно къ принятію въ свое завѣдываніе Кіево-Выдубицкаго Монастыря; и при пріемѣ этой Обители жестоко притѣснилъ Архимандрита Смарагда: считалъ доски, употребленныя въ полы, заборы и тому подобн., такъ что Архимандритъ Смарагдъ вынужденъ былъ жаловаться Высокопреосвященному Митрополиту Кіевскому. Впослѣдствіи Преосвященный Смарагдъ, увидѣвшись въ гор. Ельцѣ съ Задонскимъ уже Архимандритомъ Серафимомъ, все прежнее забылъ, по незлобію своему.

* * *

[Къ этимъ словамъ о. Іероѳея неизлишне прибавить, что о. Серафимъ Покровскій былъ родомъ изъ Псковской епархіи, гдѣ преосвящ. Евгеніемъ Болховитиновымъ былъ взятъ къ себѣ изъ строителей Якобштадтскаго монастыря экономомъ архіерейскаго дома съ назначеніемъ его игуменомъ Крыпецкаго Іоанно-Богословскаго монастыря, съ этимъ же архипастыремъ, возведеннымъ 30 января 1822 г. на Кіевскую митрополію, перешелъ въ Кіевъ сначала казначеемъ митрополитанскаго дома, при Кіево-Софійскомъ соборѣ, потомъ экономомъ и, наконецъ, въ 1834 г. намѣстникомъ Кіево-Печерской Лавры, но по смерти митр. Евгенія († 23 февраля 1837 г.), поручившаго ему по завѣщанію „сохраненіе своего имѣнія до отдачи наслѣдникамъ" (см. „Русскій Архивъ" 1909 г., кн. 6, стр. 205), вынужденъ былъ уйти въ настоятели Домницкаго Рождественскаго монастыря, Черниговской епархіи, въ 1839 г. переведенъ на такую же должность въ Нѣжинскій Назаретъ-Богородичный (Благовѣщенскій) монастырь и въ 1846 г. перемѣщенъ въ Задонскій Богородицкій монастырь, Воронежской епархіи, гдѣ скончался *не* 13 марта,

какъ у Л. Ст. Мацѣевича на стр. 511, и *не* 18-го, какъ у П. М. Строева, Списки іерарховъ и настоятелей монастырей Россійскія Церкви, Спб. 1877, стлб. 847, *а*) 28 марта 1855 года въ три часа пополуночи—согласно сообщенному намъ изъ Задонска донесенію старшей братіи епископу Воронежскому Іосифу отъ 28 марта 1855 г. за № 76. См. у о. *А. Ѳ. Хойнацкаго*, Очеркъ исторіи Нѣжинскаго Благовѣщенскаго монастыря (Нѣжинъ 1906), стр. 50; іером. *Геронтія*, Историко-статистическое описаніе первоклассnаго Задонскаго Богородицкаго монастыря, Москва 1871, стр. 126—127, 2-е изд. ibid. 1873, стр. 122 и—особенно—у *Л. Ст. Мацѣевича* въ „Трудахъ Кіевской Духовной Академіи“ 1910 г., № 7—8, стр. 495 сл. Описываемый у о. Іероѳея случай можетъ относиться къ періоду ректорства Смарагда въ Кіевской Семинаріи (съ 30 ноября 1826 г.), при настоятельствѣ въ Кіево-Выдубицкомъ Михайловскомъ монастырѣ (съ 17—31 декабря 1826 г.), и—въ частности—къ переводу его (съ 8 мая 1828 г.) ректоромъ Виѳанской Семинаріи.—*Н. Г.*].

*
* *

Далѣе въ томъ же письмѣ Владыка пишетъ:

„Вы же Мценскіе чернецы не молодушествуйте и не ропщите, видя, что въ настоящее время всѣ состоянія гораздо болѣе безпокойны, нежели мы. Господи, отъими отъ насъ это грозное время, и пошли миръ Твой святый на враждебную [1]) землю нашу“.

49 (XXV) [2]).

Преосвященный [Смарагдъ] всегда предварительно извѣщалъ Духовенство предъ выѣздомъ для посѣщенія Епархіи. Онъ никогда никого не безпокоилъ нечаяннымъ наѣздомъ; никогда не имѣлъ въ виду цѣли, чтобы застать кого-либо въ неисправности; зналъ человѣческую на подобные случаи немощь; и желалъ только, чтобы вездѣ все было исправно и удовлетворительно къ его пріѣзду. А о всегдашней исправности по Духовному Вѣдомству онъ постоянно, неизмѣнно напоминалъ всѣмъ и каждому при личныхъ свиданіяхъ; и въ это время особенно признавалъ нужнымъ подтверждать обо всемъ. Вотъ и теперь отъ *18 Маія 1856 года* Архипастырь пишетъ:

---

[1]) По словамъ о. *Іероѳея*, здѣсь „Архипастырь, вѣроятно желалъ представить вообще міръ земной, на которомъ стихіи добра и зла—въ постоянномъ раздорѣ въ слѣдствіе Божественнаго прещенія“...

[2]) Взято изъ „Воспоминаній“ о. *Іероѳея* л. 74 об.—75 Кіев. ред. и л. 75—76 Ряз. ред.

„Вѣдомо вамъ да будетъ, что я въ Троицынъ день 26 Маія намѣренъ быть и служить въ Мценскѣ. Самъ пріѣду, если Господь соизволитъ, къ вамъ въ Монастырь 25 числа... Скажите о семъ О. Протоіерею Ильѣ Космичу [1]) и всему Духовенству, чтобъ все было въ порядкѣ и къ духовному моему удовольствію".

Но, сколько могу припомнить, не смотря на Архипастырское предвареніе мы въ Обители не успѣли встрѣтить Святителя по чину! А Владыка за это не былъ въ претензіи къ нашей безпечности.

„Намѣренъ,—

продолжаетъ онъ въ письмѣ,—

пробыть въ Мценскѣ Троицынъ, а, можетъ быть, и Духовъ день. А потомъ собираюсь въ Боголюбезный Болховъ на открытіе женской Общины [2]) и прочихъ священнодѣйствій и церковныхъ дѣлъ. Мира, здравія, а паче Божія вседѣйственнаго благословенія всѣмъ вамъ усерднѣйше желаю".

50 (XXVI) [3]).

22 Декабря того-же [*1856*] *года* Владыка [Смарагдъ] пишетъ:

„Много благодаримъ васъ, отче, за ваше благожеланія мнѣ, по случаю предстоящаго великаго праздника. Взаимно, молитвенно желаю, да Рождшійся во спасеніе наше Господь сохраняетъ тя здрава и благоденственна на многія и многія лѣта! Слава Богу, мое здоровье нынѣ лучше, хотя и не въ нормальномъ положеніи. Что дѣлать?—60 лѣтъ! Нужно мириться со старостію и благодарить Господа и за то здоровье, которое по неизреченной Своей милости Онъ посылаетъ".

Далѣе, сожалѣя о выѣздѣ и болѣзни Ректора Семинаріи, Архимандрита Митрофана въ Полотскъ, объясняя неблагопріятные слухи о новомъ Орловскомъ Ректорѣ [4]), и учинивъ

---

[1]) Разумѣется протоіерей Мценскаго собора Илья Космичъ Соколовъ, состоявшій еще благочиннымъ и присутствующимъ въ Духовномъ Правленіи; въ 1856 г. онъ былъ депутатомъ отъ Орловской епархіи при коронованіи Императора Александра II.

[2]) См. о ней письмо 20 и ср. №№ 41, 42.

[3]) Нижеслѣдующія выдержки сего письма взяты изъ „Воспоминаній" о. *Іеровея* л. 75 и об. 29 прим. Кіев. ред. и л. 76—77. 29 прим. Ряз. ред.

[4]) Это былъ архим. Фотій (Аркадій Романовскій). Послѣ Московской Семинаріи онъ учился въ Московской Духовной Академіи (1842—1846 гг.) и кончилъ курсъ пятымъ магистромъ, служилъ инспекторомъ Новгородской Семинаріи, откуда въ 1853 г. былъ назначенъ ректоромъ въ Полоц-

косвенныя замѣчанія и намъ грѣшнымъ, по случаю бывшей Настоятельской вакансіи въ Трубчевскомъ Чолнскомъ Монастырѣ, меня касавшейся [1]), продолжаетъ:

„Крестный ходъ Высочайше утвержденъ во Мценскѣ 12 Августа изъ Петропавловскаго Монастыря [2]), которому принесетъ ли какой доходъ сіе хожденіе, сомнѣваюсь. Господь да пошлетъ вамъ всякое изобиліе. Простите!“

* * *

22 Декабря 1856 года въ письмѣ ко мнѣ [о. Іероѳею] Архипастырь [Смарагдъ] изволилъ увѣдомить меня, что

„Воинъ Димитріевичъ Задонскій, что̀ въ Бурлукѣ, нынѣ дѣйствительно скончался. Человѣкъ былъ хорошій. Да пребываетъ въ царствіи небесномъ“ [3]).

кую Семинарію, но не ужился здѣсь съ архіеп. Василіемъ (Лужинскимъ), и 10 ноября 1855 г. его помѣняли мѣстами съ Орловскимъ ректоромъ Митрофаномъ (см. выше письмо 21 на стр. 969,1). Митр. Филаретъ просилъ Смарагда, чтобы онъ „не спѣшилъ слѣдовать (неблагопріятному) мнѣнію Полоцка“ о. Фотіи (см. „Чтенія въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія“ 1871 г., кн. XIII, стр. 45), а за послѣднимъ уже шла молва о его алкоголической слабости. Тѣмъ не менѣе Смарагдъ всячески поддерживалъ новаго ректора, который имѣлъ всѣ данныя для хорошей карьеры:—видный и представительный, вообще красавецъ собой,—Фотій былъ человѣкъ умный, многознающій, добрый и справедливый (по отзыву А. Е. Попова). Однако слабость постепенно усилилась, и всѣ семинарскія дѣла оставались безъ ректорскаго надзора, а вѣдалъ ими собственно лишь инспекторъ (1855—1860 гг.) іеромонахъ Іонаѳанъ (Рудневъ: см. о немъ и „Орловскія Епархіальныя Вѣдомости“ 1866 г., № 21, стр. 1192; 1867 г., № 10, стр. 795. 802. 809, № 21, стр. 1628; 1868 г., № 12, стр. 932. 941. 943. 945). Въ концѣ концовъ положеніе настолько ухудшилось, что — согласно просьбѣ Смарагда предъ митрополитомъ С.-Петербургскимъ Григоріемъ (Постниковымъ)—Фотій 14 января 1855 г. былъ переведенъ цензоромъ Духовнаго Цензурнаго Комитета въ С.-Петербургѣ, съ сохраненіемъ за нимъ лично степени настоятеля второкласснаго монастыря. Отсюда синодальнымъ указомъ отъ 20 февраля 1861 г. (за № 591) о. Фотій былъ назначенъ настоятелемъ Домницкаго Рождество-Богородичнаго монастыря Черниговской епархіи и здѣсь 18 октября того же 1861 г. скончался.—Ср. у † архіеп. *Саввы*, Хроника моей жизни III (Св.-Тр. Сергіева Лавра 1901), стр. 515, и у *Д. И. Довгялло*, Витебская Духовная Семинарія (Витебскъ 1907), стр. 37—39, а также „Орловскія Епархіальныя Вѣдомости“ 1869 г., № 2, стр. 138—140.

[1]) Тогда послѣ архим. Іеронима (1848—1856 гг.) освобождалось въ Чолнскомъ Спасскомъ монастырѣ настоятельство, которое—за отказомъ о. Іероѳея—занялъ архим. Пименъ (1857—1864 гг.).

[2]) См. письмо 2.

[3]) Это былъ зять помѣщика Волчанскаго уѣзда села Великаго Бурлука Андрея Яковлевича Захаржевскаго, генералъ-лейтенантъ, съ кото-

51 (XXVII) [1]).

Святитель сей [Смарагдъ] въ совершеніи Таинства рукоположенія былъ чрезвычайно внимателенъ и благоговѣенъ, хотя и очень снисходителенъ къ способностямъ рукополагаемыхъ. По подобному случаю такъ изволилъ Архипастырь писать ко мнѣ отъ *14 Декабря 1857 года*:

„Испытывалъ вашихъ монаховъ; не говоря о Катихизисѣ, коего у монаховъ спрашиваютъ всѣ Владыки, и знаніе котораго для всѣхъ иночествующихъ всенеобходимо,—какъ Пафнутій, такъ и въ особенности Даніилъ [2]), читаютъ плохо; и вы представленіями своими должны бы щадить совѣсть Святителя, коему заповѣдано: руки не возлагай скоро ни на кого же [3]), а тѣмъ паче на тѣхъ, кои могутъ читать Евангеліе Христово ошибочно, и вмѣсто истиннаго Слова Его, читать (свое) слово ложное... О, какой грѣхъ и соблазнъ отъ такого чтенія и такихъ читателей!“

Архипастырь возвратилъ обоихъ въ Обитель Мценскую безъ рукоположенія. Владыка изволилъ присовокупить въ томъ своемъ писаніи, что въ это время онъ занятъ рукоположеніемъ Іереевъ и Діаконовъ, отправляемыхъ въ Иркутскую Епархію, по предписанію Святѣйшаго Синода [4]); и желалъ скорѣе отправить ихъ.

„Вы же надѣясь,—

продолжаетъ Архипастырь,—

на наше къ вамъ снисхожденіе и постоянную братскую любовь, можете прислать ихъ [Пафнутія и Да-

---

рымъ Смарагдъ былъ знакомъ по Харькову, когда В. Д. Задонскій состоялъ начальникомъ штаба резервной поселенной кавалеріи (военнаго поселенія) въ Чугуевѣ, о чемъ сообщается въ „Воспоминаніяхъ“ о. *Іеровея* л. 27—29 Кіев. и Ряз. ред.

[1]) Взято изъ „Воспоминаній“ о. *Іеровея* л. 64 об.—66 об. Кіев. ред. и л. 65—66 об. Ряз. ред.

[2]) Повидимому, это не тотъ „ученый“ Даніилъ, о которомъ говорится въ письмѣ 34.

[3]) 1 Тим. V, 22.

[4]) Въ 1857 году епископъ Иркутскій Евсевій (Орлинскій, о которомъ см. „Христіанское Чтеніе“ 1909 г., № 10, стр. 1332—1351; № 11, стр. 1459—1482) сообщалъ Св. Синоду о недостаткѣ священниковъ въ его епархіи, почему Синодальнымъ опредѣленіемъ 11—30 сентября 1857 г. рѣшено было предложить мѣста въ Иркутской епархіи 25-ти семинаристамъ разныхъ Семинарій, въ томъ числѣ—и Орловской, гдѣ числилось 182 безмѣстныхъ кончившихъ Семинарію воспитанниковъ. Очевидно, именно по этому случаю Смарагдъ и занятъ былъ упоминаемыми въ письмѣ рукоположеніями, хотя въ соотвѣтствующемъ дѣлѣ Архива Св. Синода 1857 г. № 1.186 порученія ему о семъ не имѣется.

ніила] ко мнѣ подъ 29^е сего Декабря..... и тогда, дастъ Господь премилосердый, могу совершить для вашей Обители новаго Іеромонаха и новаго Іеродіакона.... Вѣрую Господу, что не осудитъ за наше милосердствованіе и снисхожденіе къ убогимъ, лишь бы пребывали вѣрными въ Евангельскихъ заповѣдяхъ и послушаніяхъ... О смерти Кіевскаго Владыки [1]) ничего здѣсь не слышно: но извѣстіе, кажется, ложно. Я жъ, благодареніе Богу, давно уже рѣшительно пересталъ думать о движеніяхъ и повышеніяхъ, чему Господь Богъ мнѣ свидѣтель! И къ чемъ теперь все это!" [2]).

Относительно самаго дѣйствованія Архипастыря въ совершеніи рукоположенія посвящаемыхъ могу съ истиннымъ убѣжденіемъ изъ десятилѣтняго присутствованія, опыта и наблюденія засвидѣтельствовать, что Преосвященный Смарагдъ съ неподражаемымъ, такъ сказать, искуствомъ внушенія и силою духа передавалъ „Божественный Залогъ" новорукополагаемому Іерею! Безъ особеннаго умиленія и страха Божія нельзя было присутствовать при совершеніи Святителемъ Таинства рукоположенія во Іерея [3]). Не одинъ изъ внимательныхъ рукополагавшихся пролилъ слезы умиленія на св. престолъ, которыя свидѣтельствовали явно о присутствіи особенной благодати Господней по молитвамъ Святителя.—Далѣе Архипастырь въ письмѣ своемъ говоритъ:

„Дай Богъ Крещеніе проводить, и на Іордань сходить!"

А сообщая о слухахъ насчетъ войны съ Англіею и Франціею и о военномъ наборѣ, присовокупляетъ:

„Но Господь да вознаградитъ насъ всеобщимъ миромъ и благоденствіемъ".

52 (25) [4]).

†

По Вашему желанію я все сдѣлалъ. Впрочемъ напрасно спѣшите съ производствами! Сіе ни Вамъ, ни имъ непо-

---

[1]) Митрополита Филарета (Амфитеатрова), † 21 декабря 1857 г.

[2]) Говорится это, конечно, потому, что—въ виду ожидавшейся кончины Кіевскаго митрополита Филарета—о. Іероѳей въ своемъ письмѣ, повидимому, высказалъ мысль о переводѣ Смарагда на Кіевскую митрополію.

[3]) Нѣкоторые замѣчали, что подводившіе къ посвященію ставленниковъ, съ ними поступали дерзновенно: это и должно относиться къ дерзости подводившихъ. Когда подводили ставленниковъ ко Святителю,—онъ въ это время сидѣлъ на каѳедрѣ почти всегда съ поникшею головою.—О. *Іероѳей*.

[4]) Это письмо приведено и въ „Воспоминаніяхъ" о. *Іероѳея* (л. 75 об.—78 Кіев. ред. и л. 77—79 об. Ряз. ред.), который говоритъ, что „оно про-

лезно. Филадельфъ Вашъ какой-то имѣетъ отпечатокъ непостоянства. Дай Богъ, чтобъ, по хиротоніи въ Іеромонаха, оно

никнуто духомъ прозорливости Божія Святителя", ссылаясь на слѣдующіе факты: 1) „Недостатокъ, замѣченный Святителемъ въ Ф[иладельфѣ[, впослѣдствіи проявился въ немъ. Мы замѣчали это, и боялись за него. Молитвами Архипастырскими Ф[иладельфъ] стоялъ долго; но какъ?—объ этомъ Испытаяй сердца и утробы [Апок. II, 23] вѣсть; а теперь, слышно, бѣдствуетъ". 2) „Вотъ другое, что-то скорбное гадательно выражается въ писаніи Архипастырскомъ. Преосвященный всегда съ удовольствіемъ давалъ для сбора милостыни просительныя книги недостаточнымъ Обителямъ Монастырскимъ и бѣднымъ церквамъ. Всѣмъ, изъ другихъ Епархій приходившимъ съ просительными книгами, безпрепятственно дозволялъ собирать подаяніе въ своей Епархіи. Владыка обыкновенно говорилъ: «Зачѣмъ препятствовать просить милостыню? Кто хочетъ, дастъ; а кто не хочетъ дать, тотъ и самъ не дастъ». Такъ и для Мценской Обители Архипастырь благоволилъ дать просительную книгу на имя Іеромонаха Ф[иладельфа]: но съ какою-то грустью пишетъ... Предчувствіе Святителя оправдалось: онъ обнаружилъ боязнь въ одномъ; а съ нами случилось несчастіе другаго рода. — Іеромонахъ Ф[иладельфъ] еще почти не начиналъ просить съ книгою подаянія на Обитель, какъ около Тулы на ночлегѣ у этого Іеромонаха украдена выданная изъ Консисторіи книга съ сумкою и вещами". 3) „Архипастырь говоритъ о близости вѣчности къ намъ; но вдругъ обратилъ ее къ себѣ": и нынѣ отъиде ко Господу! Между тѣмъ здоровье Архипастыря всегда казалось удовлетворительнымъ, а я чувствовалъ постоянную слабость: и, по слабости моего здоровья, мнѣ бы гораздо прежде Архипастыря слѣдовало отойдти на тотъ свѣтъ". 4) „Задумавъ постройку новой Соборной церкви въ Орловскомъ Архіерейскомъ Домѣ, и заботясь объ утвержденіи плана и фасада оной, Владыка сначала предпріятіемъ этимъ очень утѣшался, желалъ церковь кончить и въ ней положить кости свои. Это была его задушевная мысль. Когда былъ я у Архипастыря въ Орлѣ, а Владыка во Мценскѣ, то Святитель всегда повторялъ это желаніе. А теперь, когда всѣ предначинательные труды совершились, когда получено благословеніе Святѣйшаго Правительствующаго Синода на постройку храма, когда и матеріаловъ довольно приготовлено,—теперь вдругъ Архипастырь, какъ бы, упалъ въ духѣ, и пророчественно продолжаетъ писать... И дѣйствительно скоро сбылось это сугубое предчувствіе. Святитель Божій въ Іюлѣ мѣсяцѣ сего же 1858 года выѣхалъ въ Рязань, и церкви не закладывалъ. Она заложена Преосвященнымъ Поликарпомъ, Епископомъ Орловскимъ. По истинѣ, въ Святителѣ Божіемъ Смарагдѣ благодатно и богатно обиталъ Духъ Господень. И въ этомъ дѣлѣ Архипастырь показалъ мудрость и смиреніе: имѣя достаточно времени (—съ Февраля мѣсяца по Іюль, въ которомъ выѣхалъ въ Рязань—) и средствъ, чтобы заложить этотъ храмъ Божій, Преосвященный не восхотѣлъ предвосхищать себѣ чести и памяти; и не возложилъ обязательнаго бремени постройки на другихъ". 5) Слова: „страхъ меня объятъ" оправдались въ тревогахъ по случаю перевода изъ Орла въ Рязань.

обратилось въ твердость—стоять на камени заповѣдей Божіихъ!

Книги (сборныя) выдаю я вамъ всегда со страхомъ. Москва продолжаетъ смотрѣть на нихъ мрачно и притязательно. Да и Питеръ въ томъ ей не уступаетъ. — Хорошо имъ!.. Впредь старайтесь обходиться безъ форменныхъ книгъ по Губерніямъ, особенно жъ по вышеуказаннымъ.

Благодарю за всѣ ваши доброхотства и благожеланія.— Помолитесь Господу объ ослабѣ разныхъ находящихъ отъ врага и людей противностей и искушеній, да тако другъ о другѣ молящеся достигнетъ вѣчности, которой предѣлы къ намъ (*т. е. ко мнѣ*) столь близки! О, еслибы вѣчности блаженной!

Вашъ благожелатель Смарагдъ Архіепископъ.

21 Февр. 1858.

P. S. Вышло повелѣніе: сломать нашу Успенскую и Предтечевскую Церкви, и создать новую, по новому Высочайше утвержденному плану [1]). Но кто ее будетъ строить и на что?—Страхъ меня объятъ, и едвалъ прикоснусь къ сему дѣлу, особенно живя здѣсь, какъ птица на остромъ колу (:какъ вы сами нѣкогда наше житье уподобляли:).

53 (XXVIII) [2]).

И не даромъ Святитель Божій [Смарагдъ] въ прошедшемъ письмѣ (№ 52) сказалъ (см. выше): „Страхъ меня объятъ“. Въ непродолжительное время, когда Господу Богу было угодно измѣнить Орловскую судьбу Архипастыря,— много, премного перестрадала правдивая, многотерпѣливая душа его. Въ этихъ страданіяхъ души, не находя возмож-

---

[1]) Изъ указа Св. Синода преосвящ. Смарагду отъ 17 января 1858 года за № 55 видно, что Государь Императоръ Александръ II 26 декабря 1857 г. Высочайше соизволилъ утвердить проектъ на возведеніе каменной церкви при Орловскомъ Архіерейскомъ Домѣ. При послѣднемъ были и понынѣ остаются упоминаемыя въ письмѣ Успенская и Предтечевская церкви, но въ бытность преосвящен. Смарагда возведенъ величественный пятиглавый Троицкій соборъ—въ русско-византійскомъ стилѣ по плану извѣстнаго архитектора Тона; это доселѣ одинъ изъ лучшихъ храмовъ въ г. Орлѣ. О Троицкомъ соборѣ см. и у † *Г. М. Пясецкаго*, Исторія Орловской епархіи, стр. 975—977. и въ „Орловскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ 1897 г., № 34, стр. 1249—1259, а также и у † архіеп. *Никанора* (Каменскаго), Собраніе сочиненій (Казань 1909), стр. 548—550. Ср. и письмо 59.

[2]) Взято изъ „Воспоминаній“ о. *Іероѳея*, л. 78—82 Кіев. ред. и л. 79 об.—83 Ряз. ред.

ности дождаться воли Божіей и Начальственной, Владыка и еще разъ самъ рѣшался измѣнить судьбу свою. Въ такомъ болѣзненномъ настроеніи, имѣя лишь одни слухи о назначеніи своемъ въ Рязань, Архипастырь отъ *20 Іюня 1858 года* пишетъ:

„Я не могу принять на себя новаго бремени предлагаемой Рязанской Епархіи. Лѣта, а пуще разстроенное здоровье воспрещаютъ мнѣ взвалить на свои рамена новое тяжкое иго обширнѣйшей и неустроенной, не имѣющей при томъ никакихъ выгодъ Паствы, не подавивъ себя, и не сдѣлавъ ей никакой пользы. А потому и рѣшился я подать на покой. Пріиде часъ мой! Буди воля Господня! Планъ мой такой: остаться до излѣченія болѣзни въ Орлѣ, гдѣ *усердіе* [1]) предлагаетъ мнѣ особый покойный домъ, при коемъ весьма легко устроить домовую церковь. Но для виду, и если выздоровѣю, то желалъ бы нѣсколько времени, и въ нѣкоторые промежутки года проживать и въ Монастыряхъ Болховскомъ, или Мценскомъ, безъ управленія оными. Я говорю—для виду: ибо повторяю, что намѣренъ жить въ Орлѣ постоянно, и развѣ только временно и нѣсколько разъ пріѣзжать въ вашу Обитель. Такъ какъ нынѣшніе Мценскіе настоятельскіе покои не дурны: то планъ мой просить ихъ для себя на случай пріѣзда въ Монастырь и жительства въ оном. Не оскорбляйтесь симъ! Теперь ваше время услужить мнѣ немощному, и чрезъ то заслужить Царствіе небесное, обѣщанное призрѣвающимъ больныхъ, старыхъ и въ заточеніи обрѣтающихся [2]). У васъ же много мѣста, и для себя вы вблизи можете по таковому же, или меньшему плану построить и поставить себѣ новыя келліи; въ чемъ, если нужно будетъ, и я матеріально могъ бы вамъ нѣсколько споспѣшествовать... Прошу васъ немедленно извѣстить о согласіи; ибо я вскорѣ долженъ просить обо всемъ оном Святѣйшій Синодъ. Я увѣренъ, что вы.... понимаете великую мзду свою на небесахъ, если охотно послужите, чѣмъ возможно, мнѣ во всю жизнь мою преданному вамъ и всегда пекшемуся о вашемъ благоустроеніи. Господь съ вами!—P. S. Все написанное сохраните въ секретѣ: ибо я еще конечно [3]) не рѣшился

[1]) Въ Ряз. ред. л. 80 противъ этого мѣста на полѣ чернымъ карандашемъ чьею-то рукой (чуть ли не цензора архим. Ювеналія, положившаго на „Воспоминаніяхъ“ о. Іероѳея резолюцію зеленымъ карандашемъ: см. стр. 384—385) давно написано: „Мерзавецъ взяточникъ Брусвичъ, послужившій такимъ безчестіемъ для Архипастыря“. Это видно и изъ дальнѣйшихъ поясненій о. Іероѳея.

[2]) См. Мѳ. XXV, 34 сл.

[3]) О. Іероѳей вноситъ тутъ поясняющее слово „окончательно?“

и страшно борюсь помышленіями. Прошу Господа, да укрѣпитъ меня въ предпріятіи. Помолитесь и вы о мнѣ".

Письмо это доставлено мнѣ [о. Іероѳею] лично Мценскимъ Соборнымъ О. Протоіереемъ [1]), бывшимъ наканунѣ у Владыки. Прочитавши письмо, я замѣтилъ, что Архипастырь глубоко пораженъ вѣстію о переводѣ его въ Рязань. Указа еще не было. Теперь, можетъ быть, кто-либо лучше меня замѣтитъ, насколько Владыка въ письмѣ выразился обоюдно. Но для меня ясно было, что Преосвященный, огорченный и потрясенный (многоразличными) вѣстями, при сильномъ своемъ полнокровіи, заболѣлъ и былъ близокъ къ состоянію горячки. Для меня еще болѣе обнаружилось то неблаговидное *усердіе*, которое предлагало домъ въ Орлѣ Святителю Божію. Это *усердіе* того человѣка, который имѣлъ несчастіе злоупотреблять близостію къ Архипастырской Особѣ и нѣкоторою довѣренностію. Утвердительно можемъ сказать, что это *усердіе*, жертвуя своимъ домомъ, нажитымъ, Богъ и люди (теперь) вѣдаютъ, какими средствами, съ водвореніемъ у себя Владыки, предназначало себѣ цѣлію—воспользоваться всѣмъ..... Понятно, что Владыка, въ болѣзненномъ состояніи, могъ поддаться на злой умыселъ такого *усердія*. Въ здоровомъ состояніи Владыки это *усердіе* не смѣло бы явиться съ подобною дерзостію [2]). Мысль—просить для вида Монастырь для жительства, а между тѣмъ повторительно утверждать о намѣреніи жить въ Орлѣ,—мысль также обоюдная, убѣдительно утвердила меня, что Владыка нездоровъ, и нездоровъ опасно. Я спросилъ О. Протоіерея: Владыка очень разстроенъ? Не поѣхать ли мнѣ къ нему лично?—„И хорошо сдѣлаете, отвѣчалъ О. Протоіерей, если сами поѣдете".—Я тоть часъ же 21 Іюня отправился въ Орелъ; и около четырехъ часовъ по полудни прибылъ въ Архіерейскій Домъ. Мнѣ хотѣлось упросить Владыку, что бы онъ оставилъ мысль объ увольненіи на покой; а поспѣшить съ просьбою онъ могъ бы при постоянномъ нашептываніи злаго *усердія* и при болѣзни. Я желалъ разстроить и надежды этого *усердія*. Когда о прибытіи моемъ доложили Архипастырю, я послѣ того долго ожидалъ, пока Владыка прикажетъ явиться мнѣ къ нему. Но предъ Владыкою въ то время лицемъ къ лицу стояло *усердіе* и, очевидно, всѣми

---

[1]) О. Ильею Космичемъ Соколовымъ; см. письмо 49 на стр. 1241,1.

[2]) Тѣмъ болѣе предположенія наши, думаемъ, справедливы, что Преосвященный, давно питая въ себѣ мысль удалиться на покой, въ Треубчевскомъ Чолпскомъ Монастырѣ устроилъ нарочно для себя покой, какъ въ мѣстѣ извѣстномъ у насъ своимъ пріятнымъ положеніемъ. О чемъ мы узнаемъ то же изъ Святительскаго писанія уже изъ Рязани.—О. *Іероѳей*. См. и письмо 63.

силами желало не допустить меня къ Архипастырю. Согласно съ этимъ, такъ и Святитель грозно встрѣтилъ меня: „Зачѣмъ ты пріѣхалъ? Терзать меня, раздирать мою душу?— Я безъ тебя знаю, что мнѣ дѣлать!“ Какъ нельзя болѣе, изъ этого можно было понять болѣзненное разстройство Владыки, и противодѣйствіе мнѣ *усердія*, которое относительно меня догадалось, зачѣмъ я пріѣхалъ, и наведеніемъ грозы усиливалось разомъ оттолкнуть меня. Но Господь поражаетъ лукавство, и творитъ съ нами во благо по своей святой волѣ. Грозныя слова Архипастыря приняты мною вмѣсто благословенія Святительскаго. Я поклонился, взялъ потомъ благословеніе и сказалъ: Я прибылъ къ Вашему Высокопреосвященству по моей преданности; просить Васъ ни о чемъ не имѣю; мнѣ отъ Васъ ничего не нужно; тѣмъ болѣе оскорблять Святительскую Особу Вашу я не намѣренъ. Благословите: я сей часъ ѣду обратно домой. Владыка благословилъ меня: но (тутъ же) самъ до крайней степени смирился; и кроткимъ голосомъ (болѣзненнымъ) спрашиваетъ: „Куда же ты?“—Ѣду во Мценскъ, повторилъ я. Тутъ Преосвященный [начинаетъ говорить] ко мнѣ слово, другое. Я долженъ былъ отвѣчать, и остановился. И чѣмъ далѣе вязался разговоръ, тѣмъ спокойнѣе становился Архипастырь; и мы бесѣдовали очень долго. Моя мысль всегда извѣстна была Владыкѣ по неоднократнымъ прежнимъ бесѣдамъ нашимъ въ другихъ мѣстахъ (какъ напр. въ Харьковѣ) и всегда была направляема къ тому, чтобы Архипастырь покорился волѣ Божіей; и если то нужно будетъ, то принялъ бы новое назначеніе. Святитель и самъ изволилъ высказаться въ томъ же духѣ: „Я-то и самъ такъ думаю; но до такой степени разстроенъ, что мысли безпрерывно смѣняютъ одна другую“ [1]). Такимъ образомъ я заночевалъ въ Архіерейскомъ Домѣ; и на другой день съ благословеніемъ Архипастырскимъ уѣхалъ во Мценскъ. А Владыку Господь подкрѣпилъ молитвами и высокимъ совѣтомъ Великихъ Святителей, какъ я слышалъ послѣ.

Проѣздомъ въ Рязань, Преосвященный ночевалъ у насъ во Мценской Обители; былъ грустенъ, хотя и казался спокойнымъ. Мнѣ особенно было непріятно, что вмѣстѣ съ Архипастыремъ ѣхалъ въ Рязань и затѣйникъ неудавшагося *усердія*. Было больно; и все, какъ бы, офиціально, хотя и усердно было съ нашей стороны. Нельзя было и быть иначе. Многое скопилось и въ сердцѣ и въ головѣ..... за всѣ 21 съ лишнимъ годъ (—съ 4 Марта 1837 г. по 8-е Іюля 1858 года—) при разставаніи невозвратномъ.

---

[1]) И очень естественно: что Господь влагалъ въ умъ и въ сердце Архипастыря, то врагъ разстраивалъ нашептываніями злаго *усердія*.—О. *Іеровей*.

54 (26) [1]).

†

Преподобнѣйшій О. Архимандритъ Іероѳей, возлюбленнѣйшій мой о Господѣ братъ!

Взаимно и васъ поздравляю съ новымъ годомъ и желаю вамъ всѣхъ отъ Господа Щедродателя благъ. Какъ вы о себѣ ничего не пишете: то и намъ бы не слѣдовало распространяться о нашемъ существованіи: однакожъ думая, что вы сколько-нибудь сочтете пріятнымъ [2]) имѣть положительное свѣденіе о продолжающемся еще бытіи нашемъ на землѣ, увѣдомляю васъ, возлюбленне отче! что по сіе 31[е] число Декабря вокругъ насъ все благополучно. Жить былобъ не худо, еслибъ можно было взять гдѣ-либо прежней энергіи и дѣятельности. Однакожъ и безъ того, запущеній матеріальныхъ и нравственныхъ здѣсь столько, что онѣ скорѣе меня препобѣдятъ, нежели я ихъ возмогу одолѣть. — Монастыри здѣшніе бѣдны и усерднаго прибѣжища къ нимъ нѣтъ, исключая Радовицкаго Монастыря и Ранненбургской Петропавловской Пустыни. Первая изъ поименованныхъ здѣсь обителей управляется Архіереемъ, вмѣсто коего на мѣстѣ имѣется Намѣстникъ, Архимандритъ [3]). Ее посѣщаетъ множество богомольцевъ, отъ чего она нескудна, такъ что за всѣми расходами каждогодно остается и полагается въ банкъ отъ 3—4 тысячъ рубл. сер. Я въ этой обители былъ и служилъ 8го прошедшаго Сентября, а болѣе нигдѣ въ Епархіи не былъ. Но слышу и знаю, что прочіе Монастыри 11 муж. [4]) и 3 женскихъ [5]) и 1 общи-

---

[1]) Это письмо приводится и въ „Воспоминаніяхъ“ о. *Іероѳея* л. 82 об.—83 Кіев. ред. и л. 83 об.—84 об. Рпз. ред.

[2]) Я, кажется, писалъ дѣйствительно краткое привѣтственное праздничное письмо. Не такова искренность и любовь Святителя Божія, который смиренно снисходитъ до простоты отеческой, откровенности дружественной, взаимности взыскательной...—О. *Іероѳей*.

[3]) Тогда Гавріилъ (1856—1858 г.г.).

[4]) Они слѣдующіе: 1) Спасскій въ Рязани, сущ. съ конца XV в.; 2) Троицкій въ Рязани же, сущ. съ конца XIV ст.; 3) Богословскій въ Рязанскомъ уѣздѣ, сущ. еще съ начала XIII в.; 4) Солотчинскій въ Рязанскомъ у., основанный въ 1390 г.; 5) Ольговъ Успенскій въ Рязанскомъ у., основ. въ 1218—1220 г. (но съ 1896 г.—женскій); 6) Данковскій Покровскій, основ. въ 1627 г.; 7) Николо-Радовицкій въ Егорьевскомъ у., основ. въ половинѣ XV в.; 8) Пронская Спасская пустынь, сущ. съ XVII в.; 9) Ранненбургская Петропавловская пустынь, основ. въ 1712 г.; 10) Ряжскій Димитріевъ монастырь близъ Скопина, основ. въ 1380 г.; 11) Скопинскій Свято-Духовъ, сущ. съ XVII в.

[5]) Это были: 1) Рязанскій Казанскій монастырь, сущ. въ XVII в. и въ 1786 г. переведенный изъ самаго города на теперешнее мѣсто—въ

на [1]) находятся не совсѣмъ въ благоустроенномъ состояніи, однакожъ всѣ почти имѣютъ изрядные капитальцы; ибо здѣсь прежде была мода: собрать сколько-нибудь деньжёнокъ, хотябъ то съ приведеніемъ строеній въ ветхости. Епархія—огормная и не небезпокойная. Кажется не уступитъ *огнепалимой* [2]) Орловской! Здоровье мое слава Богу еще мало мнѣ измѣняетъ, и я занимаюсь своимъ дѣломъ безпрепятственно. Помолитесь [3]) о насъ Хрїсту Спасителю, да пошлетъ намъ (и Вамъ) впредь вся благая, по своему безпредѣльному милосердію.

Вамъ неизмѣнно благожелательный покорнѣйшій слуга
Смарагдъ Архіепископъ.

31 Дек. 1858 г.
Рязань.

55 (XXIX) [4]).

Наконецъ Преосвященный [Смарагдъ] совершенно успокоился въ Рязани: и, кажется, (по добротѣ его) полюбилось ему и тамъ. Отъ *19 Апрѣля 1859 года* онъ пишетъ:

„Взаимно и благодарно препосылаю вамъ братское мое цѣлованіе по случаю пресвѣтлыхъ дней Пасхи Господней".

Такъ какъ я [о. Іероѳей] жаловался на свое нездоровье, то Святитель вопрошаетъ:

„Что отче! Изнемогаешь? Чти врача противъ потребы его [5]), а болѣе прибѣгай, какъ и самъ вѣдаешь, къ небесному Врачу душъ и тѣлесъ, памятуя, что смерти не избѣгнемъ вси. И что пользы тѣмъ, кои болѣе прожили

восточную часть Рязани; 2) Казанскій Касимовскій, основ. въ 1627 г.; 3) Покровскій Михайловскій, сущ. съ 1819 г., когда сюда переведены были монахини упраздненной Аграфенинской пустыни, основанной (на Куцкомъ озерѣ, въ 13 верстахъ отъ Рязани) въ 1507 г.

[1]) Это Сушкинская Никоновская община, существующая съ 1858 г. въ Спасскомъ уѣздѣ.

[2]) „Огнепалимою" Орловскую Епархію Владыка называетъ, вѣроятно, потому, что она опустошалась частыми пожарами...—[*О. Іероѳей*]. Напр., былъ большой пожаръ 1 іюня 1843 г., а 26 апрѣля (мая?) 1848 г. Орелъ былъ опустошенъ страшнымъ пожаромъ на 3 версты въ длину и на 3 въ ширину, при чемъ истреблено 1.237 домовъ и причинено убытковъ на 3.425 руб.; тогда же погорѣли и 4 церкви: Крестовоздвиженская, Покровская, Преображенская и Срѣтенская: см. у † *Г. М. Пясецкаго*, Исторія Орловской епархіи, стр. 952—954. Описаніе церквей, приходовъ и монастырей Орловской епархіи, Орелъ 1901 (и при „Орловскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ" 1901 г. № 48), стр. 56.

[3]) У о. *Іероѳея* это слово повторено: „Помолитесь, помолитесь о насъ"...

[4]) Взято изъ „Воспоминаній" о. *Іероѳея* л. 83 об.—85 Кіев. ред. и л. 84 об.—86 Ряз. ред.

[5]) Ср. Сирах. XXXVIII, 1: *Почитай врача противу потребъ честію его.*

и умерли, предъ тѣми, кои мало жили, и такъ же во гробъ малый сокрылись!? Подлинно, никакого нѣтъ преимущества первыхъ предъ послѣдними! Во гробахъ тѣхъ и другихъ не то же ли тлѣніе, не та же ли гнилость, не тожъ ли зловоніе, не тотъ ли червь?... И чтожъ мы, поистинѣ неразумные человѣки, заботимся о долголѣтіи?... Я, хотя и не пользуюсь нормальнымъ здоровьемъ, однакожъ во всю зиму и боленъ не бывалъ и всѣ мои обязанности исправлялъ безостановочно. Совершенно успокоился въ жребіи моемъ, который, безъ сомнѣнія, избранъ и предопредѣленъ Господомъ, да буду служителемъ вѣрнымъ святой Вселенской Церкви. Теперь и самъ разсуждаю: да что такая для меня карьера—Орловская Епископія, по которой я столько плакалъ и болѣзновалъ? Конечно, я лучше хотѣлъ сидѣть на одномъ мѣстѣ и быть при васъ, Боголюбезныхъ и знакомыхъ чадѣхъ. Но Господь судилъ иначе, и да будетъ Его святая воля! Мнѣ не безчестно будетъ лежать бездыханнымъ совокупно съ землякомъ нашимъ Стефаномъ Яворскимъ [1]) и другими знаменитѣйшими Іерархами Рязанскими, изъ коихъ есть одинъ,—Мисаилъ мученикъ, убитый стрѣлами за проповѣданіе Мещери Христа [2]),—братіями моими, во множествѣ по-

---

[1]) Онъ погребенъ въ Архангельскомъ соборѣ въ преддверіи алтаря; на гробницѣ надпись: „Рязанскій Митрополитъ Стефанъ Яворскій, Патріарша Престола Екзархъ и Святѣйшаго Сунода Президентъ, рукоположенъ въ Архіерея 1700, а скончался 1722 г., въ Москвѣ, 64 лѣтъ отъ роду въ царствованіе блаженныя памяти Государя Императора Петра Перваго". Въ мірѣ Семенъ Ивановичъ,—родился онъ въ 1658 г. въ мѣстечкѣ „Явора" (не въ Галичинѣ, а—вѣроятнѣе—на Волыни) отъ мелкихъ шляхтичей или небогатыхъ дворянъ, которые были природными русскими людьми, жившими на земляхъ, принадлежавшихъ (тогда) Польской коронѣ (см. † о. *Ст. Е. Родосскій* въ „Странникѣ" 1863 г., № 11, стр. 33; † проф. *Ф. А. Терновскій*, Стефанъ Яворскій до митрополіи: 1658—1699 въ „Трудахъ Кіевской Духовной Академіи" 1864 г., № 1, стр. 45—46; проф. *П. В. Знаменскій*: Руководство къ русской церковной исторіи, 3-е изд., Казань 1880, стр. 299, и Учебное руководство по исторіи русской церкви, изд. 2-е, Спб. 1904, стр. 315; проф. *А. П. Доброклонскій*, Руководство по исторіи русской церкви IV, Москва 1893, стр. 66; *Ст. Гр. Рункевичъ*, Исторія русской церкви подъ управленіемъ Св. Синода, т. I, Спб. 1900, стр. 62—63; *А. В. Королевъ* въ „Русскомъ біографическомъ словарѣ", томъ „Смѣловскій-Суворинъ", Спб. 1909, стр. 413). Въ этомъ сопоставленіи содержится и нѣкоторое указаніе насчетъ генеалогіи Смарагда.

[2]) Онъ, по благословенію патр. Никона, въ третій разъ отправился въ Шацкій уѣздъ „мордву и татаръ въ крещеніе приводить" и тамъ устрѣленъ стрѣлою въ деревнѣ Ямбиринѣ около государева дворцоваго села Конобѣева, близъ Шацка, во вторникъ на Страстной недѣлѣ

гребенными въ здѣшнемъ Архангельскомъ Соборѣ..... Не жалѣйте и вы, избранные друзья мои, о мнѣ, если я изведенъ изъ глубины золъ [1]), или, можетъ быть, предназначенъ здѣсь переносить еще другія какія-либо искушенія въ новыхъ формахъ, въ новыхъ переплетахъ [2]). Претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ! [3]) А конецъ уже такъ близокъ!"

Извѣстивъ съ пріятностію о назначеніи пособія Рязанскому Архіерейскому Дому на возобновленіе онаго [4]), и что особо Архипастырь строитъ себѣ домъ съ церковію на дачѣ [5]), заключаетъ:

Слава Богу о всемъ! Благодарю, что имѣете ко мнѣ довѣренность, и, не смотря на мои неотвѣты, постоянно ко мнѣ пишете. Я готовъ имѣть съ вами общеніе до кончины моей жизни и даже за гробомъ.... Но на каждое письмо ваше отвѣтствовать ей, ей, не могу; а за постоянное ваше расположеніе ко мнѣ одолжаюсь навсегда пребыть къ вамъ съ сердечною любовію"... *)

Проф. **Н. Глубоковскій.**

---

9 апрѣля 1656 г., а умеръ 17 числа въ четвергъ на Святой. Погребенъ въ Рязанскомъ Архангельскомъ соборѣ на правомъ клиросѣ, при чемъ надъ гробницею, въ стекляномъ футлярѣ, виситъ его мантія съ тремя прошибинами отъ стрѣлъ и слѣдами крови. Мисаилъ проповѣдывалъ не мещерѣ, а мордвѣ и убитъ мордвиномъ Горечишкой. О семъ см. у *С. Н. Введенскаго*, Миссіонерская дѣятельность Рязанскаго архіепископа Мисаила среди инородцевъ Тамбовскаго края въ 1653—1656 г.г. въ „Богословскомъ Вѣстникѣ" 1910 г., № 7—8, стр. 527—551.

[1]) Ихъ очень много претерпѣлъ Архипастырь въ разныхъ видахъ во своей любимой, какъ мы видѣли, и имъ оплаканной Паствѣ [Орловской].—О. *Іеровей.*

[2]) Не дышетъ ли и это писаніе духомъ пророческимъ!—Преосвященный Смарагдъ былъ уважаемъ въ Рязани при жизни его. Объ этомъ доходили до насъ весьма благопріятные слухи. Но, вотъ со смертію Святителя, явились, кажется, искушенія, къ нему относившіяся въ новыхъ формахъ, въ новыхъ переплетахъ, что̀ также, къ прискорбію, не миновало слуха нашего.—О. *Іеровей.*

[3]) См. Мѳ. X, 22. XXIV, 13. Мрк. XIII, 13.

[4]) Ср. о семъ и у † архіеп. *Никанора*, Біографическіе матерьялы I, (Одесса 1900), стр. 249.

[5]) Ср. сообщеніе прот. *Н. А. Ильдомскаго* въ „Странникѣ" 1861 г., № 11, отд. IV, стр. 188—191, и у о. *І. Добролюбова*, Историко-статистическое описаніе церквей и монастырей Рязанской епархіи I (Зарайскъ 1884), стр. 11, а также въ иномъ освѣщеніи у † проф. *П. С. Казанскаго* въ „Богословскомъ Вѣстникѣ" 1904 г., т. II, стр. 78. См. и ниже письмо 59.

*) Продолженіе слѣдуетъ.